

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ
ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

В.Ю. Комбаров

ТРАНСОТЧУЖДЕНИЕ
КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ
ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОСТИ

Новосибирск
2013

УДК 301
ББК 60.55
К 63

К 63 **Комбаров В.Ю.** Трансотчуждение как социологический феномен современности. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2013. – 212 с.

ISBN 978-5-89665-254-0

Рецензенты:

д.с.н., профессор Калугина З.И.

д.с.н., профессор Мостовая Е.Б.

д.э.н., профессор Унтура Г.А.

Научный редактор:

д.с.н., Корель Л.В.

Монография является результатом исследовательского проекта, направленного на разработку и верификацию авторской концепции трансотчуждения, которая базируется на гипотезе о том, что современное отчуждение является гибридным вариантом – формой одновременного присутствия в современном обществе (в частности российском) как старых (советских), так и новых (западных) видов отчуждения. Теоретико-методологической основой для формирования концепта «трансотчуждения» послужили наработки таких мэтров социологической мысли как Жан Бодрийяр, Карл Маркс, Жорж Батай, Николай Лапин, Георг Зиммель, Зигмунд Бауман и другие. На материалах конкретного эмпирического социологического обследования, а так же на основании анализа вторичных данных выявлены различные виды отчуждения в традиционной для этого феномена сфере труда, а также в социальном контексте в целом (от управления, власти, самореализации, потребностей; от духовности, реальности), а также его современная форма – трансотчуждение. Показаны пять различных типов (социологических портретов) респондентов, отличающиеся по форме и видам современного отчуждения.

Книга будет интересна специалистам в области социологии, экономики, философии, психологии, калтурологии, а также всем тем, кто неравнодушен к проблемам современного общества и ситуации человека в нём.

УДК 301
ББК 60.55
К 63

ISBN 978-5-89665-254-0

© Комбаров В.Ю., 2013
© ИЭОПП СО РАН, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Теоретико-методологические основания изучения феномена отчуждения в классическом и современном научном социологическом знании	10
1.1. Феномен отчуждения в социолого-философском дискурсе в домарксистский период	10
1.2. Отчуждение как теоретический конструкт в трудах теоретиков классической социологии и Франкфуртского направления	16
1.3. Современные исследования феномена отчуждения в контексте производственных отношений	29
1.4. Возможности исследования отчуждения в контексте интерпретативной социологии (феноменологии и символического интеракционизма)	37
1.5. Феномен отчуждения в дискурсе постмодернизма и объектно-ориентированной социологии	48
1.6. Исследования феномена отчуждения в российской научной практике	76
Глава 2. «Трансотчуждение» как современная форма отчуждения в российском обществе	97
2.1. Генезис концепции «трансотчуждение»	97
2.2. Индикаторы отчуждения	111
2.3. Информационная база исследования	118
2.4. Виды и форма отчуждения инженерно-технических работников современных российских промышленных предприятий	128
2.5. Типы ИТР по видам и форме отчуждения	183
Заключение	190
Библиография	195
Приложения	204
Глоссарий	211

ВВЕДЕНИЕ

Научная актуальность исследования отчуждения вызвана недостаточной изученностью проявлений этого процесса в контексте современной российской социальной реальности. Российское общество по-прежнему пребывает в процессе транзycji, включено в глобализационные процессы, что также обуславливает актуальность изучения отчуждения ввиду появления его новых видов и форм.

Фундаментальная научная мегaproблема, в рамках которой осуществляется работа – «человек отчужденный», т. е. не встроенный (не вполне встроенный), не включенный (не достаточно включенный) в различные уровни современной социальной реальности, в системы жизненных миров, социальных отношений, институтов, культур, связей. Данная проблема имеет множество направлений, проекций и дискурсов в философии, социологии, психологии и экономике. Однако, несмотря на этот факт, всё еще остаётся в ряду малоизученных. Конкретная же *социальная проблема*, изучаемая в данном исследовании, может быть сформулирована в терминах разрыва, несоответствия, расхождения между 1) необходимостью мобилизации креативного, созидающего трудового потенциала всех общественных групп для исторического прорыва России в будущее, детерминируемое глобализационными вызовами, и 2) массовизацией отчуждения человека в системе трудовых отношений (от собственности, от продуктов и процесса труда, от возможности самореализации в трудовом процессе, от управления, от информации, от знаний, от инноваций, от распределения доходов, от власти и пр.), что ведет к растратам человеческих ресурсов и выступает мощным тормозом модернизационных преобразований на российских промышленных предприятиях. Последнее обстоятельство актуализирует высокую актуальность темы данного исследования.

Отчуждение как целенаправленный объект изучения отечественных социологов является «близнецом» по рождению современной России и российской социологии, так как обретает свою легитимность в трудах и дискуссиях российских обществоведов именно в период заката Советского Союза¹. Надежды на успешное развитие российского общества тогда во многом связывались с преодолением отчуждения людей и общества в целом от развития, власти, от управления, безопасности, от

---

¹ Как таковой научный дискурс отчуждения в отечественной социологии берет свое начало в конце 1980-х годов и сосредоточен вокруг проблемы отчуждения при социализме. В СССР проблема отчуждения рассматривалась философией лишь с позиций критики капитализма, а критика советского общества через призму понятия «отчуждение» была табуирована по идеологическим причинам.

удовлетворения потребностей. Иными словами, предполагалось сократить дистанцию, разрыв, отчуждение между институтами экономики, политики, власти, СМИ, права и человеком, обществом. Отчуждение исследователями того времени связывалось с полной дисфункциональностью вышеперечисленных институций советского общества, с направленностью их против граждан, против их воли и потребностей.

Сегодня, спустя почти четверть века, в момент осуществления «новой» волны модернизации российского общества, актуальной является попытка оценки того, насколько успешными или безуспешными оказались предыдущие реформы через призму концепций отчуждения, и насколько перспективными выглядят современные преобразования; по-прежнему ли современный россиянин (труженик в контексте исследования) отчужден и чем современное отчуждение отличается от того, о котором писали зачинатели отечественного социологического дискурса отчуждения. Иными словами, в рамках данного исследования предпринимается попытка рассмотрения динамики процессов отчуждения в России, в частности отчуждения ИТР современных российских промышленных предприятий. Особую актуальность изучения данной группы респондентов обуславливает тот факт, что высококвалифицированные, технически и технологически компетентные работники являются и будут являться основным субъектом производства в контексте формирующейся в России и всё более кристаллизирующейся в мире экономике знаний.

Так, социальная динамика современного российского общества предъявляет определенные требования к изучению наукой новых форм и видов отчуждения, механизмов его возникновения. Ведь новые формы социального устройства порождают и новые виды отчуждения, которые смешиваясь с прежними видами отчуждения, образуют новую гибридную форму отчуждения – *трансотчуждение*. Так, в качестве новых катализаторов, а в ряде случаев и ингибиторов отчуждения, выступают такие социальные явления, как перманентное условие модернизации, формирование гиперреальности, общества потребления, стремительное развитие компьютерных и телекоммуникационных технологий, медиатизация корпоративной культуры предприятий.

Исследование современной формы и видов отчуждения, представленное в данной монографии, основывается на моей гипотезе о том, что отчуждение сегодня по своей природе и форме является *трансотчуждением*. Трансотчуждение есть результат *трансгрессивного* перехода российского общества из советской его формы, в иную – постсоветскую, повлекшего за собой смешение различных видов отчуждения, присущих советскому обществу и обществу западному. Старые виды отчуждения, характерные для советского общества (отчуждение от

управления, от развития, от удовлетворения потребностей, от информации) не были устранены, как ожидалось, в результате реформ (акта *трансгрессии*), а напротив, были усилены новыми, западными видами отчуждения, которые явились результатом внедрения рыночных отношений и формирования общества потребления в России (отчуждение от духовности), медиатизации социального тела и формирования гиперреальности (отчуждение от реальности и социальности). *Мутация, в частности, старых, советских видов отчуждения при усиленном метастазировании в них новых, западных видов отчуждения, привела к формированию гибридной формы отчуждения – трансотчуждения.*

Центральными в монографии являются понятия «отчуждение» и «трансотчуждение»:

1) **Отчуждение** – процесс, в границах которого происходит превращение результатов и продуктов деятельности людей в независимую силу, становящуюся выше своих творцов и подавляющую их (Социология: Энциклопедия, 2003); также отчуждение – это отношения между социальным субъектом и какой-либо его социальной функцией, складывающиеся в результате разрыва их изначального единства, ведущего к обеднению природы субъекта и изменению (извращению, перерождению) природы отчужденной функции (Социологический словарь). Данные определения в полной мере характеризуют процессы отчуждения, которые рассматриваются с позиций институционального подхода, структурализма, структурного функционализма, марксизма, неомарксизма, а также постмодернизма.

Западные словари добавляют к определению отчуждения такие характеристики, как: состояния замкнутости и изоляции от объективного мира, которые проявляются через равнодушие и неприязнь; также отчуждение в них трактуется как отчуждение между различными сторонами личности (Dictionary.com). Данное понимание отчуждения скорее свойственно психоанализу, а также феноменологической и интеракционистской традиции в социологии.

В данной исследовательской работе в ходе анализа современных видов и форм отчуждения, я придерживаюсь всей палитры выше представленных определений отчуждения. Например, в случаях с отчуждением от власти, от управления, от развития, от профессиональной самореализации, от принятия политических решений мы имеем дело с отчуждением, которое есть результат отчуждения от человека его деятельности (политической, трудовой, творческой и т.д.) и её результатов (заработная плата, профессиональная самореализация, влияние на политические процессы) – в этом случае я рассматриваю отчуждение в структуре институциональных процессов, в системе взаимодействия

структурных элементов (актора и среды, человека и общества, агента и институций). А в случаях с отчуждением от различных уровней реальности, от всего космоса в целом, от окружающих людей, самоотчуждением как отчуждением человека от себя самого, я имею возможность говорить, в большей степени, о внутренних измерениях отчуждения, которые проявляются через чувства одиночества, неприязни, отвращения. Стоит отметить, что, как правило, внутренние и внешние проявления процесса отчуждения одновременно присутствуют в каждом отдельно взятом случае отчуждения: с одной стороны исследователи имеют возможность видеть рассогласованность во взаимодействии институтов и агентов, структурную рассогласованность элементов, которой движет логика нехватки; с другой стороны, имеют место быть и субъективно-переживаемые акторами последствия этой несогласованности, структурной лакуны;

2) **Трансотчуждение** – форма отчуждения, совмещающая в себе как старые, еще не исчезнувшие с исторической сцены виды отчуждения, так и новые, нарождающиеся в ходе транзитивных процессов. Применительно к России последних двух десятилетий можно говорить о трансотчуждении как гибридизации укорененных в социальной ткани просоветских и привнесенных извне западных моделей отчуждения, соответствующих обществам с развитой рыночной системой и демократией.

Теоретико-методологической основой монографии являются ставшие уже «классическими», теории отчуждения. Это, во-первых, теоретические наработки в области изучения феномена отчуждения в классическом общественном знании: Ж.-Ж. Руссо, Ф. Гегель, Т. Гоббс, М. Гесс, К. Маркс. Эти исследователи заложили основу понимания отчуждения через такие понятия, как: овеществление (духа, человеческих отношений), отчуждение прав, религиозное отчуждение, отчуждение труда и собственности, фетишизация института денег в системе общественных отношений, конфликт между социальными институтами и индивидом. Сильный акцент в их трудах делается на формировании цивилизации промышленного типа и капиталистического общества.

Во-вторых, это теоретические представления таких грандов научной социологической мысли как М. Вебер, Э. Дюркгейм, З.Фрейд и Г. Зиммель. Для них синонимом отчуждения становится в целом феномен «трагедии культуры» в современном им обществе. Последний проявляется как результат рационализации социальной жизни, бюрократизации общества, конфликта между инстинктами и культурой, между желаниями человека и цивилизационными ограничениями. Делается акцент на феномене урбанизации как ферменте, способствующем проявлению новых видов отчуждения.

В-третьих, я опирался на воззрения современного теоретического и практического научного знания о феномене отчуждения, включая воззрения Франкфуртской школы на природу отчуждения, постмодернистские представления о нем, а также так называемые постсоциальные теории, описывающие природу отчуждения. В данном контексте отчуждение трактуется уже в более многоплановом ключе, заметна сильная пролиферация знания относительно причин, факторов и сущности феномена отчуждения, свой взгляд на эту проблему предлагают сразу несколько парадигм социологического знания. С одной точки зрения, отчуждение здесь связывается со свойствами социальной структуры (Р. Мертон, М. Симен, Ж. Лакан, Н. Лапин, В. Радаев и др.); формированием массового общества и общества потребления (З. Бауман, Э. Фромм, Т. Адорно и др.); с развитием технократической цивилизации, оформлением тоталитарных социальных систем (Х. Арендт, Г. Маркузе, М. Хоркхаймер и др.); а также с различными властными практиками (М. Фуко, Ф. Гваттари, Ж. Делёз и др.). При этом особое внимание уделяется колоссальному влиянию СМИ, заменой значений на коды и формированию гиперреальности (Ж. Бодрийяр, М. Маклюэн). Другая точка зрения, представленная сторонниками концепции постсоциальных отношений, являет собой попытку снять проблему отчуждения через формирование концепции «дружбы» между людьми и вещами, включения последних в социологический дискурс на правах полноценных действующих субъектов – актантов (К.К.-Цеттина, Б. Латур и др.).

Стоит отметить, что концепция трансотчуждения явилась результатом использования мной (применительно к проблеме отчуждения) ряда представлений о феномене трансгрессии Ж. Батая, Р. Кайуа, Ж. Бодрийяра и других. Трансгрессия – достижение субъектом внешней позиции по отношению к чему-либо в процессе пересечения границ и выхода за пределы, по ту сторону явлений, состояний или объектов, которые, в свою очередь, также являются внешними, чуждыми субъекту и не способствуют проявлению его истинной сущности (Новейший философский словарь, 2003). Трансгрессия – это манифестация свободы. Наиболее полно понятие трансгрессии разработано Жоржем Батаем и понимается как процесс преодоления социальных запретов, традиций, моральных регулятивов в обществе, экономике, религии, философии, эротизме и т.д. Отличительной особенностью процесса трансгрессии является не отмена запретов, а их приостановка, изменение их силы и формы. Трансгрессия как процесс преодоления барьеров, рамок, границ, подчас в сторону желаемого и запретного характеризует переход советского общества в фазу постсоветского, повлекший за собой изменение и появление новых видов отчуждения и его особой формы – трансотчуждения. Определенный запрет на различные проявления потребления,

экономической и политической свободы, сексуальности повлек, в итоге, трансгрессивный переход, который выразился в формировании рынка и общества потребления в России, качественном и количественном изменении СМИ в сторону интертеймента, а также относительном реформировании политической системы. С позиций теории трансгрессии, период преобразований и реформ, которые имели место быть в начале 1990-х годов в России, не привели к столь значительным коренным преобразованиям в отечественном обществе, как это трактуется сторонниками теории трансформации. По моему мнению, произошла скорее некая приостановка различных запретов и ограничений, регулирующих деятельность различных социальных институтов, с последующим восстановлением их функций. Однако трансгрессивные процессы способствовали и проникновению в российскую действительность иных практик и социальных институтов, традиционно ассоциируемых с западным обществом. Признаки отчуждения, привнесенные извне, переформатировали аутентичные формы отчуждения, в результате чего возникла его новая форма – трансотчуждение, характеризующаяся как признаками новых (западных) видов отчуждения, так и признаками, свойственными старым (советским) видам отчуждения.

Для верификации концепта трансотчуждения были использованы данные 2-х социологических обследований, проведенных с моим участием в конце 2009 – начале 2010 гг. в Новосибирске в рамках исследовательского проекта «Промышленное предприятие Сибири в условиях глобального кризиса: социально-экономические трудности и ресурсы обновления» (научный руководитель проекта – д.социол.н. Людмила Васильевна Корель):

1) Данные анкетного опроса «Современный труженик – какой он?» инженерно-технических работников 4-х промышленных предприятий оборонно-промышленного комплекса (объем выборочной совокупности – 305 человек). Средняя численность работников на одном предприятии составила 1350 человек. В качестве респондентов выступили ИТР.

2) Данные экспертного опроса руководителей промышленных предприятий машиностроительного комплекса и др. города Новосибирска (использована методика случайного отбора, разослано 40, возвращены заполненными 21 анкета, число работающих на одном предприятии в среднем составило 1086 человек).

3) Кроме того был осуществлен анализ вторичных данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимого Национальным исследовательским университетом – Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН.

Отчуждение – главная проблема человеческого существования современной эпохи и всех достойных науки исследований¹.

Глава I

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА ОТЧУЖДЕНИЯ В КЛАССИЧЕСКОМ И СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ЗНАНИИ

1.1. Феномен отчуждения в социолого-философском дискурсе в домарксистский период

Отчуждение – научный концепт, имеющий солидную историю. Так, еще римское «alienatio» имело несколько значений: в сфере права – передачу прав и собственности; в социальной сфере – отделение, изоляцию или самоизоляцию индивида от других людей, своей страны или богов; в медико-психологической сфере – нарушение умственных функций, психическую болезнь (Кон, 1984). Историческую глубину феномена отчуждения подчеркивает тот факт, что такой древний сюжет как падение Адама, рассматривается исследователями как один из примеров отчуждения человека (Вахтер, 1982, с. 18). Проблема изучения отчуждения уходит своими корнями и во времена Платона, когда отчуждение изучалось в качестве религиозной формы, как отчуждение земного существования человека от божественного первоисточника, а снятие его видели в слиянии с богом в веровании и сакральном экстазе. Разработка проблемы религиозного отчуждения отражала и конкретные реалии средневековой действительности (Отчуждение труда, 1989, с. 34).

С приходом Нового времени и возникновением промышленных обществ, капитализма, категория «отчуждение» преодолевает рамки религиозного и приобретает всё большее политическое, правовое, социальное и экономическое содержание. Например, Томас Гоббс истолковывает отчуждение как механизм возникно-

---

¹ Чарльз Миллс. Социологическое воображение. – М.: 2001. – 264 с.

вения государства. Согласно английскому классику, государство есть продукт добровольного отчуждения людьми своей абсолютной свободы, абсолютных прав. Отчуждение людьми своих прав и свобод является основным условием общественного договора. В итоге, государство как искусственное тело, Левиафан, становится самостоятельной силой, способной навязывать свою волю людям. Вместе с тем, отчуждение прав в пользу государства – благо, так как эти права обмениваются на безопасность (Гоббс, 2001).

У представителя французского просвещения Жана-Жака Руссо отчуждение помимо политически-правового приобретает и социальное содержание. Социальные институты (государство, мораль, искусство, религия), являясь посредниками между людьми, отделяются от них, приобретают самостоятельность и господствуют над своими создателями. У Ж.-Ж. Руссо, в отличие от Т. Гоббса, четко выражено негативное отношение к отчуждению: отчуждение необходимо преодолеть. Идеалом французского ученого является такое общество, в котором социальные институты не довлеют над человеком, а связи между людьми прозрачны (Руссо, 1998). Важным в концепции Ж.-Ж. Руссо является обнаруженная им связь отчуждения и проблемы развития личности. Отчужденные социальные отношения уродуют человека, раздваивают его существование, делают частичным (в XX веке такого человека, наследуя традицию изучения отчуждения, Маркузе назовет «одномерным»). Свой век Ж.-Ж. Руссо характеризует так: в обществе, где царит растрепанность нравов, «нет ни искренней дружбы, ни настоящего уважения, ни полного доверия и под одной и той же маской вежливости скрываются подозрения, опасения, недоверие, холодность, задние мысли, ненависть и предательство» (Руссо, 1961, с.46). Целостный, разносторонне развитый, способный к любой деятельности человек – идеал Ж.-Ж. Руссо, которого он противопоставляет отчуждению.

Клод Гельвеций, в свою очередь, исходя из принципов полезности, отмечал, что преследование людьми своих личных интересов (в частности в политике) часто обращается им во вред. Поэтому механизм отчуждения у этого французского материалиста таков – выход из-под контроля людей их собственной деятельности, враждебность им её результатов (Гельвеций, 1974).

Таким образом, теоретики общественного договора (Гоббс, Руссо, Гельвеций) рассматривали политическое отчуждение как

главенствующую форму отчуждения, а государство как продукт этого отчуждения. Основой отчуждения для них выступает отделение людей от процесса и результатов их собственной деятельности, которые становятся неподконтрольными своим создателям и господствующими над ними.

Важно отметить, что согласно авторитетным исследователям теория политического отчуждения сыграла важную роль в практической деятельности французской буржуазии – воплотилась в «Декларации прав и свобод гражданина» и в Конституции, и в принципе неотчуждаемых прав члена общества, главным среди которых было право частной собственности (Огурцов, 1967, с. 35). Концепция отчуждения теоретиков общественного договора явилась исторической предшественницей философских учений об отчуждении И. Канта, И. Фихте, Г. Гегеля, Л. Фейербаха, воззрения которых затем стали основой марксистской концепции отчуждения.

Иммануил Кант рассматривает отчуждение как гносеологическую проблему. Объективная реальность, существуя безотносительно к ее познанию, является «вещью в себе», непознаваемой. Человек сам, силой своего воображения творит познаваемый мир – «вещь для себя», который неадекватен объективному миру – «вещи в себе». Внешний, сотворённый человеком, мир противостоит ему, как продукт отчуждающего творческого духа. Отчуждение, по мнению И. Канта, преодолевается единством творчества и познания. Человек в кантовской философии является активной фигурой, субъектом процесса отчуждения (Кант, 1963–1966).

Категорию отчуждения развивал и Иоганн Фихте. Сущностью человека для него является деятельность. Помимо деятельности субъективной он выделяет также и деятельность, направленную на преобразование предметного мира, то есть деятельность вовне (Фихте, 2008). Помимо собственного самоусовершенствования, творения самого себя, «я» создает и внешний предметный мир, природу, «не-я». Этот мир, «не-я», обладает самостоятельностью и выступает внешним по отношению к «я» и это «я» определяет. Отчуждение выступает как отчуждение самосознания, превращение духа в иное, материальное. Это материальное становится определяющим по отношению к духу, производное определяет основу. Снятие же отчуждения Фихте видит в результате его осознания индивидом своей сущности – неизменного абсолютного «я». Эмпирическое сознание посредством куль-

туры поднимается до уровня чистого «я», осознает внешний мир не как чуждую силу, а как собственное творение, творение абсолютного «я».

Высшее свое развитие категория отчуждения в немецкой классической философии получила в учении Фридриха Гегеля. Научное наследие этого немецкого ученого крайне обширно и пронизано универсальными рассуждениями об отчуждении. По этой причине некоторыми отечественными исследователями производилась работа по выделению подходов, видов, аспектов отчуждения в трудах Ф. Гегеля. Так, В. Погосян выделяет три аспекта гегелевского проекта отчуждения: онтологический, гносеологический и социологический (Погосян, 1973, с. 43). Н. Нарский выделяет дополнительные векторы в изучении Ф. Гегелем отчуждения: общефилософский, гносеологический, социальный и историко-культурный (Нарский, 1963, с. 37). Он же обращает внимание на три вида отчуждения у Ф. Гегеля: переход (отчуждение) идеи в природное, опредмечивание объективного духа в социальные институты и овеществление человеческого духа в продуктах его труда. Отметим, что впоследствии эти идеи послужили для К. Маркса фундаментом его социально-экономической теории отчужденного труда.

В целом отчуждение по Ф. Гегелю – это инобытие абсолютной идеи. Движение абсолютной идеи на пути к себе, к самознанию себя во всем многообразии, являет собой отчуждение и его снятие. Так, сперва абсолютная идея отчуждает противоположное себе материальное, в развитии которого от неживого к живому, от природы к обществу и далее до вершин философии, где окончательно снимается чуждая материальность и предметность, она познает самое себя. Отчуждение тождественно у Ф. Гегеля объективации, опредмечиванию и овеществлению. Природа, и что важно, общество, являются различными формами отчуждения абсолютной идеи. Противоположной отчуждению, у немецкого ученого, как и французских романтиков, является свобода. Свобода в учении Ф. Гегеля есть сущность духа, но первоначально он обладает ею только потенциально, как целью (Гегель, 1977). Лишь побывав в отчужденной форме предметности и сняв ее, дух становится свободным. Все развитие понятия «духа», представляет собой только самоосвобождение «духа» от всех форм наличного бытия, не соответствующих его понятию. Однако необходимо иметь в виду, что Ф. Гегель видит свободу не в ма-

териальном, а лишь в духовном. Как отдельный человек, так и целые народы, становятся свободными только благодаря осознанию свободы как своей сущности (Гегель, 1977, с. 312).

Вместе с тем, в работах Ф. Гегеля присутствуют весьма важные прозрения относительно экономической свободы и экономического отчуждения. В качестве примера можно привести отношения между рабом и господином, то есть связь господства и подчинения. Формально господин свободен, а раб – ему подчинен. Но в действительности, резюмирует Ф. Гегель, господин не может существовать без того, чтобы раб не отчуждал в его пользу свой труд. Следовательно, ни раб, ни господин не являются свободными (Гегель, 1977). Некоторые экономисты и социологи склонны видеть в этом анализе диалектики свободы и подчинения исследование так называемых «первичных» и «вторичных» фигур отчуждения, развитое позднее К. Марксом (Отчуждение труда, 1989, с. 38).

Стоит отметить, что учение Ф. Гегеля об инобытии абсолютной идеи и самоотчужденного от себя духа не является уникальным, а есть скорее ассимиляция идей древней, в частности индийской философии. Преемственность положений индийской философии в трудах Ф. Гегеля анализирует, в замечательной работе «Гегель и Восток» Г. Шаймухамбетова (Шаймухамбетова, 1995). В Ведах и Упанишадах, то, что Ф. Гегель именует духом, определяется как Атман, Единый, Непроявленный. Вся индийская философия, духовная традиция и религия (которые, как правило, являются собой единой целое) направлены на достижение единения, слияния, преодоления отчуждения, вызванного отделённостью материального человеческого существования от Абсолюта. Путём освобождения становится духовный путь, йога, практика, конечным результатом которой является состояние Самадхи, состояние необусловленности и слияния с Духом (Элиаде, 2000).

В противоположном ключе трактует отчуждение Людвиг Фейербах – критик религии и идеализма. Религиозное сознание в его трактовке – это отчуждённое, разорванное сознание. Механизм таков: человек отчуждает свою реальную, предметно-чувственную сущность в трансцендентное, потустороннее. Отчуждая свою родовую сущность, человек наделяет ею бога. «Теология раздваивает и отчуждает человека, чтобы эту отчужденную сущность опять-таки с ним отождествить» (Фейербах, 1955, с. 117). Собственные силы человека начинают восприниматься им

как сверхъестественные, божественные, господствующие. Л. Фейербах постулирует тот факт, что религиозное отчуждение разрушает общественную жизнь. «Чтобы обогатить бога, надо разорить человека; чтобы он был всем, человек должен сделаться ничем» (Фейербах, 1955, с. 56). Страх и зависимость выступают в качестве основных причин отчуждения человека от своей реальной предметно-чувственной сущности. Они возникают потому, что, стремясь удовлетворить свои потребности человек, зачастую не достигает их удовлетворения и устремляется к богу. Основная идея Л. Фейербаха заключена в том, что «абсолютный дух» Гегеля – это не что иное, как отчужденное мышление человека, представленное как божественная сущность. А гегелевская идея о том, что реальность – результат деятельности духа, лишь рациональное выражение религиозного мифа о творении природы. Действенный способ преодолеть отчуждение для Л. Фейербаха – это отказаться от религии и идеализма, чтобы отчуждённые общественные свойства вернулись человеку, а всё божественное предстало как человеческое.

В свою очередь Мозес Гесс был одним из первых, кто активно внедрял в общественное сознание своего времени идею о взаимосвязанности кризиса человечества, капиталистического рабства, отчуждения и денег. Для него деньги – это продукт взаимно отчужденных людей, человеческих отношений. Деньги, как человеческая ценность, переведенная в цифры, представляют собой штамп, печать рабства на теле общества. Таким образом, люди, следуя мысли М. Гесса, вынуждены продавать свою человеческую сущность, свою жизнь, свою свободную деятельность для того, чтобы и дальше продолжать влачить свое жалкое существование: «Мы бесконечно покупаем наше естество и теряем при этом нашу свободу» (Hess, 1971). И далее: «Если мы не хотим умереть с голоду, мы должны периодически потреблять нашу жизнь. Деньги, которые мы потребляем и ради которых трудимся, есть наши собственные плоть и кровь, которые должны быть приобретены, завоеваны и потреблены в отчужденной форме» (Hess, 1971). Не стесняясь в выражениях, М. Гесс называет современных ему людей эпохи капитализма каннибалами, хищными зверьми и вампирами. Идеи немецкого идеолога о сущности денег как отчужденной человеческой природы и деятельности стали основополагающими для таких социологов и классиков дискурса отчуждения, как Карл Маркс и Георг Зиммель.

Таким образом, немецкая идеалистическая философия отождествляет отчуждение с объективацией. Объективация – это процесс опредмечивания духовной деятельности человека по Канту, абсолютного «я» по Фихте и абсолютной идеи по Гегелю. В последующем, эти представления немецкой философии о феномене отчуждения послужили основанием для непосредственно социально-экономических концепций отчуждения. В частности, объективация, овеществление человеческих сил и отношений нашла свое применение при анализе института денег и отчужденного труда, причем труда не только физического, но и умственного, а также труда в сфере услуг. Деньги, как отчужденная человеческая сущность, были описаны Г. Зиммелем, а труд, как чуждая и противостоящая человеку сила, были истолкованы К. Марксом. Некоторые социологи пошли еще дальше и предложили на основе теории реификации (овеществления) концепции, в контексте которых человек представлен как объект, потерявший человеческую сущность, полностью дегуманизированный – в границах этих представлений человек есть попросту вещь (Батай, 2006; Фромм, 2007).

1.2. Отчуждение как теоретический конструкт в трудах теоретиков классической социологии и франкфуртского направления

С известной долей относительности я придерживаюсь мнения, что конкретную социально-экономическую трактовку проблема отчуждения получила в работах К. Маркса. Как правило, при описании концепции отчуждения К. Маркса, выделяют четыре процесса, которые выражают сущность общественных отношений, основанных на разделении труда и частной собственности на средства производства: 1) человек, выполняя частичную функцию и не постигая целостности социальной жизни, превращается из активного субъекта в объект; 2) объекты и продукты его деятельности приобретают самостоятельное существование, определяющее жизнь отдельного человека; 3) деятельность человека, приковывающая его к враждебному социальному миру, становится чем-то внешним и враждебным человеку; 4) отношения между человеком и обществом антагонистичны (Отчуждение труда, 1989).

Наибольшая концентрация смыслов и идей молодого К. Маркса относительно отчуждения содержится в «Экономическо-философских рукописях 1844 года». Именно это произведение мэтра немецкой научной мысли впоследствии стало своего рода библией для исследователей проблемы отчуждения и социально-экономической жизни при капитализме в целом. В рукописях К. Маркс постулирует факт того, что антагонистические общественные отношения извращают содержание процесса труда, отношение человека к своей деятельности, а так же отношения между субъектом и объектом. Отчуждение социальной сущности человека в предмет производства выступает как закабаление. Из свободной деятельности, присущей свободному человеку, деятельность трансформируется в свою полную противоположность. По отношению к индивиду она становится внешней, посторонней для работника, отчужденной от него. Следуя мысли К. Маркса, можно сказать, что те силы, которые создаются человеком в результате отчужденного труда, его же и поработают. Потеряв способность управлять этими силами, индивид превращается в раба. Силы эти социальны и представляют собой не что иное, как отчужденное богатство, а именно совокупность производительных сил и производственных отношений, создаваемых человеком в совместной деятельности с другими индивидами. Однако эти силы стали независимыми, самостоятельными и даже враждебными человеку, который их произвел.

По настоящему свободным индивид чувствует себя не в процессе производства, а за пределами труда. В труде индивид «...не развертывает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет свою физическую природу и разрушает свой дух» (Маркс, Энгельс, 1956, с. 563). Получается, что «Человек чувствует себя свободным не в процессе труда, а лишь в том бытии, которое не отличает его от животного. Подлинно человеческая жизнедеятельность, заключающаяся в преобразовании природы, социальной действительности и самого себя, здесь отсутствует. Она замещается «животным» отношением к деятельности как к средству удовлетворения потребностей. Объясняется это тем, что труд и его результаты принадлежат не самому человеку, а другому субъекту – частному собственнику. Отчуждение деятельности есть результат разделения труда, которое делает рабочего все более односторонним и зависимым, превращает его в частичного человека» (Огурцов, 1967, с. 74).

Важно, что в своих «Экономически-философских рукописях 1844 года» К. Маркс анализирует и такой интересный феномен как отчуждение от природы, иными словами от родовой сущности. Проблеме взаимоотношений человека и природы в трудах К. Маркса внимание уделила в частности Н. Тихонова: «Теория взаимодействия природы и общества является неотъемлемым компонентом воззрений Маркса и Энгельса» (Тихонова, 1981, с. 20). Природа рассматривается К. Марксом как неорганическое продолжение человека, с помощью которого (например, используя природные материалы), человек самореализуется в процессе труда. «Природа есть неорганическое тело человека... Человек живет природой. Это значит, что природа есть его тело, с которым человек должен оставаться в процессе постоянного общения, чтобы не умереть» (Маркс, Энгельс, 1974, М., с. 92). Так, не только очеловеченная природа, мир продуктов его деятельности, но и неорганическая природа как арсенал предметов труда, принадлежащих капиталисту, приобретает для рабочего отчужденный характер. Единство человека и природы разрушено. В контексте данных размышлений К. Маркса природа выглядит лишь как средство сохранения индивидуального существования. Природа трансформируется в нечто чуждое и враждебное по отношению к индивиду. «Отчужденный труд человека, отчуждая от него 1) природу, 2) его самого, его собственную деятельную функцию, его жизнедеятельность, тем самым отчуждает от человека род: он превращает для человека родовую жизнь в средство для поддержания индивидуальной жизни» (Маркс, 1974, с. 92).

Наконец, в результате вышеописанных механизмов, в частности, в результате отчуждения от родовой сущности, генерируется отчуждение человека от другого человека. Так, К. Маркс пишет: «Вообще положение о том, что от человека отчуждена его родовая сущность, означает, что один человек отчужден от другого и каждый из них отчужден от человеческой сущности.» (Маркс, 1974, с. 95). В социуме, в котором господствуют разделение труда и военно-бюрократическое государство, индивид опустошен, заброшен и одинок. Практически каждый видит в другом человеке своего врага и конкурента. Человек становится подвержен страху за свое выживание, так как все подлинные человеческие связи разрушены. Корысть и эгоизм вынуждают видеть не только другого, но и самого себя в качестве средства, а не самоцели.

По мнению некоторых отечественных исследователей, в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» К. Маркса представлена следующая структура основных форм отчуждения: 1) экономическое – отчуждение от продукта труда, от процесса труда; 2) социальное – отчуждение от родовой сущности, человека от человека (в том числе рабочего от рабочего и рабочего от нерабочего); 3) политическое – отчуждение государства от народа, бюрократизм; 4) в сознании – религиозное отчуждение, денежный фетишизм как одна из форм отчужденного сознания (Отчуждение труда, 1989, с. 60).

В работе «Немецкая идеология» К. Маркс продолжает исследовать проблему отчуждения. Однако сущностное наполнение концепта отчуждения в этой работе заметно отличается от концепта 1844 года. Изучение К. Марксом и Ф. Энгельсом отчуждения продолжается в русле таких направлений как: 1) отчуждение частной собственности; 2) отчуждение государства, в результате того, что общий интерес «принимает самостоятельную форму, оторванную от действительных – как отдельных, так и совместных – интересов, и вместе с тем форму иллюзорной общности (Маркс, Энгельс, 1974, т. 3, с. 271); 3) отчуждение социальной деятельности, превращение самого трудового процесса в нечто враждебное индивиду. Такие аспекты социальной жизни как производительные силы человека, государство, экономика, сознание в его идеологических формах отчуждаются от человека, являются ему чуждыми и враждебными. В «Немецкой идеологии» вопрос о преодолении отчуждения связывается К. Марксом и Ф. Энгельсом с упразднением капитализма. (Маркс, Энгельс, 1974, т. 3, с. 68).

Целостно понять марксистскую концепцию отчуждения в её теоретически завершённом виде можно при рассмотрении того, как развивались взгляды на эту проблему в течение всего творческого научного пути этого ученого. «Капитал», «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и другие работы К. Маркса и Ф. Энгельса свидетельствуют в пользу того, что они продолжали разработку научной концепции этого феномена. Так, продолжает разветвляться категориальная база понятия «отчуждение». Структура отчуждения в произведениях 1950–1960-х гг. теперь выглядит так: «Veräußerung», «Entäußerung», «Entfremdung» и «Fremdartigkeit». Первые три категории выражают усугубление процесса отчуждения по мере развития товарно-денежных отношений. «Veräußerung» характеризует акт пере-

дачи, отчуждения товара одним товаровладельцем другому, иными словами обозначает товарообмен.

Категория «*Entäußerung*» характеризует более глубокие социальные превращения. Она служит для описания овеществления социальных отношений в деньгах как вещном носителе абстрактного богатства, в капитале (как деньгах) (Огурцов, 1968, с. 77). Отчуждение во внешнем бытии – вот тот аспект, который фиксирует это понятие. «*Entfremdung*», в свою очередь, отражает процессы отчуждения всего социального мира, создаваемого человеком, от него самого. Духовная и материальная культура трансформируются в мир капитала и мутируют в нечто чуждое и враждебное сотворившему их человеку. «*Fremdartigkeit*» характеризует чуждость предметного мира, создаваемого человеком, лишь фиксирует отчужденное состояние, бытие в отчужденной форме. Специфику этих сторон отчуждения К. Маркс выявил в «Капитале».

Стоит отметить, что в науке наблюдается явное недовольство исследователей отчуждения переводом этих терминов на русский язык: «... в русских переводах часто ускользают некоторые, может быть, очень важные оттенки мысли Маркса, и как раз в тех пунктах, где речь идет именно о противопоставлении его позиций гегелевской системе понятий. Для различения *Entfremdung*, *Entäusserung*, *Veräusserung* в русской философской терминологии попросту нет устойчивых и единообразных терминов, а все попытки создания приводили до сих пор к появлению очень неуклюжих и явно нежизнеспособных конструкций» (Ильенков, 1991, с. 142). К решению этой проблемы приблизился В. Парцвания. Он считает, что «... в грузинском языке вышеназванные немецкие термины соответственно передаются терминами «гадагвареба», «гауцхоеба» и «гасхвисеба». Более того, они даже точнее отражают суть дела и не отождествляются друг с другом, как это иной раз имеет место в других языках. В человеческом обществе человек сначала проходит стадию «гадагвареба», то есть перерождается, находится в стадии предотчуждения. В данном случае понятие «гадагвареба» в русском языке соответствует понятию «перерождение». После этого человек находится в стадии отчуждения, то есть в стадии «гауцхоеба», что абсолютно тождественно понятию *Entfremdung*. Отчуждение (как *Entfremdung* – «гауцхоеба») происходит за счет частнособственнических социальных отношений и всеобщей сущности товарного производства. При произ-

водстве прибавочной стоимости непосредственные производители лишены подавляющей части конечного результата своего «труда». Далее происходит принуждённое «гасхвисеба», то есть «отсвоение», или «отдругивание» (Парцвания, 2003), что и приводит, в конечном счете, к отчуждению человека.

Итак, характеризуя наиболее важные моменты процесса отчуждения необходимо подчеркнуть, что К. Маркс и Ф. Энгельс фокусируют свое внимание, прежде всего, на отчуждении деятельности человека, превращении её в чуждую и враждебную самому человеку силу. Выходя из процесса труда, индивид становится не богаче, а беднее, опустошеннее. От субъекта деятельности отчуждается не только процесс труда, но условия деятельности и результаты. Капитал, власть которого все более и более увеличивается, проявляет себя как отчужденная, получившая самостоятельное существование общественная сила. Из субъекта деятельности человек превращается в объект. От человека отчуждается вся социальная жизнь – экономическая, политическая, духовная. Человек относится к культуре не как к продукту своей деятельности, а как к внешней и чужой, освоить которую он не в силах. Отношения между людьми – это отношения между исполнителями частичных социальных функций. Жизнь человека лишена человеческого содержания, она стала функцией, смысл которой предписан социальным институтом.

После К. Маркса теоретические исследования отчуждения были продолжены такими классиками социологической мысли как Г. Зиммель, Э. Дюркгейм и М. Вебер. Хотя объектом их научного анализа и не является конкретно понятие «отчуждение», проблемы, которые традиционно связываются с проявлением последнего, занимают значительное и, возможно, даже центральное место в их творчестве. Для них основными факторами отчуждения выступают овеществление, индустриализация, урбанизация, рационализация и бюрократизация (Зиммель, 2006; Дюркгейм, 1991; Вебер, 1990). Основаниями для их рассуждений становится осознание кардинальных перемен, произошедших в обществах (прежде всего западных) после индустриальной революции в XVIII веке. До этого поворотного пункта истории основой жизненного уклада была аграрная экономика, характеристиками которой выступали относительно гомогенная культура, а также обитание большинства людей в деревнях и небольших городах. Мастера и ремесленники того времени производили свои продукты и

непосредственно продавали их потребителям. Однако с развитием технологий и индустриального производства жизнь кардинальным образом изменилась: машины стали заменять рабочих, были сформированы отдаленные рынки сбыта, началось накопление капитала. В итоге, экономический базис общества был радикально изменен. Кроме того, развитие заводов приводило к скоплению в небольших конгломерациях большого количества рабочих. Скученность чужих людей приводила к новым видам проблем, связанных с существованием лицом к лицу большого количества незнакомых людей. В итоге, рост промышленности привел к разделению труда и образованию различных социальных групп, различающихся по имущественному, культурным и социальным признакам.

Э. Дюркгейм выражал свою тревогу по поводу того, что в условиях этого нового, индустриального общества огромному риску подвергаются социальные связи, происходит их ослабление, а социальная дезорганизация сменяет организованное социальное тело. Для анализа этих тенденций французский классик применяет понятие *общественное разделение труда*, а также концепцию двух видов солидарностей: механической и органической. Стоит отметить двойственность позиции Э. Дюркгейма. С одной стороны, он показывает, что органическая солидарность, свойственная современным обществам и основанная на разделении труда, выполняет нравственную функцию – солидаризирует общество через большую взаимозависимость людей, ориентацию на самооценку человека, этику, обязанности, связывающих людей друг с другом. В качестве примера разделения труда исследователь приводит пример из области либидинальной экономики: «Изолированные друг от друга мужчина и женщина суть только различные части одного и того же конкретного целого, которое они, соединяясь, восстанавливают. Иными словами, разделение полового труда – вот источник супружеской солидарности» (Дюркгейм, 1991, с. 58). С другой стороны, Э. Дюркгейм признает, что общественное разделение труда и органическая солидарность являются собой весьма плодородную почву не только для единения, но и для социальных антагонизмов, дезинтеграции. В доиндустриальных сообществах индивиды были привязаны к обществу универсальными моральными ценностями. Индустриальная эпоха сталкивает лиц с разными, а порою абсолютно противоположными ценностными установками. В итоге, в обществе

культивируется неопределенность, неуверенность относительно того, каким именно ценностям следует следовать, а какими можно пренебрегать. Наступает эпоха безнормности, пренебрежения социально одобряемыми способами удовлетворения потребностей и достижением желаемого. Такое положение дел повергает людей в состояние тревоги, страха, изоляции, отчуждения и отчаяния. Э. Дюркгейм называет это явление «аномией», которая проявляется в условиях деформированной солидарности (Дюркгейм, 1994, с. 82–97).

Стоит отметить, что выдвигая свою трактовку солидарности, Э. Дюркгейм полемизирует с Огюстом Контом и Фердинандом Тённисом. Известно, что О. Конт с опасением относился к процессу разделения труда. Для него разделение труда не только источник солидарности, но и дезинтеграции. Противостоять дезинтеграции, по мнению родоначальника социологии, можно при помощи основанного на традиции морального единства и усилении роли государства (Конт, 2001). Фердинанд Тённис в своей известнейшей работе «Община и общество» полагал, что общинная жизнь основывается на родстве, соседстве, дружбе, понятии достоинства, а общество зиждется на понятиях стоимости и расчета, капитала и рабочей силы (Тённис, 2002).

Хотя Э. Дюркгейм и не концентрировал свою научную деятельность вокруг понятия «отчуждение», смысл, вкладываемый им в такие понятия, как «аномия», «разделение труда» и «солидарность», имеют, согласно современным социологам, прямое отношение к отчуждению, а иногда, как в случае с аномией, являются его синонимами.

Макс Вебер, в свою очередь, видел опасность для современного общества в беспрецедентных до настоящего времени формах бюрократизации и рационализации. Угроза отчуждения в этом случае связывается с дегуманизирующим влиянием этих процессов на общество в целом и личность в частности. Это выражается в регламентировании человеческих поступков и контроле над индивидами. В результате метастазирования бюрократии и рационализма каждый аспект социального бытия предстает как объект измерения, контроля и расчета (Вебер, 1990). Общей характеристикой рационализации является переориентация человеческого действия, поступков с позиций традиционных, привычны норм в сторону критериев чистой выгоды, интереса. Рационализируются все сферы общества: экономика, политика, наука, культура, сексу-

альность и даже образ мышления людей, их чувствования и образ жизни в целом. Наука, как медиум (проводник) принципа рациональности, проникает сначала в производство, а затем в управление и быт. Таким образом, концепция рационализации выступает как основополагающая характеристика капиталистического общества, которое предстает в образе «железной клетки», внутри которой индивиды, лишённые прежних, традиционных религиозных смыслов и нравственных ценностей, во всё большей степени подчиняются надзору со стороны правительства и бюрократии. Схожая с понятием отчуждения К. Маркса, рационализация провоцирует отщепление индивида от общины, семьи и церкви, подчиняет его правовой, политической и экономической регуляции в труде, в образовании.

Спектр интересов Георга Зиммеля к отчуждению включает вопросы урбанизации, природы человеческих взаимоотношений, а также проблемы соотношения культуры, овеществления и денег. В фундаментальном труде «Философия денег» развитие общественных отношений предстает как история их овеществления, диффузного проникновения денежных отношений в сферу межличностных контактов, культуры, искусства, в область науки и права (Simmel, 2004). В контексте этих представлений все люди являются равноценными, но не потому, что каждый обладает ценностью как личность, а по причине того, что деньги нивелируют и уравнивают самооценку индивидов, превращают их в разменные единицы по единому курсу. Социальные отношения в этом ракурсе предстают как взаимное проституирование.

Большие метрополии для Г. Зиммеля – это пустыни отчуждения: «Внутренние отношения жителей больших городов друг к другу формально характеризуются замкнутостью, обособленностью. Если бы непрерывным внешним сношениям с бесчисленным множеством людей должно было бы соответствовать так же много внутренних реакций, как в маленьком городе, где знаешь почти каждого встречного и к каждому имеешь непосредственное отношение, – если бы это было так, внутренний мир распался бы на атомы, и душевное состояние стало бы прямо невозможным» (Зиммель, 2002). Согласно исследователю, духовная и общественная жизнь больших городов с ее взаимной замкнутостью, безразличием и индивидуализмом, является результатом (как бы это ни было парадоксально) именно физической, пространственной близости. Показывая бездуховность городской жизни, Г.

Зиммель весьма метко цитирует одного из английских историков: «Во всё течение английской истории Лондон никогда не был сердцем Англии, он часто был её мозгом и всегда – денежной массой» (Зиммель, 2002).

Отчуждение есть и продолжение социальной природы человека. В эссе «Человек как враг» Г. Зиммель отмечает, что человеку изначально присуща враждебность (Зиммель, 2007, с. 5). Условием этой враждебности является эгоистическая сущность человеческой личности, а также врождённая тяга к оппозиции, которая может быть сравнима, согласно немецкому ученому, с врожденным рефлексом животных автоматически выбрасывать приспособления для защиты в ответ на прикосновение или угрозу нападения. Борьба и оппозиция являются социальной сущностью человеческих взаимоотношений.

Вышеперечисленные идеи Г. Зиммеля, М. Вебера, Э. Дюркгейма, Ф. Тённиса и О. Конта в области проблем, связанных с отчуждением, активно применялись более поздними исследователями отчуждения в XX веке и применяются в настоящее время. Кристаллизация городского типа жизни, развитие промышленности, науки, усиливающаяся рационализация – призма для рассмотрения феномена отчуждения в руках авторов Франкфуртского направления. Идеи, выдвинутые классиками социологии в начале XX века об истончении традиционных общинных, семейных, дружеских и «душевных» социальных связях, послужили отправной точкой для современных социологов на пути формирования концепций индивидуализированного общества, подверженного атомизации его социального тела (Сеннет, 2002; Бауман, 2005).

ФРАНКФУРТСКАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА И ОТЧУЖДЕНИЕ

Отчуждение является центральной темой для исследователь Франкфуртского социологического направления. Основными представителями Института социологических исследований во Франкфурте являются Герберт Маркузе, Макс Хоркхаймер, Эрих Фромм, Ханна Арендт, Теодор Адорно. Их научная деятельность носит критический характер и направлена на многие институты современного общества, в том числе на науку, и социологию в частности. Основными маркерами, через которые проступает отчуждение, являются репрессивный характер эпо-

хи, подавленная сексуальность, извращённые потребности, деформация личности, массовое общество, конsumerизм, манипулятивная функция СМИ.

Программным произведением участников франкфуртского направления является знаменитая работа «Диалектика просвещения», которая характеризует современную цивилизацию как порочную, а общее течение истории рисуется ими как процесс все увеличивающегося отчуждения. Согласно исследователям, именно в эпоху позднего капитализма отчуждение достигает своей максимальной фазы. Человек, в свете этой точки зрения, предстает как объект господства социальных и культурных структур, оказывающих на него губительное воздействие (Хоркхаймер, Адорно, 1997). Критический заряд авторов направлен главным образом на веру в безудержный прогресс, совершаемый при помощи человеческого разума. Продуктом последнего выступает современное технологическое общество со всеми присущими ему изъянами. Процесс непрерывной рационализации, покорения окружающего пространства при помощи науки и техники приводит: 1) к разделению социальных отношений на отношения господства и подчинения; 2) к расщеплению индивида: чувственные переживания подавляются абстрактными представлениями о себе. Культивируется тотальное отчуждение от природы, от себя и от других людей.

Трагизм ситуации в том, что основная часть людей не осознает процессы тотального отчуждения. Этому мешает мощный аппарат культурной индустрии. Функциональность и рациональность навязываются посредством масс-медиа: кино, радио, реклама, телевидение. Общую сферу масс-медиа авторы называют культуриндустрией, которая формирует общие потребности; человек превращается в простого функционера по удовлетворению искусственно сформированных потребностей. «Сегодня культура на все накладывает печать единообразия. Кино, радио, журналы образуют собой систему. Каждый в отдельности её раздел и всё вместе выказывают редкостное единодушие... Кино и радио уже более не требуется выдавать себя за искусство. Та истина, что они являются не чем иным, как бизнесом, используется ими в качестве идеологии, долженствующей легитимировать тот хлам, который они умышленно производят» (Хоркхаймер, Адорно, 1997, с. 149–150). Становясь продолжением сплава рациональности и технологий культуриндустрия

«сегодня является рациональностью самого господства как такового. Она есть свойство отчуждённого от самого себя общества», принужденного «автомобилями, бомбами и кино» (Хоркхаймер, 1997, с. 151).

Схожие проблемы поднимаются Т. Адорно в «Философии новой музыки», где отчуждение препарируется через анализ состояния музыкальной сферы современного общества. Соотношение между музыкой и отчуждением становится понятной в связи с тем, что путь освобождения современного человека видится теоретикам франкфуртского направления через искусство. Как и другие сферы социальной жизни, музыка тоже подвержена вторжению рационализации, а, следовательно, приобретает свойства системы контроля: «Как и везде, в музыке остается монополия специалистов. Однако же, по сравнению с изредка доносящимися звуками, избегающими сети организованной культуры и ее потребителей, такая культура, очевидно, представляет собой надувательство» (Адорно, 2001, с. 78). Т. Адорно говорил о музыке как о голосе человека, деформированного прессом капиталистического отчуждения. Логично, что роль освободительного движения в искусстве и музыкальном искусстве в частности, немецкий ученый отводит авангарду: отсутствие смысла в такой музыке, с точки зрения привычной музыкальной теории, порождает деструкцию смысла рационального и тотально организованного общества. Освобождение человека видится сквозь призму деструктуриации устоявшихся типов мышления. Ярчайшими примерами освободительной музыки по Т. Адорно являются композиторы Арнольд Шёнберг, Бела Барток, Игорь Стравинский.

Важной вехой в истории Франкфуртской школы является деятельность одного из самых радикальных её участников Г. Маркузе. Его перу принадлежат два важнейших научных произведения XX столетия: «Эрос и цивилизация» и «Одномерный человек». По мнению Г. Маркузе основным типом человека современного общества является человек с одномерной структурой влечений: одномерный, самоотчужденный индивид является продуктом бюрократического, рационализированного и репрессивного социума. У него отсутствует самое главное – социально-критическое отношение к действительности, поэтому он превращается в покорного служителя системы. Такое подчинение системе возможно в результате формирования ложных потребностей, производящихся обществом потребления. Результатом

удовлетворения ложных потребностей становится экстаз, наслаждение в условиях общего недуга. К категории ложных потребностей К. Маркузе относит: расслабление, развлечение, потребление и поведение в соответствии с рекламными образцами. Формально такое общество называется либеральным, на самом деле оно являет собой завуалированный неототалитаризм (Маркузе, 2002).

Отчуждение является центральной для всего творчества Э. Фромма, которое трактуется им через призму общего состояния эпохи и общества: «дружелюбие или враждебность и разрушительность, жажда власти и стремление к подчинению, отчужденность, тенденция к самовозвеличению, скупость, тяга к чувственным наслаждениям или страх перед ними – все эти и многие другие стремления и страхи, которые можно обнаружить в человеке, развиваются как реакции на определенные условия жизни» (Фромм, 2009, с. 20–22). В сфере межличностных (социальных) отношений отчуждение присутствует как извращенное представление о человеке не как об индивиде, который является ценностью сам по себе, а как о средстве для достижения политических, экономических и других целей. Человек становится вещью, объектом манипуляции со стороны различных социальных институтов, власти и других людей. Потеря подлинных, истинных человеческих связей по Э. Фромму есть путь, ведущий и к самоотчуждению, ситуации, в которой сам человек оценивает себя как вещь, как средство и превращается в бездушный механизм для достижения целей. Таких людей Э. Фромм называет обладателями «рыночной ориентации» социального характера. Сущностью такой личности является установка на экономический успех, на возможность как можно более эффективно применить себя в рыночных условиях. Свои способности люди рыночного социального характера рассматривают как товар. Соответственно нравственные вопросы отодвигаются ими на второй план, важным является успех и накопительство. Между двумя жизненными сценариями «быть» или «иметь» большинство людей в современном обществе выбирают жизнь по принципу обладания (Фромм, 2007).

В центре научных интересов Х. Арндт тоже находятся общие условия современной цивилизации, приводящие к отчуждению. Большое внимание исследовательница уделяет проблемам тоталитаризма, как современной форме политического рабства.

Одним из важнейших факторов, потворствующих развитию тоталитаризма, выступает нарушение границы между публичной и частной сферами, утрата частной собственности (Арендт, 1996). Лишение человека частной собственности приводит к отлучению от необходимой для человека «скрытности», «приватности», которая противопоставляется нивелирующей публичности. Причиной отчуждения выступает экспроприация собственности у подавляющего числа рабочих и крестьянства. В итоге последние отрезаются от своей «семейно-собственной частной доли мира», той части мира, в границах которой они являлись полноправными субъектами многих жизненных процессов. Лишенные частной собственности люди теряют власть, силу и индивидуальность. Важным является еще и то, что именно частная собственность, в которой можно укрыться от света публичности, даёт человеку базовое чувство безопасности, способствует формированию собственной идентичности. Лишение людей частной собственности провоцирует формирование массовых и конформных обществ, податливых тоталитаризму.

Отмечу, что колоссальный задел исследователей франкфуртского направления в социологии по изучению механизмов современного процесса отчуждения во многом послужил отправной точкой для более поздних ученых, в поле зрения которых находится феномен отчуждения. Так преемственность идей Г. Маркузе, Т. Адорно, Э. Фромма заметна в работах Жана Бодрийяра, Зигмунда Баумана, Жилия Делёза и Феликса Гваттари.

1.3. Современные исследования феномена отчуждения в контексте производственных отношений

Одним из первых, кто применил системный социологический анализ к проблеме отчуждения и операционализировал в его современной версии (во второй половине XX века), был Мэлвин Симен. Предложенная им интерпретация отчуждения в виде зонтичного концепта в состоянии охватить практически любую сферу социологического (и социального) опыта и включает в себя 5 векторов: бессилие, бессмысленность, изоляцию, безнормность (аномию) и самоотчуждение (Seeman, 1959, с. 784). Эта концепция М. Симена наиболее часто встречается в исследованиях отчуждения в сфере труда. Бессилие в концепции

М. Симена ассоциируется с жизненной ситуацией индивида, в которой его поведение и действия в отношении некой цели не могут иметь успеха, в силу различных социальных и других причин, ограничивающих результативность данного поведения. В целом, бессилие как отчуждение, характеризует ситуацию безысходности, например в случае с бедностью, коррупцией, незащищенностью. Когда привычными способами решить проблему не удастся, люди, испытывающие бессилие, довольно часто выбирают акции протеста и демонстрации как методы, способные разрешить социальный конфликт (Smith, Preston, 1977, с. 333).

Другое измерение (dimension), через которое проявляется отчуждение – бессмысленность, представляет собой ситуацию, в которой индивид не видит смысла в совершаемых им действиях в реальное время или в перспективе, либо отсутствие смысла в жизни в целом (Seeman, 1959, с. 786–787). Ситуация бессмысленности характеризуется также отсутствием ценностей.

Отчуждение у М. Симена ассоциируется и с безнормностью или культурным отчуждением. В этом случае люди пренебрегают социально одобряемыми нормами, когда те не в состоянии удовлетворить их потребности, от низших (сексуальные, в еде, в безопасности) до высших (признание, саморазвитие, успех). В целом, данный вид отчуждения характеризует и неприятие человеком норм общества в силу несоответствия их его ценностным установкам и взглядам на жизнь. Подчас, для достижения различных благ и удовлетворения потребностей люди прибегают к неодобряемому поведению или вырабатывают новые нормы. Это соответствует идеям Э. Дюркгейма и Р. Мертона об аномии. Развивая теорию аномии, Роберт Мертон отмечает, что индивиды, отрицающие цели и средства достижения определенных культурных ценностей, находятся в обществе, но не принадлежат ему. С социологической точки зрения они являются чужаками и их принадлежность к обществу фиктивна (Мертон, 1966, с. 299–313). В качестве примера аномии американские исследователи обычно приводят опыт американских хиппи и битников, отчужденных от ценностей и норм американского общества и выработавших собственную культуру, систему идеалов и правил регулирования собственной жизни. В контексте отечественных реалий такими примерами могут служить шестидесятники, советское диссидент-

во, молодёжные движения конца 1980-х, а также литературный и музыкальный андеграунд.

Следующий вид отчуждения – изоляция, характеризуется чувством отделенности, обособленности или инаковости. Согласно М. Симену, изолированные индивиды «не признают цели и убеждения, которые, как правило, высоко ценятся в обществе» (Seeman, 1959, с. 789). Пример: интеллектуалы, артисты, писатели, которые предпочитают самодистанцироваться от популярных культурных (социальных) стандартов, таких например как автомобили, яхты, дома; им чужды мыльные оперы и футбол. Кроме того, М. Симен, говоря об изоляции как о проявлении отчуждения, характеризует им индивидов, ограниченных в чем либо, лишённых социальных контактов: пожилые люди, заключённые, инвалиды. Проблема отчуждения в её взаимосвязи с изоляцией и аутизмом рассматривается и новосибирским социологом Людмилой Васильевной Корель в контексте социологии адаптаций (Корель, 2005).

Пятая проекция отчуждения – самоотчуждение, характеризует, в свою очередь, ситуацию, в которой человек выполняет какую либо деятельность не из желания, а по необходимости, не реализуя потенциал своей личности. Классическим примером является работа (подчас нелюбимая, и неинтересная) ради денег и учеба ради получения документа об образовании.

В последнее время в работах по исследованию отчуждения заметен явный интерес как раз к проблемам самореализации. Например, Р. Ходсон и Т. Салливан в своей книге «Социальная организация труда» говорят об оппозиции таких двух понятий, как отчуждение и самореализация: «self-actualization versus alienation» (Hodson, Sullivan, 2008, с. 55). Предполагается, что самореализация работника может быть прослежена через факт наличия удовлетворенности трудом или отсутствием такой удовлетворенности. Удовлетворенность трудом, в свою очередь, имеет тесную связь с тем, в какой степени выполняемая работа может быть привлекательной, или напротив, бессмысленной с точки зрения достижения определенных профессиональных запросов. На степень удовлетворения трудом влияет большое количество факторов, среди которых характер выполняемых рабочих заданий, тип социальной структуры организации, потребности и ценности работника. Соотношение этих компонентов определяет степень самореализации работника или степень его отчуждения (Gamst, 1995).

Отчуждение наличествует в том случае, когда в процессе труда удовлетворяется не весь спектр потребностей работника. Примером такого отчуждения является труд чисто из экономических соображений, а не ради собственного удовольствия. Самореализация, напротив, понимается как возможность актуализировать в труде максимальное количество присущих человеку потребностей, при этом экономическая потребность в заработной плате не отрицается, а находит свое место в ряду других важных личностных запросов работника. Эти потребности могут быть описаны в рамках системы потребностей Абрахама Маслоу: 1) физиологические потребности в вещах, сне, крове, пище и сексе; 2) потребность в личной безопасности и здоровье; 3) потребность в принадлежности через дружбу, общение, любовь; 4) потребность в признании, уважении, одобрении, признании заслуг; 5) потребность в самореализации через полную реализацию личностного потенциала (Маслоу, 1999, с. 77–105).

Теория А. Маслоу была применена в исследованиях труда несколькими социальными теоретиками, включая Ф. Герцберга и К. Арджириса. Так, Ф. Герцберг исследовал различные характеристики, на основании которых работники оценивали себя в рамках бинарной оппозиции: удовлетворенные – неудовлетворенные трудом (Herzberg, 2008). Первые делали акцент на профессиональном росте, успехах, признании их достижений, ответственности за проделанную работу и дальнейшем продвижении. Вторые акцентировали внимание на некомпетентности руководителей, строгом надзоре, низкой заработной плате и на плохих условиях труда. Эти различные оценки удовлетворенности или неудовлетворенности трудом подтолкнули Ф. Герцберга к созданию двухфакторной теории удовлетворенности трудом и мотивации. Первая группа факторов – это гигиенические факторы: плохие санитарно-гигиенические условия рабочего места, недружественный характер отношений с коллегами, плохое физическое состояние во время работы и низкая заработная плата. Для обозначения гигиенической группы факторов Ф. Герцберг применил аббревиатуру KITA («Kick the person»), которую на русский можно перевести примерно как ПЕПЗ – «Пни его под зад». Это те факторы, которые вызывают недовольство работников. Однако, сам по себе улучшенный гигиенический фактор недостаточен для того, чтобы работники были удовлетворены трудом. Для этого нужна вторая группа факторов – мотиваторы: автономность работника, прояв-

ление самостоятельности в работе, принятие решений, признание заслуг, продвижение по службе, возможность самореализации. Удовлетворенность этой группой факторов способствует уменьшению отчуждения труда. Таким образом, по мнению Ф. Герцберга, гигиенические факторы – это факторы, удерживающие работника в организации: повышение заработной платы, обеспечение жильем, улучшение санитарно-гигиенических условий труда. Мотивирующие факторы (мотиваторы) – это факторы, стимулирующие интерес к работе, повышающие ее эффективность и способствующие самореализации личности работника (Герцберг, 2007; Herzberg, Musner, Snyderman, 1993).

Схожие идеи содержатся в работах К. Арджириса, который считал, что иерархическое и бюрократическое устройство организаций делает тщетным возможное развитие рабочих, их переориентацию от состояния пассивности к активности, от зависимости к независимости, от отчуждения и изоляции к включению и интеграции. Американский исследователь указывает на разрыв, существующий между человеческим потенциалом и условиями конкретного предприятия: в большинстве организаций, промышленных структурах, включая бизнес, присутствуют неудовлетворительные, недостаточные возможности для самораскрытия и самореализации личности работника. Например: возможности для автономности, самоуправления, личной ответственности и возможности роста (Argyris, 1957). В большинстве крупных и наиболее формальных организациях производственные процессы направлены на достижение общих объективных целей, а личные цели в контексте персонального развития работника игнорируются. К. Арджирис указывает на конфликт, который порождает проблемы мотивации работников, а именно: на разрыв между тем, к чему стремятся работники и тем, что им может предложить организация (табл. 1).

Таблица 1

Разрыв между потребностями работников и тем, что им предлагает организация по К. Арджирису

Работники стремятся к:	Организация предлагает:
Саморазвитию Успеху Ответственности Независимости, автономности Участию в принятии решений	Подчинение, зависимость Контроль Обязанности Конфликт

Большое значение при исследовании проблемы отчуждения имеют и технологии. Так, американский социолог Р. Блаунер, исследуя отчуждение как противоположность свободы, является сторонником точки зрения о том, что с развитием технологий отчуждение на производстве уменьшается: там, где доминируют технологии..., «отчуждение находится на минимальном уровне, а свобода работников на максимальном» (Blauener, 1964, с. 182). Р. Блаунер исследовал влияние технологий на уровень отчуждения работников в четырех различных отраслях промышленности: печатной, текстильной, автомобильной, химической. Более всех отчужденными работниками оказались «богаты» текстильная и автомобильная отрасли, так как они имеют массовый и конвейерный тип производства. В связи с этим Р. Блаунер заключил, что хотя влияние новых технологий позитивно, однако степень пользы неравнозначна для различных отраслей промышленности. В целом, выводы и научные наработки Р. Блаунера высоко оценены научным сообществом. В частности, С. Фролов отводит выделенному Р. Блаунером технологическому фактору важную роль в процессе уменьшения отчуждения труда по следующим переменным: 1) Безвластие – Контроль; 2) Бесцельность – Цель; 3) Изоляция – Социальная интеграция; 4) Самоустраненность – Самовключенность (Фролов, 2001).

Оптимистичные прогнозы относительно внедрения технологических инноваций в производство с точки зрения гуманизации труда высказал Алан Турен. По его мнению, инновации выступают в роли факторов, которые должны вернуть человеку его власть над машинами (идея превращения человека в придаток машины была описана еще К. Марксом). Согласно результатам исследования, объектом которого являлись работники фабрики «Рено», вышеупомянутое преимущество (возвращение власти над механизмами) приводило к возрождению энтузиазма в работе (Touraine, 1955). В исследовании принимали участие работники-операторы, следящие за показателями приборов и регулирующие параметры на приборных досках, а также те, кто управляет оборудованием при помощи дистанционных устройств.

Однако стоит отметить, что существует и противоположная точка зрения, согласно которой технологические инновации приводят к деградации труда и дегуманизации работников, а значит, к отчуждению. Ричард Сеннет в «Коррозии характера» рассматривает две различные отрасли производства: инженерно-дизайнерскую и кулинарную и заключает, что технологические

инновации способствуют самореализации тружеников первой отрасли и дегуманизации труда второй. Инженеры-проектировщики получают в свое распоряжение дополнительный инструмент для творчества: новые компьютерные программы позволяют работать с изображениями объектов в трехмерном пространстве, с применением большего количества и качества цветовых вариаций при затрате наименьшего количества времени. Однако для пекарей и кондитеров их работа является настоящим произведением искусства, которая невозможна без мастерского применения ручного труда: он деградирует по мере внедрения инновационных технических механизмов (Сеннет, 2004).

Японский исследователь К. Одака к негативным эффектам внедрения передовых технологий относит: 1) увеличение монотонности; 2) лишение работников свободно устанавливать темп работы; 3) увеличение психического напряжения; 4) деградация способностей рабочих в связи с увеличением простоты и стандартизации выполняемых заданий; 5) увеличение контроля над работниками; 6) усиливающиеся чувства одиночества и изоляции на рабочем месте; 7) увеличение межличностной напряженности; 8) непрекращающееся беспокойство в связи с заменой работников техническими механизмами (Odaka, 1975, с. 35).

Новейшие исследования обращают внимание не только на технологические инновации, но и направлены на актуализацию необходимости инноваций на социальном уровне организаций – ликвидацию неэффективной бюрократической и иерархической структуры управления предприятием (Vallas, 2001). В контексте данной точки зрения новые рабочие отношения могут быть охарактеризованы скорее как постбюрократические, нежели как постиндустриальные. Ожидается, что инновационная дебюрократизация социальной структуры организаций будет иметь все большее значение по мере внедрения инноваций технологических, так как отличительной особенностью работы в инновационном секторе станет повышение уровня образования работников и их возрастающее участие в жизни предприятия. Это повлечет за собой непрерывную модернизацию предприятий, перманентный процесс роста – то, что Р. Аппельбаум называет «job redesign» (Appelbaum, 2000). Предполагается, что непрерывное изменение социальной и других подсистем предприятий вызвано высокими темпами технического развития и конкуренцией на экономическом рынке, а также необходимостью адаптироваться к ним.

Сходные идеи о модернизации промышленного сектора экономики и предприятий как многовекторном процессе содержатся в работах Л.В. Корель. Изменение социальной, культурной, ментальной, информационной, управленческой, а не только технологической сферы предприятия видятся как необходимые элементы в общем механизме инновационных процессов в российской экономике и в секторе промышленного производства, в частности (Корель, Комбаров, 2010, № 4, с. 167–187).

Таким образом, отчуждение в вышеперечисленных концепциях понимается как результат структурных условий предприятия, его бюрократического устройства и функционирования. Принципиальными характеристиками социальной архитектоники предприятий, которые способствуют проявлению отчуждения, являются такие формы социальной структуры, как централизованность и формализованность (Mottaz, 1981). Централизованность отчуждает труженика от возможности самостоятельно изменять параметры трудовой деятельности и влиять на ход различных процессов на предприятии, влиять на процесс выработки решений. Формализация отражает степень внедрения, применения правил (труда, поведения и т.д.) и строгости их соблюдения на каждом конкретном предприятии. С одной стороны, формализация рассматривается как благоприятное условие труда, обеспечивающее понимание работниками должностных обязанностей и соблюдение определенных стандартов (Organ, Greene, 1986). С другой точки зрения, формализация предстает как принудительная, когда правила и процедуры ограничивают работника в его профессиональной деятельности, не позволяют ему выйти за пределы дозволенного (Morris, Steers, 1980). В частности считается, что жестко формализованные правила и процедуры могут ограничивать мотивационный уровень работников (Hackman, Oldham, 1980).

Исследования, сфокусированные на роли социальных факторов в труде, проводились и в советское время. Тогда отечественные социологи не связывали напрямую эти факторы с понятиями «отчуждение» и «отчужденный труд» (в силу идеологического запрета), однако выводы, к которым они приходили, схожи с концепциями западных ученых (Шкаратан, 1985). Отметим, что вышеприведённые положения зарубежных ученых, в которых содержатся императивы упразднения отчуждения в современных организациях через дебюрократизацию социальной и управленческой

структуры предприятий, через усиление роли самого труженика в управлении производством, а также через предоставление работнику возможностей творческой самореализации и удовлетворения потребностей, рассматриваются мной как основополагающие для иллюстрации в эмпирической части монографии различных проявлений отчуждения ИТР. Кроме того, эти стратегии предлагаются мной и в качестве сценариев конкретного практического применения данных этого исследования в целях минимизации отчуждения.

1.4. Возможности исследования отчуждения в контексте интерпретативной социологии (феноменологии и символического интеракционизма)

Данный параграф монографии посвящен попытке презентации возможных вариантов теоретического научного анализа феномена отчуждения с позиций феноменологической традиции в социологии и теории символического интеракционизма. Это делается в целях преодоления некоторого детерминизма в изучении отчуждения преимущественно структуралистскими течениями в социологической науке, которые трактуют отчужденного индивида как жертву социальных, исторических и институциональных условий, порождающих его отчуждение. Насущная потребность в использовании положений феноменологии российской социологией актуализирована, в частности Борисом Сергеевичем Сивириновым, который отмечает ретроградную ориентированность отечественных социологических программ на сциентистско-позитивистские схемы западной социологии 30–40-летней давности (Сивиринов, 2000, с. 117–119; 2000). Признавая легитимность традиционных позитивистских подходов в изучении отчуждения, я тем не менее, пытаюсь наметить пути исследования этого сложного явления в рамках феноменологии и символического интеракционизма и тем самым расширить методологическое, теоретическое и эмпирическое возможности изучения отчуждения. На мой взгляд, это могло бы помочь исследователям отчуждения увидеть роль и деятельность самого субъекта в процессе, приводящего к отчуждению и разглядеть то, каким образом сам человек конструирует и определяет ситуацию, которая может быть описана в терминах отчуждения.

ОТЧУЖДЕНИЕ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ В ФЕНОМЕНОЛОГИИ

Влияние феноменологии можно проследить в современном экзистенциализме, герменевтике, марксизме, а так же в критической социальной теории. Согласно шведскому социологу М. Бекк-Виклунд в XX веке феноменология оказывала очень большое влияние на значительную часть общественнонаучной мысли (Бекк-Виклунд, 1992). Очевидно, что отчуждение, как крупное социологическое и социальное явление, тоже входит в феноменологический научный дискурс, даже если и не артикулируется последним целенаправленно и конкретно (за редким исключением) не изучается. Если учесть, что изначально феноменология являла собой метод изучения того, каким образом познание создавалось посредством взаимодействия в конкретных жизненных ситуациях как сплав универсального узнавания и специфических черт, то уже здесь можно уловить тот факт, что микроструктуры познания предполагают макроструктуры окружения, и наоборот (Бекк-Виклунд, 1992). Соответственно, любые факторы, мешающие этому механизму узнавания, а таким образом и конструирования социальной действительности деятелем (актором, субъектом), должны пониматься как факторы отчуждения. В рамках феноменологии отчуждение есть результат рассогласованности непрерывного процесса конструирования человеком социальной реальности. Невозможность вступать во взаимодействие с социальным, таким образом, приводит к отчуждению деятеля от макроструктур, данных ему для познания и узнавания в конкретном месте и конкретное время. Важно отметить, что контекст в феноменологической традиции имеет определяющее значение для запуска механизма конструирования и узнавания социальной реальности. Так, например, проблема отчуждения возникает там, где имеет место взаимодействие между представителями различных культур, различных социальных классов, различных габитусов и так далее. Уже исходя из того, что каждый человек истолковывает, воспринимает и конструирует социальную реальность по-разному, отчуждение становится неизбежным. Возможно именно поэтому, понимая разнородность современного глобального мира, а так же степень отчуждения между людьми, культурами, государствами, которые находятся сегодня в постоянном интенсивном контакте, последователь феноменологической традиции Юрген Хабермас предложил метод разговора, дискуссии, как основного метода

преодоления непонимания и конфликтов. В основу этого дискурсивного метода им было положено моральное чувство и принцип признания другого. В общем виде равноправное взаимодействие между индивидами для Ю. Хабермаса возможно в том случае, если действия этих индивидов опираются на некоторую универсальную систему морального сознания. В этом смысле преодоление отчуждения между индивидами и их взаимное признание является результатом функционирования рационального сознания (Хабермас, 2006, 2008).

Если в границах структурно-функциональной теории человек является жертвой социальной структуры, ее беспомощным винтиком, отчужденным от основных социальных институтов и от возможности что-либо изменить, то благодаря Питеру Бергеру, Томасу Лукману в Европе и Гарольду Гарфинкелю и Аарону Сикурелю в США, начинается разработка новой теории, выводящей на первый план деятеля, как строителя социальной действительности. Ему «даруется» возможность действовать, изменять социальную реальность, тем самым, очевидно, уменьшая отчуждение. Выход в свет «Исследований по этнометодологии» (Гарфинкель, 2006) и «Методов и измерений в социологии» (Cicourel, 1964) как раз совпали с таким периодом в социологии, который характеризуется широким недовольством социологов доминирующей позитивистской традиции. Феноменология и этнометодология, рассматривают индивида как «участника», конструктора социальной действительности. Этим подчеркивается, что мы как индивиды являемся соучастниками событий в обществе, а значит, имеем связь с той общей базой знаний, которой обладают индивиды. Механизм преодоления отчуждения, следовательно, как раз и заключается в ориентировке на эту общую базу данных. Через показ того, с чем люди встречаются в действительности, становится понятным, как различные знания, которыми мы обладаем, помогают нам воспринимать окружающее как нечто нам знакомое или чуждое, приводящее к включению в социальную реальность или отчуждению от нее. Таким образом, рутинными обыденными действиями конструируется социальный порядок, который мы узнаем, принимаем или отвергаем.

Однако, чтобы найти вышеупомянутую универсальную базу данных, нужно также уметь описать природу человеческого сознания. Чтобы найти способ показать естественное отношение к миру, Эдмунд Гуссерль предлагает метод «феноменологической

редукции» или «эпохе» (Hughes, Mansson, 1988). Посредством «эпохе» человеку доступно естественное отношение к миру в результате процесса рефлексии над обыденными феноменами жизни. Э. Гуссерль излагает идею существования универсального ядра в человеческом сознании (экзистенциального его или «я»). Благодаря этому ядру индивид узнает и идентифицирует то, что видит, несмотря на то, что большинство получаемых им впечатлений попадают к нему в связанной с определенной ситуацией и особой форме. Важно, что мир жизни не отражен в сознании и донаучен, он предваряет и философию, и науку, и служит предпосылкой для них (Гуссерль, 2000). В этом отношении весь рациональный багаж знаний человека и наука являются в некотором роде чуждыми субъекту, так как само их существование с позиций феноменологии Э. Гуссерля находится под вопросом. А люди, ведущие исключительно рациональный стиль жизни, выступают в роли отчужденных от дорационального и естественного течения жизненного мира. Это отчуждение с социологической точки зрения выражается еще и в отчуждении людей, представляющих различные профессии, области знания (знание как некая ширма между сознанием и реальным миром: «Объективное знание оборвало связи с конкретно воспринимаемым миром жизни. Человек сводится к объекту, и не принимаются во внимание его субъективные способности» (Бекк-Виклунд, 1992, с. 78).

Основополагающее для феноменологии и этнометодологии понятие «жизненный мир» в последствии было развито Альфредом Шюцем, который включает в жизненный мир и будничные действия, и институты, и социально принятые условности, которые конституируются и реконструируются в обыденном, неотраженном в сознании людей поведении (Шюц, 2004). Социолог характеризует это знание знанием первого порядка. Это знание определяется жизненным миром и организовано в идеально-типических структурах, которые А. Шюц именует типизациями. Знание второго порядка составляется, напротив, научным пониманием специалистов, при помощи чего обществовед интерпретирует и понимает осознанные здравым смыслом структуры жизненного мира. Как видно, в работах ученого так же явно разделение социальной реальности на два несводимых друг к другу уровня. Таким образом, современный человек, который, следуя мыслям другого выдающегося социолога М. Вебера, вынужден с развитием цивилизации прибегать ко все более увеличивающейся рацио-

нализации повседневной жизни, оказывается раздвоенным и отчужденным. Спонтанности и свободе действия противостоит практически постоянная необходимость в программировании своей деятельности, в придании ей рационального смысла.

Судя по всему, проблема отчуждения, осознаваемая А. Шюцем, на мой взгляд, в других терминах и понятиях, была важной в его научной практике: он часто акцентировал внимание на способности человека общаться и понимать друг друга. А. Шюц исходит из того, что знание жизненного мира, строится на интересубъективном понимании, которое опирается на два принципиальных допущения о восприятии и понимании человеком окружающего мира и друг друга. Во-первых, должна существовать обоюдность перспективы, а во-вторых, смысловая конгруэнтность перспективы (Бекк-Виклунд, 1982, с. 81). Обоюдность перспективы – это допущение, что для того, чтобы разговор между двумя людьми имел смысл, между ними должна быть возможность обмена перспективами. Если такой обмен (в силу культурных, личностных или социальных особенностей и различий) невозможен – наступает отчуждение. Для преодоления этого отчуждения люди должны встать на точку зрения и позицию другого и продолжать быть в состоянии понять друг друга. Например, участники одного общества, одного культурного круга или поля, исходят из представления, что поток событий, предметов, действий и людей имеет то же содержание для других, что и для них самих. Допущение о смысловой конгруэнтности перспективы означает, что обе стороны в разговоре полагают, что они истолковывают ситуацию сходным образом. Важно, что вместо того, чтобы рассматривать вопрос интересубъективности как философскую проблему, А. Шюц рассматривал ее как практическую проблему социологии понимания людьми друг друга, а значит, и как способ преодоления различных видов отчуждения между людьми, вызванного непониманием, нежеланием встать на точку зрения другого.

Феноменологическую традицию развивали П. Бергер и Т. Лукман. В их влиятельной работе «Социальное строение действительности» они излагают попытку создания целостной теории общества и социальной жизни, исходя из той мысли, что общественная действительность в основе своей является социальным произведением человека (Бергер, Лукман, 1995). Встречи людей лицом к лицу формируют социальное. При таких встречах индивид прибегает к различным типизационным схемам, чтобы понять

и интерпретировать другого. И что важно в контексте исследования отчуждения: чем более анонимно и отстранено лицо, с которым человек взаимодействует, тем жестче типизации, к которым люди прибегают («бюрократ», «иммигрант», «бритоголовые»). Сами по себе эти типизации выступают в качестве отчуждающих факторов, которые, по нашему мнению, еще больше разводят индивидов друг от друга. Эти типизации можно рассматривать в шюцевском понимании как знание собеседников друг о друге второго порядка. Рационализация качеств индивида выливается в навешивание ярлыков, которые очень часто не имеют с человеком ничего общего. Последний же впоследствии воспринимается как набор стереотипных описательных конструкций, за которыми не видно всей полноты личности человека и его деятельности.

Феноменологическая традиция была впоследствии продолжена Г. Гарфинкелем. В «Восприятии другого» и в «Исследованиях по этнометодологии» он показывает процедуры интерпретации, к которым люди прибегают, истолковывая в обыденном взаимодействии речь и жесты друг друга (Heritage, 1984). Г. Гарфинкель пишет: «Действия, посредством которых индивиды создают ситуации организованной повседневной деятельности и управляют ими, идентичны процедурам, к которым индивиды прибегают для того, чтобы сделать эти ситуации объяснимыми» (Гарфинкель, 2006, с. 9). Учёный проводит ряд простых опытов, показывая привычные основы каждодневной деятельности. В анализе приведенных им разговоров обнаруживается почва для отчуждения, которое становится возможным в результате непонимания участниками разговора подтекста разговора, правильной интерпретации сказанного, лежащего в его основе социального порядка и правил (социальных структур). Таким образом, неверное истолкование людьми социальных смыслов, обмен которыми происходит в результате каждодневных практик вербального общения, может приводить к социальному отчуждению между участниками социального дискурса:

А: «Как твои дела?»

В: «Какие именно дела? Мое здоровье? Мои финансы? Моя учеба? Душевное спокойствие? Мои...?»

А: (Краснея и внезапно выходя из себя) «Слушай! Я всего лишь хотел быть вежливым! Если честно, ты меня совершенно не интересуешь» (Гарфинкель, 2006, с.54).

Подобные исследования проводил американский социолог А. Сикурель. Его научная традиция характеризуется тем, что он часто форсировал научные границы и манипулировал антропологическими, лингвистическими и психологическими теориями и методами, в результате чего в научном дискурсе крепко обосновалось понятие когнитивной социологии (Schwartz, Jacobs, 1979). Условия толкования сказанного А. Сикурель рассматривает исходя из учений А. Шюца и Г. Гарфинкеля. У А. Шюца он заимствует предпосылки интерсубъективности знаний здравого смысла. Она способствует пониманию между людьми и делает совместную разделяемую культуру и действительность близкой. Напомню, что это обосновывается взаимностью и конгруэнтностью перспективы. Так, когда люди разговаривают друг с другом, то редко говорят все. Вместо этого они полагаются на то, что тот, с кем, они говорят, косвенно «заполняет» то, что остается невысказанным. В разговоре предусматривается общее представление о том, что «является нормальным».

Свои представления об этом А. Сикурель развивает в начале 1970-х годов (Sicourel, 1974). Например, если человек выходит за пределы того, что считается нормальным, это значит, что он выходит за пределы допустимого, которые в интеракционизме могут пониматься как «скобки» определенного фрейма. Выйти за пределы допустимого индивид способен помимо прямых физических действий еще и в своих мыслях, чувствах, в восприятии действительности. Тогда он неизбежно оказывается в состоянии отчуждения, отчуждения от признающей остальные участниками общества единственно-насушной социальной действительности, которая нормальна и понятна для большинства. Автоматически человеку, перешагнувшему границы нормы, приписывается ярлык «ненормальности», болезни, отклонения. Напомним, что первоначально термин «alienatio» и применялся еще в античности по отношению к людям с психическими нарушениями, иными словами, находящимися за границами привычного смысла. Впрочем, весь механизм тоталитарного социального контроля над индивидом и его исключения, через постановку психиатрией различных диагнозов, через обозначение его «ненормальным», «монстром» и так далее был прекрасно описан Мишелем Фуко.

Итак, интерпретация индивидами реальности, в основе своей имеет магистральную линию, общую основу, которая является залогом интеграции общества: «Базовые процедуры интерпретации

схожи с глубинными структурами грамматики; они делают возможным для производителя действия генерировать верные ответы в изменчивых ситуациях, поддерживать структурное сходство. Внешние правила или нормы, отражая это, создают историческую действительность» (Cicourel, 1974, с. 27); поэтому между структурой и нормой постоянно происходит взаимодействие (Cicourel, 1974, с. 32).

ФЕНОМЕН ОТЧУЖДЕНИЯ В ГРАНИЦАХ СИМВОЛИЧЕСКОГО ИНТЕРАКЦИОНИЗМА

Символический интеракционизм также является научной традицией, способной пролить свет на проблему отчуждения, его генезиса, а также возможности преодоления. Самое основное, на что указывает символический интеракционизм – это способность человека владеть языком и интерпретировать знаки. Сама способность говорить делает человека социальным существом. Как сам человек существует в языке, так и его становление происходит в языке. «Когда человек пользуется жизненно важными словами, он осуществляет свое «я»: «я» становится очевидным. Человек говорящий показывает себя в слове, речью подтверждает, что он за человек. Слова решения, признания, обещания любви или ненависти, ложь, свидетельство истины – это экзистенциальная речь, в которой человек становится тем, кто он есть, и проявляет, самого себя... В экзистенциальной речи человек ставит на карту свою вероятную персональность, и он может буквально высмеять ее. Человек и его слова стоят между обезличиванием и приходом к самому себе с собственной личностью» (Берг, 1991, с. 157). Это высказывание указывает на такой вид отчуждения как самоотчуждение человека, а именно отчуждения от самого себя, от своего «я». Причём отчуждения не посредством объективных причин, таких например, как разделение труда или условия труда при капитализме в контексте исследования проблемы отчуждения в марксистской традиции, а посредством внешнего и внутреннего диалога, при помощи речи и языка. Это может быть одной из характеристик отчуждения в рамках дискурса символического интеракционизма. Другим важным аспектом является то, что само формирование человеческого «я» происходит путем отчуждения этого личного «я» от «мы». «Я» человека социально, но само по себе оно формируется путем того, что Дж. Мид называет «взятием на себя роли» или «принятием отношения других к себе самому». Общее (социальное) как бы отчуждается от самого себя, становясь

субъектом, формируя, таким образом, отдельное «я». М. Бубер выражает эту мысль так: «Должно быть, мы другие, прежде чем мы становимся самими собой» (Берг, 1991, с. 161).

Так, и Г. Блумер констатирует, что человеческое общество состоит из индивидов со своим «я». Это означает, что они («я») могут ссылаться на самих себя, когда они имеют дело с явлениями окружающего мира. Это значит, во-первых, что возникают отношения между индивидом и окружающим миром, в котором индивид является создателем. Он придает окружающему миру смысл, мир становится объектом для него. Объект приобретает смысл благодаря индивиду. Таким образом, из этого можно сделать вывод, что индивид создает свои объекты. Например, стихотворение часто имеет разный смысл для разных индивидов. Для одного оно является зеркалом его внутреннего мира, другому оно в корне чуждо и представляет собой описание чуждого ему мировосприятия. Во-вторых, человеческое действие – это скорее конструирование, чем реакция на условия. Наконец, из этого следует, что коллективное действие становится возможным благодаря тому, что индивиды видят сходство своих и чужих индивидуальных действий и соединяют их (иногда успешно, иногда нет) в то, что Г. Блумер называет «обобщенным действием» (Blumer, 1986).

Объявляя, что индивид мыслит и обладает намерениями, интеракционисты констатируют, что общество есть постоянно происходящее взаимодействие между различными действующими индивидами. Таким образом, общество формируется либо посредством включения индивидов в интеракцию, либо посредством отчуждения одних индивидов от других в процессе социального взаимодействия.

По мнению интеракционистов отношение людей друг к другу определяется не тем, чем они являются на самом деле, а тем, чем они являются в представлениях друг о друге. Главную роль в формировании этих представлений играют голос, речь, жесты. Сам голосовой аппарат обеспечивает человека ситуациями. Так, ребенок сам создает такие стимулы с самого рождения (крик, смех), а его воспитатели вынуждены отвечать на них различными способами. Это приводит к тому, что объекты в окружающем мире становятся носителями смысла, они оказываются связанными с тем, что мы называем символами (Mead, 1934). Таким образом, отчуждение может рассматриваться как результат мыслительных операций, интерпретации символов и знаков, которые производят люди при помощи жестов и голоса.

Описание всей научной традиции интеракционизма заняло бы слишком много места, однако, еще одна точка зрения ученых данного направления требует некоторого освещения, так как она имеет прямое отношение к феномену отчуждения. Эта проблема природы человека. Сама по себе теория Дж. Мида о происхождении и развитии сознания представляет собой попытку дать развернутое представление о человеческой природе, в противоположность природе животных, например. Способность человеческого существа, будучи субъектом, видеть себя как объект, коренится в способности к дистанцированию. Дистанцирование – это одно из ключевых понятий в интеракционизме. Дистанцирование является результатом разыгрывания различных ролей в социуме. Причем оно протекает на разных уровнях, которые все время характеризуются увеличением дистанции. Наибольшую дистанцию индивид развивает на завершающей стадии развития, – обобщенного другого, – когда разыгрывание ролей становится безличным и абстрактным. На наш взгляд, этот механизм дистанцирования с полным правом можно назвать синонимичным и процессу отчуждения. Во-первых, это дистанцирование-отчуждение от других членов социума, которые входят в обобщенного другого, а во-вторых, отчуждение личности от самой себя посредством разыгрывания различных ролей, которые могут быть чужды ей. Процесс прирастания масок и подмена ими реального лица человека, тоже является примером такого отчуждения. Трагичность данного вида отчуждения заключена в том, что, поддавшись давлению общества, человек вынужден играть навязанные ему стереотипы поведения, роли и стили жизни. Здесь уместно вспомнить представителя Франкфуртской школы в социологии – Э. Фромма. Тема неотчужденной, истинной, максимально приближенной к природе человека активности проходит через все его творчество под понятием «быть». Быть – это значит открыться миру, жить в соответствии с естественной установкой к миру, а вот стиль жизни под названием «иметь», напротив, приводит к генерированию бесконечного количества масок, и как результат потерю человеком собственного лица, ядра личности (Фромм, 2007).

Среди тех, кто развивал научное наследие Дж. Мида, присутствует крупнейший американский исследователь Ирвинг Гофман. В своей первой книге «Я и маски» И. Гофман говорит, что «намеревается изучать не столько людей и мгновения их жизни, сколько мгновения жизни и людей в них» (Goffman, 1974, с. 1). Это поло-

жение следует понимать в том смысле, что человек определяется ситуацией, социальной игрой, в которую он вступает вместе с другими людьми в каждой данной ситуации. В связи с этим необходимым является вспомнить его центральное понятие – «я сам» (the self). И вот почему. Это «я сам» «как представленный образ роли не является органической вещью, локализованной в особом месте, чьей фундаментальной судьбой является рождение, созревание и смерть; нет, он представляет собой драматический эффект, который возникает в показываемой сцене, и все зависит от того, сочтут ли его достоверным или вызывающим недоверие. Когда мы анализируем «я», мы, таким образом, отвлекаемся от его носителя, от того лица, который более всего выигрывает или теряет на этом, потому что он и его тело – всего лишь та зацепка, за которую некоторое время будет цепляться коллективный на самом деле продукт» (Goffman, 1974, с. 218). Из этого следует, что человек, его «я» по И. Гофману, не более чем образ роли, та маска или набор оных, которые закрепляются за их носителем, и носителем в данном случае оказывается даже не сам человек, личность, а лишь тело и то, что социолог называет лицом. То «я», которое человек видит, рассматривая самого себя – это не более чем представленный образ роли. Что может быть менее гуманно?

В своих поздних работах американский социолог разрабатывает понятие ролевой дистанции (Goffman, 1961): человек во время своих социальных встреч с самого детства генерирует способность отличать свои разнообразные роли от себя самого. Он отчуждается либо от своих ролей (роли) и представляет собой то, что он есть, либо он отчуждается от себя самого и приступает к социальному лицедейству. Такой ход мыслей поддерживается следующей парой понятий – честный и циничный актер. И хотя И. Гофман не морализирует (что свойственно его социологии), первое понятие означает человека, который не осознает, что играет роль, и идентифицирует себя с ролью, в то время как циничный актер ясно понимает, что он играет роль, и что он не идентичен этой роли. Честный актер – это отчуждённый индивид, который идентифицирует себя с ролью и масками, в то время как циничный актер осознает дистанцию между собой и ролями, которые ему приходится играть.

Одной из наиболее разработанных областей применения символического интеракционизма стало отклоняющееся поведение.

Прежде всего, подобные исследования опирались и опираются на так называемую теорию штампов (Becker, 1963). Согласно последней, сделать человека отклоняющимся можно, назвав его таким. Возможно, отклонение – это не свойство личности, но процесс: «Отклонение изначально не является свойством действия, которое совершает лицо, но скорее следствием того, что другие применяют по отношению к «грешнику» правила и санкции. Лицо с отклонениями – это человек, на которого сумели наклеить этот ярлык: отклоняющееся поведение – это поведение, которое люди называют таковым» (Hewitt, 1981, с. 231). Большое значение здесь имеет властный аспект: «Отклонение – это название, которое мы даем игре конфликтов, в которой индивиды или слабо организованные малые группы, обладающие малой властью, опасаются хорошо организованного, значительного меньшинства или большинства, обладающего большой властью» (Hewitt, 1981, с. 234).

1.5. Феномен отчуждения в дискурсе постмодернизма и объектно-ориентированной социологии

ОТЧУЖДЕНИЕ КАК ОБЪЕКТ АНАЛИЗА ТЕОРЕТИКОВ ПОСТМОДЕРНИЗМА В СОЦИОЛОГИИ

Начиная с 60 гг. XX века, проблема отчуждения приобретает новое звучание. Это было связано с формированием новой, прежде всего в странах Западной Европы и США, общественной системы. Под влиянием радикализма, особенно во Франции, сложился новый интеллектуальный истеблишмент, мыслящий в рамках постструктурализма и постмодернизма (Kellner, 1989). На первый план вновь выходит проблема свободы человека, а точнее её отсутствия во всех сферах общественной жизни: экономической, политической, интеллектуальной, культурной, сексуальной, правовой. В связи с этим были предприняты колоссальные по своей напряженности и глубине переосмысления работ Карла Маркса и Зигмунда Фрейда. Вновь дает о себе знать проблема подавленности, раздвоенности, ничтожности, беспомощности, одиночества современного человека, иным словом – проблема отчуждения.

Сюда же стоит добавить новые трудности, связанные с массовым распространением наркотических веществ, зарождением индустрии развлечений, с возможностями безграничного потребления, развитием массмедиа, а так же индустрии моды. Рефлексируя

по поводу этих социальных трансформаций, социальные теоретики того времени концептуализировали новую фазу социума по-разному. Так, Жан Бодрийяр назвал это новое социальное пространство «обществом потребления и гиперреальности», в то время как другие, например Жак Эллюль, именовали его «технологическим обществом»; также это «общество спектакля» Ги-Эрнста Дебора; «бюрократическое общество, управляемое потреблением» в интерпретации Генри Лефевра. Во многом эта новая интеллектуальная волна того времени опиралась на проводимые Роланом Бартом исследования в области нового потребления и медиакультуры, которые получили идейное оформление в одной из его фундаментальных работ – «Мифологии». Находясь под влиянием французского семиолога Фердинанда Де Соссюра, призывавшего изучать «жизнь знаков в обществе», Р. Барт анализирует способы мифологизации развлечений, моды, поп-культуры и массмедиа, которые трансформируют «маленькую буржуазную культуру в универсальную природу» общества (Roland, 1962, с. 9). Он рассматривает этот процесс как намеренный способ стереть, завуалировать исторически и экономически обусловленный классовый конфликт.

Эти лингвистические теории получили свое развитие в исследованиях различных дискурсов, социальных институтов и культуры в границах европейского структурализма. Они представлены от структурной антропологии Клода Леви-Стросса до структурного психоанализа Жана Лакана; от структурного марксизма Луи Альтюссера до теорий текстуальности и деконструкции Жака Дерриды. Эти новые структуралистские теории фокусировали внимание на языке, репрезентации и важности в повседневной жизни разнообразных дискурсов, визуальных изображений и кодов. Основываясь на структурной лингвистике Де Соссюра, семиологические теории языка уделяет главное внимание проблеме отношений между языком и реальностью, словом и вещью. Де Соссюр рассматривал лингвистические символы как отношение обозначающего (акустический либо визуальный компонент) и обозначаемого (концептуальный компонент, то, на что указывает обозначаемое). Например, утверждение «сегодня небо синее» (обозначаемое), указывает на небо у нас над головами (обозначаемое), а так же указывает на специфичность того, что небо именно синее, выявляя различие от возможного облачного, серого или ночного неба (Kellner, 1989, с. 3).

ОТЧУЖДЕНИЕ В ТРУДАХ ЖАНА БОДРИЙЯРА

Признанным мэтром социологической мысли, занятой обществом потребления, массовым обществом постмодерна, является Жан Бодрийяр. На основании его работ можно однозначно сделать вывод о потере человеком двадцатого столетия, а так же человеком миллениума свободы, отчуждении от возможности определять свою жизнь и свою социальную судьбу, полную утрату человеком себя и превращении социума в имплозивную массу. Наиболее радикальной выглядит мысль французского ученого о смерти социального и конце истории (который находится в процессе перманентной симуляции). Полагаю, что концепция смерти социального имеет много общего с тем, что раньше рассматривалось социологией (Ф.Тённис, В. Зомбарт) как потеря человеком истинно человеческих качеств, таких как забота, честность, понимание, сопереживание и т.д. Всему этому на смену в современном обществе приходит чистая, рафинированная коммуникация.

Особое место в творчестве учёного занимает теория симулякров и гиперреальности. Проводником и «фабрикой» симулякров как единиц гиперреальности являются СМИ, а также современные компьютерные, виртуальные и медийные технологии. Общественное мнение, деньги, труд (который больше не производит), власть (которая больше никого не представляет) – единицы исключительного символического порядка (J. Baudrillard, 1994). Такое общество можно назвать отчуждённым от реальности, так как оно функционирует на основе знаков, символов, явлений, которые являются чистыми «значениями в себе», не отсылают к реальным объектам или процессам, а также потому, что всё больше современный человек воспринимает реальность как поток визуальных образов (телевидение, интернет и т.д.). Виртуальные социальные отношения тоже представляют собой отчуждённую форму общения, являются чистой коммуникацией посредством восприятия звука и изображения. В качестве примера гиперреальности Ж. Бодрийяр приводит изображение глаза на экране телевизора, мельчайшие подробности и гигантское изображение которого противоречат нормальному восприятию глаза в реальной жизни. Сами симулякры классифицированы французским исследователем на три группы, каждая из которых характеризуется меньшей либо большей удаленностью от реальности.

Новосибирские социологи Л.В. Корель и В. Комбаров, используя положения о природе гиперреальности и симулякрах, на основании проведенного ими исследования, приходят к выводу о том, что российская государственная промышленная политика в период всемирного экономического кризиса представляла собой именно симулякр третьего порядка – феномен, представленный исключительно в виде потоков слов, изображений, символов. Так, по мнению руководителей промышленных предприятий активно декларируемая в СМИ, государственная промышленная политика по ликвидации экономического кризиса, была, тем не менее, крайне слабо представлена и реализована в реальности (Корель, Комбаров, 2010, с. 65–80).

В данной монографии виртуализация и гиперреализация жизни и общества рассматривается мной как новый (западный) вид отчуждения, который активно проникает в жизнь российского общества в последние два десятилетия.

Начинает своё критическое наступление на общество постмодерна французский социолог с релиза своей первой книги «Система вещей» (Baudrillard, 1968). Уже в этой работе в полной мере звучат интонации об утрате человеком двадцатого столетия социального, то есть действий людей, направленных друг на друга. Все интенсивнее вещи, вклиниваясь в социальную жизнь, отчуждают людей, заполняя своей искусственностью социальное пространство. С развитием общества потребления или общества постмодерна, всякая относительно социальная активность человека направлена на вещи. Будь то автомобиль, холодильник, сверхфункциональный гаджет или функциональный шкаф, именно они теперь формируют общество, организуют социальное пространство и определяют стиль жизни человека постмодерна. Важным и ценным является лишь комфортное потребление и сервис. Ценность вещи во многом определяется аурой, которую она вокруг себя создаёт. Первый проект Ж. Бодрийера «Система вещей» выполнен в границах объектно-субъектной диалектики, при которой субъект (человек) стоит перед безграничным миром объектов, которые привлекают его, очаровывают, соблазняют и управляют его мыслями, восприятием и поведением. Человек оказывается бессильным, он очарован и околдован, а значит и подавлен и отчуждён, выступает объектом манипуляции. Функциональным и сверхфункциональным объектам учёный противопоставляет нефункциональные объекты (например, классический обеденный

стол с абажуром над ним), которые по-иному структурировали социальное пространство, побуждая людей вступать в интеракции и культивировать социальное. В общем, Бодрийяр описывает систему объектов как систему предметов потребления, формирующих общество потребления, и фокусирует свое внимание на описании типов систем объектов потребления в контексте продолжающегося развития капитализма. В некоторых местах книги Ж. Бодрийяр поднимает вопрос о том, является ли эта новая система объектов результатом успешного производства, технических возможностей или психологических проекций, либо общим их результатом, который является двигателем все увеличивающегося количества предметов и их потребления (Baudrillard, 1968, с. 175, 240). Обращая внимание на этот момент – стремительно увеличивающееся количество предметов и разветвляющуюся структуру потребления и ее объектов, – он возвращается к Марксу и его теории революции. По мнению социолога постмодерное общество и революция интегрированы в систему друг друга: «Всё движется, всё меняется, всё трансформируется и по-прежнему остается неизменным. Такое общество, брошенное в технологический прогресс, достигает всех возможных революций, но революций в себе. Его растущая производительность не приводит ни к какому структурному изменению» (Baudrillard, 1968, с. 217).

Во второй своей знаковой работе «Общество потребления», а так же более поздних, таких как «Молчаливое большинство», «К критике политэкономии знака», «Забыть Фуко» и «Америка» Бодрийяр продолжает теоретические и эмпирические исследования объектов и активности в новом мире общества потребления и техники. В них уже более четко прорисована сама природа и структура постмодерного общества досуга и потребления. В своем изложении он идет в одну ногу с такими современными ему теоретиками, как Ги Дебор, Маршал Маклюэн, Эдгар Морин, Дэвид Райсман, Торстейн Веблен и другими. Именно эти фамилии мы находим в библиографическом списке его книги (Baudrillard, 1970, с. 317–318). Анализ касается средств массовой информации, сексуальности и досуга и, что важно, «заканчивается некоторыми серьезными наблюдениями относительно природы современного отчуждения» (Kellner, 1989, с. 12). Так, исследовательский проект Бодрийяра приходит к выводу, что отныне система объектов коррелирует с системой желаний, а точнее, становится манипулятив-

ной и репрессивной по отношению к механизму выработки мотивов и желаний человека, «гомогенизирует их и реорганизовывает, таким образом, повседневную жизнь» (Baudrillard, 1970, с. 25). Он подвергает критике американского теоретика Гэлбрейта, который видел в потреблении естественное удовлетворение человеческого эго, и заявляет, что это ложная свобода, а точнее несвобода, обусловленная манипуляцией над человеческими потребностями. Последние он называет «фальшивыми» и искусственными, сфабрированными медиа и рекламой. По сути, здесь мы становимся свидетелями того, как Бодрийяр добавляет к политэкономии Маркса культурное, а точнее, социо-культурное измерение, и сеет семена только еще оформляющейся теории политэкономии знака: обмен кодами выступает как «аномия в обществе изобилия» (Baudrillard, 1970, с. 278).

Исследуя общество потребления, Ж. Бодрийяр так же приходит к выводу о том, что «принципом и целью потребления не является наслаждение... последнее сегодня принудительно и утверждается не как право или удовольствие, а как долг гражданина» (Бодрийяр, с. 109). В этом смысле человек оказывается закабалённым повсеместным принципом потребления, потребление в наше время содержится в каждом социальном, психологическом и т.д. акте индивида. Парадокс, но под натиском консюмеризма современный человек испытывает отчуждение от наслаждения: «...потребление определяется как исключение из наслаждения. Социальная логика системы потребления включает отказ от наслаждения. Наслаждаются для себя, но, когда потребляют, никогда не делают этого в одиночестве (это иллюзия потребителя, тщательно поддерживаемая всеми идеологическими рассуждениями о потреблении), а входят в обобщенную систему обмена и производства закодированных ценностей, куда, вопреки им самим, включены все потребители» (Бодрийяр, 2006, с. 108).

Отсюда (в дополнение к концепту отчуждённого труда К. Маркса) вытекает идея об отчуждении в противоположной труду сфере – сфере потребления: «Современный человек проводит все менее и менее свою жизнь в труде на производстве, а все более и более он проводит ее в производстве и непрерывном обновлении своих собственных потребностей и своего благосостояния» (Бодрийяр, 2006, с. 110).

Современное отчуждение Ж. Бодрийяр называет концом сделки с дьяволом. Так, на примере двух европейских художе-

ственных произведений он описывает свое видение современного нам отчуждения: один из них – немой, экспрессионистский фильм 1930-х гг. «Студент из Праги». Другой – повесть А. Шамисо «Петер Шлемиль, человек, который потерял свою тень». В «Студенте из Праги» речь идет о бедном студенте, который за деньги продает дьяволу своё изображение в зеркале. Дьявол вытаскивает образ из зеркала, как гравюру или лист копировальной бумаги, скатывает ее и кладет в карман. Студент, благодаря деньгам, идет по жизни легко, от успеха к успеху. Но однажды он замечает своего двойника и перестает видеть свое изображение в зеркале. Этот двойник есть проданный дьяволу образ, воскрешенный и приведенный в движение. Опасаясь того, что их увидят вместе, студент избегает появляться на публике и пренебрегает всяческим общением. Образ преследует студента с целью отомстить ему за то, что был в свое время продан. В отсутствие студента оживший образ занимает его место в социальной реальности и творит насилие. Для студента больше не существует общественной жизни, приемлемого существования. В отчаянии он отчуждается даже от искренней любви, которая встретила его, и решается, чтобы покончить со всем этим, убить свой образ. В результате схватки они оба оказываются перед зеркалом, из которого вышел образ. Студент стреляет в зеркало, оно разбивается, а двойник, вновь став фантазмом, каким он и был, исчезает. Но в то же время студент умирает, ибо убив свой образ, он убивает именно себя, так как незаметно образ стал живым и реальным, заняв его место. Однако в предсмертной агонии он видит свое отражение в зеркале, он снова может видеть себя. Так, ценой утраты своего физического тела студент все же обретает свое нормальное состояние. Ж. Бодрийяр так комментирует этот фильм с точки зрения феномена отчуждения: «Зеркальный образ является здесь символом наших действий, которые создают вокруг нас мир соответственно нашей сути. Поэтому отделение образа от его источника оказывается символом, знаком того, что мир становится смутным, что наши действия от нас ускользают, и мы лишаемся тогда перспективы в отношении самих себя. В этом случае нет больше приемлемого тождества: я становлюсь для себя самого другим, я отчужден» (Бодрийяр, 2006, с. 236).

Общий вывод французского социолога относительно отчуждения выглядит крайне не утешительно: «Всякое идеальное решение о преодолении отчуждения отброшено сразу. Отчуждение

не может быть преодолено: оно представляет саму структуру сделки с Дьяволом. Оно есть сама структура торгового общества» (Бодрийяр, 2006, с. 239).

В текстах Ж. Бодрийяра заметен явный прогресс от марксовской трактовки отчуждения, детерминированного условиями производства и функционирования капитала, до понимания отчуждения, связанного с политэкономией знака, а также потреблением. Потребление смещает производство с его центральных позиций, теперь именно оно определяет социальное поведение и отчуждение.

ГИ ДЕБОР ОБ ОТЧУЖДЕНИИ

Схожие идеи об обществе постмодерна и свойственном ему отчуждению присущи Ги-Эрнсту Дебору. Согласно ему, современное общество является глобальным шоу, в котором все виды социальной деятельности (власть, политика, знание, общественные движения и т.д.) имеют форму представления, не связанного с подлинной реальностью. В 1967 году Ги Дебор издал свой фундаментальный труд «Общество спектакля», в котором подверг критике современный капитализм, усиление роли СМИ и индустрии развлечений в жизни современного общества, а также государственный капитализм, проявивший себя в СССР и Китае. Основопологающей является мысль исследователя о том, что все, что раньше переживалось непосредственно, теперь отчуждается в представление. Таким образом, мы имеем раздвоенную и расколотую реальность, а значит и раздвоенного, отчужденного человека. На первых страницах своей работы Ги Дебор пишет, что спектакль, оборачивающий реальное, в действительности является произведенным. В то же время переживаемая действительность материально заполняется созерцанием спектакля и в себе самой воспроизводит зрительный порядок, придавая ему позитивное обоснование. Объективная реальность предстает с двух сторон. Каждое понятие, подобным образом закрепленное, основано лишь на переходе в противоположное и, таким образом, действительность возникает в спектакле, а спектакль является действительностью. Это взаимное отчуждение есть сущность и опора существующего общества (Ги Дебор, 1998).

По Ги Дебору отчуждение при капитализме не ограничивается отчуждением труда. Параллельно Ж. Бодрийяру он констатирует вступление капитализма в фазу общества потребления (общества спектакля): «Сфера обладания отсюда расширяется в той мере, в

какой само это обладание становится все более и более фиктивным» (Ги Дебор, Wikipedia). Однако капитал на этом не останавливается: если раньше в его состав входили средства производства, денежные активы и другие «физические» блага, то теперь капитал поглощает в себя образы, рождаемые СМИ, и информацию. Эта монополизация, по Ги Дебору, окончательно лишает человека права свободного суждения. Свободное общение сменяется односторонним диктатом СМИ. Внешний характер спектакля по отношению к человеку проявляется в том, что его собственные поступки принадлежат уже не ему самому, но другому – тому, кто ему их представляет. Вот почему зритель нигде не чувствует себя дома, ему все чуждо, ибо повсюду – спектакль (Ги Дебор, 1998).

Ги Дебор разделяет два вида спектакля: распыленный, присущий странам капиталистического Запада, и концентрированный: проявивший себя в СССР и Китае. Разница между ними заключается в способах воздействия. Концентрированный спектакль государственного капитализма отличает нетерпимость ко всякой, даже виртуальной свободе слова, более сильным репрессивным аппаратом, однако в меньшей степени фетишизацией товарного производства. Перед своей смертью Ги Дебор высказал идею о том, что крушение СССР и становление рыночной экономики приведет к торжеству нового вида спектакля – интегрированного, который будет совмещать в себе диктат потребления и сильный репрессивный аппарат. Последователи Ги Дебора считают, что интегрированный спектакль реализовал себя в полной мере в США, после терактов 11 сентября. Полагаю, что интегрированный спектакль имеет место быть и в современной России, так как с одной стороны, сохраняется прежний, присущий советскому обществу сильный репрессивный аппарат, а с другой стороны, он дополняется фетишизацией системы вещей в обществе потребления.

Все основные идеи и проекты Ги Дебора вылились в создание им уникального научного и общественного течения – ситуационизма, в котором предпосылкой социальной революции объявлялась революция сознания. Поскольку индивидуальное сознание детерминировалось общественной и культурной ситуацией, ситуационисты сосредоточились на создании контркультуры и контркультурных ситуаций. Среди основных теоретиков ситуационизма можно выделить Ивана Щеглова, Питера Макгрегора, Рикардо Гутьерреса, Джузеппе Пино-Галицио.

ОТЧУЖДЕНИЕ В РАБОТАХ ЖАКА ЭЛЛУЛЯ

Еще одним крупным исследователем общества постмодерна, либо как он сам его называет «технологическим обществом», является французский социолог Жак Эллиуль. В его работах, так же как и в исследованиях Жана Бодрийяра и Ги Дебора, основополагающей идеей выступает идея о тотальной подмене реального мира миром кажущимся (созданным современными технологиями), который в свою очередь сформировал особый тип сознания человека. Жак Эллиуль, раскрыв в ряде своих работ («Пропаганда», «Политическая иллюзия») механизм идеологического манипулирования, ввел понятие «социологическая пропаганда», под которой подразумевается деформирующее воздействие технологий на сознание людей через образ жизни, через символику и социальное окружение. Современное ему общество он называет мега-машиной, в котором люди являются отчужденными марионетками, деформированными в погоне за прогрессом и рационализацией жизни, придающие человеку и социуму черты кажущегося изящества и эффективности, которые продуцируются рациональностью. В одной из своих книг он пишет следующее: «Это – абсолютное отчуждение, которое позволяет человечеству достигать совершенства. Человек должен быть сведен до марионетки (а общество до машины), чтобы обрести совершенство и эффективность. Таким образом, чтобы достигнуть этого в полной мере – моральный или социальный человек должен быть в таком государстве деиндивидуализирован, фактически должен отсутствовать» (Ellul, 1973).

В отличие от позитивно настроенных социологов, Ж. Эллиуль придерживался мнения о том, что социальный прогресс представляет собой неумолимое порабощение человека технологией и поглощение личности массовым потребительским, все более регламентированным обществом; полагал, что ради материальных благ, приносимых наукой и техникой, люди жертвуют индивидуальной свободой и духовными ценностями. При этом развитие техники сопровождается вытеснением гуманистических целей техническими средствами достижения эфемерного господства человека над природой: «У жизни в такой окружающей среде нет никакого значения. Посмотрите на наш общественный транспорт, в котором человек не более чем оболочка; на наши больницы, в которых человек лишь номер, число. А мы по-прежнему называем это прогрессом... Бесплезно протестовать против капитализма. Не столько капитализм создал этот мир, сколько это сделали машины» (Ellul, 1967, с. 5).

В некотором смысле Ж. Эллюля можно назвать представителем «технофобизма». Страх перед технологиями, компьютеризацией и глобализацией вызван опасениями относительно захвата машинами (технологиями, компьютерами, кибернетическими механизмами, искусственным разумом и т.д.) главных позиций в социуме, перед которыми человек будет абсолютно беззащитен и над которыми он потеряет контроль. В этом и выражаться тотальное отчуждение человека от того, что является результатом его труда и затем становится человеку недоступным и даже угрожающим по отношению к нему самому (детище-машина убивает своего человека-отца). Многие из прогнозов Ж. Эллюля сбылись: достаточно вспомнить об экологических и ядерных катастрофах сегодняшних дней, к которым привёл прогресс технологий. Это и загрязнение, и парниковый эффект, клонирование, а так же, висящая как Дамоклов меч над современным социумом, угроза ядерной катастрофы и полного уничтожения человечества. Потеря контроля над процессом технологического «развития» и характеризует современное отчуждение человека, при котором он уже не властен изменить что либо, а выступает в качестве беспомощной жертвы запущенного им процесса производства технологий. По-настоящему угрожающе (и, стоит заметить, пророчески), звучат его слова о том, что «Знание будет накоплено в «электронных банках» и перенаправлено непосредственно к человеческой нервной системе посредством закодированных электронных сообщений. Больше не будет никакой потребности в чтении или изучении информации; все будет получаться и регистрироваться согласно потребностям насущного момента. Не будет никакой потребности во внимании или усилении. То, что необходимо, направится непосредственно от машины в мозг, минуя сознание» (Ellul, 1967, с. 434). Пессимистичные прогнозы частично обрели свое существование: медиа сети, интернет и различные аудио – и видеогаджеты, контактирующие с человеческим телом (через руки, уши, глаза, порою эрогенные зоны) при помощи проводов, сенсорных дисплеев, кнопок и консолей. Согласно Ж. Эллюлю, всему этому развивающемуся и превращающего человека в марионетку массиву устройств и технологий, будет способствовать «международная тотальная диктатура, которая предоставит технике ее полную власть и пространство» (Ellul, 1967, с. 433). В этом плане французскому социологу близки идеи немецкого коллеги М. Вебера об отчуждении, к которому приводит тотальная рационализация жизни.

За свои социологические изыскания в 1975 году Жак Эллиуль был награжден Европейской премией Шарля Вейонна (фр. Le Prix Européen de l'Essai Charles Veillon). Эта премия была учреждена в память о швейцарском меценате Шарле Вейонне и присуждается Фондом его имени за произведение или совокупность творчества, которое имеет ценность свидетельства и предлагает образец плодотворной критики современных обществ, их идеологий и образа жизни. За пределами академического научного дискурса Ж. Эллиуль оказал колоссальное влияние на массовое сознание, свидетельством чего стало создание голливудских сиквелов «Терминатор» и «Матрица», которые полны его идей о господстве машин, беспомощности человека перед веком компьютеризации, информатизации и искусственного интеллекта.

ВЛАСТЬ И ОТЧУЖДЕНИЕ В ПОСТМОДЕРНИЗМЕ

По-новому, с позиций постмодернизма, интерпретируется проблема отчуждения, как неотъемлемого результата воздействия власти на человека. Однако, если для классической социологии, в её вебериянской версии в частности, к отчуждению приводят увеличивающаяся рационализация и разрастание бюрократического аппарата, то для такого метра французской постмодернистской волны, как Мишель Фуко, центральное место занимают уже практики микро-власти и власти-знания. Таким образом, отчуждение в своей постструктуралистской интерпретации является результатом каждодневных социальных взаимодействий в условиях общества, власть в котором является диффузной. Субъектом власти, её проводником отныне выступает в принципе окружение человека (семья, школа, больница и так далее). Общество, устроенное по принципу паноптикума, «всеподнадзорности», является той силой, которая генерирует самоотчуждение человека, отчуждает его от свободы, самовыражения, саморазвития (Фуко, 1991).

В наиболее сильной и выразительной форме данные идеи получили своё развитие в эпохальном труде «Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения» Жюль Делеза и Феликса Гваттари. В представлении авторов, человек в условиях современного общества являет собой совокупность «производящих машин», в некотором смысле «монстра», который отдаёт, отчуждает свою либидинальную энергию в пользу всеобщей антропологической машины, общества (Делез, Гваттари, 2007). Основными сферами, перехватывающими потоки либидо, являются производство (труд) и семья. При этом индивиду-

альное отчуждение они приравнивают к социальному, ставят между ними знак равенства. Показательно, что предисловие к книге написано М. Фуко, который призывает на его страницах к борьбе с современным фашизмом, то есть в принципе с любым проявлением контроля и принуждения в современном обществе.

Стоит отметить, что позиция М. Фуко, Ж. Бодрийера, Ф. Гваттари, Ж. Делёза в целом зачастую рассматривается как провозглашение смерти субъекта, понятие, переводя которое на язык отчуждения, означает самоотчуждение индивида. Так, если М. Фуко зачастую именуют клиницистом современности, то Ж. Бодрийера можно назвать патологоанатомом современного общества.

ОТЧУЖДЕНИЕ КАК НЕИСТРЕБИМОЕ УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОНЦЕПЦИИ ЖАКА ЛАКАНА

Свою собственную теорию отчуждения, претендующую на универсальность в описании этого феномена, предложил еще один теоретик и практик постмодерна в его психоаналитической версии Жак Лакан. На своих знаменитых семинарах Ж. Лакан определил необходимость исследований отчуждения весьма просто: «Отчуждение это – помилуйте, оно сегодня повсюду. Чтобы мы ни делали, отчуждение между нами все возрастает – это касается и экономики, и политики, и психопатологии, и эстетики, да чего угодно. Не худо, поэтому, найти его, отчуждения этого, корни» (Лакан, 2004). За кажущимся наигранно ироничным слогом Ж. Лакана, стоит серьезная теоретическая разработка концепции отчуждения, которая опирается на теоретические положения о дихотомии «обозначающее – обозначаемое». Отношения между обозначающим и обозначаемым и есть тот центр, из которого происходит, формируется и расширяется поле дискурса отчуждения Ж. Лакана. Вот что он говорит по этому поводу: «Происходящее между субъектом и Другим артикулируется как процесс циркуляции: процесс, в котором субъект, призванный к Другому – в связи с тем, что увидел, как появляется в поле Другого он сам, – возвращается от Другого назад. Процесс этот действительно круговой, но природа его такова, что взаимности между сторонами в нем нет. Будучи круговым, он не симметричен» (Лакан, 2004, с. 221). В основе этой несимметричности и заложено зерно отчуждения. Лакан показывает, что за этой несимметричностью стоит, так называемый им, «летальный фактор» (Лакан, 2004, с. 227), или если воспользоваться терминологией Жоржа Батая – фермент

(назовем его ферментом отчуждения). «В основе этой структуры лежит то, что я назвал некогда функцией разрыва» – говорит Лакан (Лакан, 2004, с. 220). Добавляя и развивая свои мысли, французский исследователь приходит к выводу о том, что отношения субъекта с Другим целиком зарождаются в процессе разрастающегося зияния (Лакан, 2004, с. 221), иными словами, той «социальной раны», которая непременно образуется, как только субъект и Другой вступают во взаимодействие.

ОТЧУЖДЕННОЕ ОБЩЕСТВО ПОСТМОДЕРНА ЗИГМУНДА БАУМАНА

Одним из ныне живущих и, пожалуй, наиболее активно пишущих социологов-постмодернистов, является Зигмунд Бауман. Его творчество являет собой пример критической бомбардировки современного общества, которое сквозь призму его работ предстает как жидкое, текучее, непредсказуемое, индивидуализированное и пораженное конsumerизмом. Человек в условиях такого жидко-современного общества является человеком без качеств, полым, иными словами – отчужденным. В этом смысле З. Бауман, следует общей гуманистической традиции в социальных науках и рассматривает отчужденного человека, как существо, потерявшее свою истинную человеческую сущность. Неслучайно во вступлении к одной из своих известных книг «Жидкая любовь» польский социолог приводит в пример случай Ульриха – главного героя романа Роберта Музиля «Человек без свойств», – и называет действующих лиц этого произведения прототипами современных людей, самоотчужденных и потерянных (Bauman, 2009).

Одним из основных условий современного общества отчуждения по З. Бауману является то свойство современной жизни, которое характеризует её как *жидкую*: «*Жидкая жизнь и жидкая современность* глубоко взаимосвязаны. *Жидкий* – это тип жизни, которая протекает в жидко-современном обществе. Общество может быть определено как «жидко-современное» если ситуации, в которых действуют люди, изменяются прежде, чем способы реагирования на них успевают закрепиться в привычках и поведении» (Bauman, 2009, с. VII). Сама по себе жидкая жизнь, как и жидко-современное общество, не в состоянии сохранить свою собственную форму в течение продолжительного времени. Из этого вытекает, что в подобных условиях индивиды не имеют возможности предвидеть в должной степени результаты своих действий, предугадать результаты тех событий, в которых они принимают участие.

«Активность трансформируется в пассивность, а способность в беспомощность» (Bauman, 2009, с. VII). Стоит напомнить, что именно беспомощность, бессилие (powerless) является основным модусом отчуждения в классификации отчуждения Мэлвина Симена.

Интерпретируя жизнь современников с позиции феномена жидкого общества, З. Бауман постулирует и жидкий характер такого социального явления, как страх. Для него наиболее опасный страх, это страх диффузный, всепроникающий, неясный, страх без какой либо ясной причины (Bauman, 2008). Такой жидкий страх является результатом неуверенности, риска, неопределенности существования в современном обществе непрерывных флуктуаций. Когда опасность может нагрянуть в любое время и в любом месте, страх становится тотальным, перманентным и заставляет людей находиться в состоянии постоянной тревоги. Важно отметить, что основной предпосылкой жидкого страха становится риск быть исключенным, отчужденным из сферы социальных отношений. Для того, чтобы поддерживать свою включенность в общество человеку приходится приспосабливаться к нему постоянно, так как скорость протекания социальных процессов в жидком обществе поистине велика. Именно поэтому, по мнению З. Баумана, сегодня так велика та роль, которая отводится модернизации. Потребность в обновлении, соответствии современным стандартам, становится навязчивостью, однако и неременным условием сохранения статуса включенности в поток социальных изменений.

Большая скорость протекания социальных процессов, неуверенность, страх, накладывают свой отпечаток и на взаимоотношения людей. Так, любовь для З. Баумана тоже сегодня является жидкой. Основаниями для того, чтобы рассуждать о ней в подобных «эпитетах» выступают непродолжительность контактов между партнерами, хрупкость связей, отношение к другому, как объекту потребления (Bauman, 2009). В процессе перманентной модернизации своей жизни, современный человек модернизирует и сферу своей интимной жизни, зачастую применяя для этого соответствующий жидкому обществу способ – частую смену партнера. Все это является результатом, в частности, увеличивающегося процесса медиатизации общества. Распространение всевозможных гаджетов, интернета, видео- и аудиотехнологий высокоскоростной передачи данных, расширяет круг потенциальных партнеров практически до бесконечности. Все большую значимость в жидко-современном обществе приобретает принцип «быть на свя-

зи» (используя компьютер, сотовый телефон и т.п.), нежели находится в продолжительных и прочных отношениях с партнером, которые подвержены риску и недолговечны. Для того, чтобы прервать знакомство «достаточно нажать на кнопку» – пишет З. Бауман (Bauman, 2009, с. 87). В современных медиатизированных обществах подобная скорость смены партнеров выглядит головокружительной. В медиапространстве «всегда существует возможность вступить в контакт с другими, следовательно, не так важно, сколько из этих контактов могут оказаться хрупкими и быстротечными» (Bauman, 2009, с. 83). Однако, как замечает социолог, количество партнеров, в частности виртуальное, не заменяет глубины, продолжительности и смысла традиционных отношений. Последние, по мере развития жидко-современного общества уходят в прошлое, оставляя после себя «массу изолированных индивидов – рой (улей), если быть более точным» (Bauman, 2009, с. 84). Употребляя слово «рой (улей)», З. Бауман, судя по всему, иронизирует по поводу сложившейся ситуации, отсылая читателей к словосочетанию «сотовый телефон» (пчелиный улей состоит из сот). Таким образом, рой человеческого сообщества, предстает в виде изолированных, отчужденных индивидов, производящих бесконечное жужжание сотовых телефонов.

Отмечу, что отчужденное общество З. Баумана, характеристиками которого являются жидкая жизнь, жидкий страх и жидкая любовь, полностью зиждется на принципе потребления. «В обществе потребителей никто и ничто не в состоянии быть кем-то или чем-то, не став перед этим товаром» (Bauman, 2008, с. 17).

ОТЧУЖДЕНИЕ В ВОЗЗРЕНИЯХ УЧЕНЫХ САКРАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Теоретиков так называемой сакральной социологии, как правило, называют предтечами постмодернизма в социологии и общественных науках в целом. Прежде всего, к ним относят таких неоднозначных и неординарных мыслителей как Жорж Батай и Роже Кайуа. Некогда, создавая во Франции кружок наподобие сообщества интеллектуалов, они вместе образовали знаменитый Коллеж социологии, объектом изучения которого выступали вытесненные из сферы традиционной социологии проблемы, предвосхищая создание науки о чуждом, «инородном» (Зенкин, 2007, с. 14). Их имена нечасто упоминаются в российском социологическом дискурсе, тем более в связи с проблемой отчуждения. По-

этому, моя попытка является, возможно, первой пробой высветить проблему отчуждения, а также наиболее близкие и сходные ему по значению понятия и концепты в работах этих ученых.

С одной стороны, сакральная социология наследует классическую французскую традицию Э. Дюркгейма и М. Мосса изучения религиозных феноменов (Быстров, 2004, с. 6). Однако в отличие от классиков социологии область поиска сакрального не ограничивается ими изучением лишь религиозных практик или опыта малых народностей и племен, а распространяется на всё современное общество, в котором, отмечает Р. Кайуа, развитие науки, искусства, политики придаёт сакральному новые значения (Caillois, 2001). Потребность в подобном шаге актуализируется тем, что «мы никогда не постигаем до конца человеческого бытия», «а если и постигаем, то обманываемся» (Батай, 2007, с. 13). Проблема подобного «обмана» кроется в том, что социология оккупирует лишь область, которая находится в оппозиции к сакральному – сферу профанного, однако она есть лишь верхушка айсберга и не всегда дает ответы относительно причин и факторов социального поведения как такового. «Поскольку суждения, которые выносятся о человеке, всегда имеют связную и отрефлектированную форму, они являются суждениями мира мысли», а «...мысль всегда навязана моралью, которая содержится в запретах» (Батай, 2007, с. 14–15). Сдёрнуть покров профанного, преодолеть социологией свою «стыдливость» и обнаружить истоки социального и его форм – это и есть основной метод сакральной социологии. Участник Коллежа социологии Мишель Лейрис определяет сакральное с помощью вопроса: «Каковы объекты, места, обстоятельства, которые побуждают во мне эту смесь страха и преданности, это двойственное отношение, вызванное восприятием вещи одновременно как притягательной, так и опасной, как авторитетной, так и отвергаемой, этой смесью почтения, желания и ужаса?» (Лейрис, 2004, с. 75).

Метод разделения мира на сакральное и профанное, представленный сакральной социологией, привлекает особое внимание в контексте нашего исследования отчуждения, ведь сакральное несёт не только функцию солидаризации, интеграции общества (на примере религии), но и функцию отторжения, отчуждения, ненависти, исключения и отвращения. Эти противоположные социальные функции сакрального становятся возможными через приписывание различным объектам, людям и явлениям тех характеристик, которые определяют их как хоро-

шие/плохие, разрешенные/запретные, чистые/нечистые и так далее. Исходя из этих представлений, становится понятным, что, как правило, солидарность и социальная интеграция присутствуют там, где имеет место нечто «хорошее», разрешенное, чистое; а «плохое», грязное и запретное, напротив, порождает социальное отторжение, отчуждение и ненависть. «Зачастую мы говорим о мире, о человечестве так, словно им присуще какое-то единство: на самом деле, человечество образует миры, внешне соседствующие, но фактически чуждые друг другу; порою их даже разделяет невыразимая дистанция: так, мир воровского притона в некотором смысле отстоит от кармелитского монастыря дальше, чем одна звезда от другой. Но не только различные миры отталкиваются друг от друга и не признают друг друга. Эта несовместимость концентрируется и в одном-единственном существе: так, в своей семье такой-то человек – просто ангел обходительности, но приходит вечер – и он погружается в разврат» (Батай, 2007, с. 13).

Представления о плохом, низком, недостойном в противоположность хорошему, высокому, достойному как правило являются универсальными для различных обществ и глубоко укоренены в сознании и подсознании человечества. Например, английский социолог Питер Диккенс, использует дихотомию сакральное/профанное для того, чтобы очертить круг проблем, связанных с отчуждением человека от природы, от других людей, от мира, от космоса (как совокупности различных уровней реальности, одним из которых является и уровень социальный). Он показывает, как дуализм, – хорошее/плохое, представлен в мышлении (P. Dickens, 2009, с. 49) (табл. 2).

Таблица 2

**Дуалистическое разделение мира на хорошее/плохое
человеческим сознанием**

«Плохое»	«Хорошее»
Природа	Культура
Смерть	Жизнь
Женское	Мужское
Эмоциональное	Рациональное
Ручной	Умственный
Чувства	Практичность
Объект	Субъект
Примитивный	Цивилизованный
Земля	Небо

Исходя из данной таблицы, которая в общем виде дает представление о дихотомии, на которую делит мир сакральное, можно представить на какой почве зарождается отчуждение, в принципе на любом уровне социальной реальности. Отчуждение между полами, поколениями, представителями разных религиозных конфессий, работниками различных сфер труда, начальниками и подчиненными, богатыми и бедными, жителями столиц и провинции, «чёрными» и «белыми» могут быть описаны с позиций подобного дуализма. Основным фактором разделения общества является движение от природного, дикого, земного к абстрактному, сознательному, рациональному, небесному (Ж. Батай называет это движением сакрального слева направо). То, что конвенционально воспринимается как плохое, низкое, недостойное – исключается, отчуждается.

Например, типичный пример отчуждения труда, который использует марксизм, может быть проинтерпретирован с позиций теории двойственности сакрального не менее интересно. Во-первых, разделяющим фактором является характер труда: ручной труд «пролетариата» является «низшим», «худшим» по отношению к неручному, умственному труду капиталиста, собственника предприятия. Во-вторых, деньги как форма капитала, являют собой абстракцию, однако наделенную магическими свойствами, которыми в большей степени обладает капиталист, нежели рабочий. В-третьих, сам факт обмена «низшей» рабочей силы на «высшую» космическую ценность, заключенную в деньгах, ставит рабочего в подчиненное и зависимое положение. В подобном ключе рассуждает и П. Диккенс, предлагая социально-экономические объяснения того, как представлен дуализм хорошее/плохое в современном обществе (Dickens, 2009, с. 49–50).

В целом, анализируя природу сакрального и то, как оно представлено в современном социуме, Ж. Батай приходит к выводу о том, что внутри каждого общества сакральное образует ядро, вокруг которого происходит сплочение индивидов, их солидаризация. Однако данное ядро динамично, это место, где сакральное меняет свое значение с правого-хорошего на левое-плохое и наоборот. В зависимости от времени и социального контекста, один и тот же объект, личность или процесс может либо отталкивать, либо являться источником сближения людей. В качестве примера Ж. Батай приводит французскую деревню и её концен-

трированность вокруг ядра, образованного церковью. Амбивалентность сакрального (влечение/отвращение) проявляется в том, что даже в разгар праздничного веселья, например пасхи, присутствует элемент отвращения: «Мимика, которая требуется от верующего в момент совершения жертвоприношения, сводится к выражению тревоги и вины; сакральный объект, поднятый священником, требует склоненных голов, отведенных глаз, стертости индивидуального существования, которое должно быть подавлено тяжестью этого тревожного молчания» (Батай, 2004, с. 107).

Сильное влияние сакральной социологии на постмодернизм заметно в том, что за несколько десятилетий до того, как французской социологической мыслью будет сформулировано понятие «общества потребления», и представления об обществе, околдованного вещами, Ж. Батай артикулирует в своих работах проблемы превращения человека в вещь и отчуждения его от самого себя, от своей человеческой сущности. Для него подобная трансформация человека является результатом развития человеческой цивилизации, по мере разворачивания которой людьми теряется их подлинная имманентность, непрерывность. Потеря непосредственного контакта с миром превращает человека в существо дискретное, отделенное от других, в противоположность существам досознательным, пребывающих в состоянии непрерывной включенности в «общее движение» природы. Известный переводчик и комментатор творчества Ж. Батая Сергей Зенкин пишет об этом: «Принцип дискретности, первоначально возникший в обращении человека с вещами, благодаря дарственному обмену укрепляется и переносится на социальные отношения между самими людьми. В ходе своего «оперирования» вещами общественный человек и сам овеществляется, становится дискретной вещью для других людей, которые могут использовать его как орудие, объект эксплуатации» (Зенкин, 2006, с. 20). В свою очередь, тема массового общества и тотального отчуждения звучит у Ж. Батая следующим образом: «Человечество в массе своей согласилось с делом промышленности», «эта масса позволила низвести себя до состояния вещей» (Батай, 2006, с. 93). Позднее эти идеи о реификации человека, превращения людей в отчужденную массу, ориентированную на потребление и фетишизацию вещей станут лейтмотивами таких апологетов постмодернизма, как Ж. Бодрийяр и З. Бауман. В свою очередь, представители Франкфуртской школы, при формировании концепции отчужденного человека обрушат критику своих

работ на рационализацию и просвещение, как продуктах человеческого разума.

Выход из сложившейся ситуации, бегство из «железной клетки», от иррациональной рациональности, от дискретности (отчуждения) к имманентности, к причастности и бытию, возвращение человека к самому себе, Ж. Батай видит в актах трансгрессии, то есть преодолении границ и запретов в экономике, религиозной, эротической, а также в рамках других институций. В активно разрабатываемой Ж. Батаем и Р. Кайуа теории трансгрессии, в качестве примеров оной приводятся празднества, непроизводительная трата (в широком смысле как неутилитарное действие) и эротическая активность. Так, вступление в любовный акт с женщиной, оставившей социальные и моральные условности за бортом, является для Ж. Батая примером достижения непрерывности, неотчужденного состояния. Кроме того, такие социальные явления как совместный смех и слезы, тоже, по мнению французского исследователя, способны объединять людей, возвращая их в лоно чувства, наподобие океанического, где каждая волна не отделена от другой. При этом проект Ж. Батая не является утопичным – автор признает, что возвращение в неотчужденное состояние возможно лишь периодически, иначе человечеству полностью пришлось бы отказаться от присущих ему разума и сознания.

Важно отметить, что возвращение человека как бы в «дочеловеческое» состояние не является таковым в прямом смысле слова, так как акт трансгрессии через возвращение к животному, природному, в общем, всему тому, что стоит за пределами человеческого разума и сознания наполнено сакральным, божественным. Это характеризует трансгрессию, как глубоко социальный процесс, ведь в мире животных сообществ сакральное отсутствует. В этом смысле сам акт трансгрессии является сакральным действием. Это отличает концепцию Ж. Батая от некоторых представителей психоаналитической традиции, которые видели избавление человека от современных форм неврозов в высвобождении людьми своих животных (сексуальных) инстинктов, немедленного их удовлетворения.

В завершение параграфа, стоит немного коснуться еще одной интересной темы, которая проливает свет на проблему отчуждения. Последняя нашла свое место и в увлекательной теории Роже Кайуа о социологии, основанной на играх. Речь идет о социологической теории, которая рассматривает различные механизмы,

принципы и виды игр и то, каким образом они укоренены и представлены в современном обществе. «А не вытекает ли всё из игры?» – задается вопросом автор (Кайуа, 2007, с. 87). Впрочем, для верного понимания авторской идеи стоит отказаться от представлений об обществе как театре, а людях как актерах – такое представление о социуме в большей степени свойственно драматургической социологии И. Гоффмана. Для Р. Кайуа более значимыми оказываются сами принципы игры и те механизмы, посредством которых они проявляют себя в общественной жизни, в том числе экономической: «Игры дисциплинируют инстинкты, вводя их в рамки институционального существования» (Кайуа, 2007, с. 86). Учёный классифицирует игры на четыре основные группы и показывает, какие именно профессии и социальные практики жидутся на каждой из них (табл. 3).

Таблица 3

**Классификация институциональных форм игр
и их искажения (отчуждение) по Р. Кайуа**

Категория игр	Институциональные формы, интегрированные в жизнь общества	Искажение
Agon (Состязание)	Коммерческая конкуренция Экзамены и конкурсы	Насилие, воля к власти, хитрость
Alea (Удача)	Биржевая спекуляция	Суеверие, астрология и т.д.
Mimicry (Симуляция)	Униформа, этикет, церемониал, представительские профессии	Отчуждение, раздвоение личности
Piñx (Головокружение)	Профессии, занятие которыми требует преодолеть головокружение	Алкоголизм и наркотики

Отмечу, что идея симуляции получила развитие со стороны Ж. Бодрийяра в теориях симулякров и гиперреальности, а идеи, заложенные в основу представлений о головокружении, нашли своё воплощение в постмодернистском дискурсе об удовольствии и пьянящей неге комфорта, как основных модусах бытия человека в обществе потребления.

Есть в теории Р. Кайуа, безусловно, и «позитивные» аспекты, которые способствуют уменьшению отчуждения, правильнее будет сказать, – его компенсации. В свете его рассуждений такое явление, как хобби, выполняет компенсирующую функцию по отношению к труду. Так, по мнению исследователя, промышленная цивилизация породила новую разновидность игры – «хобби, не обязательное второстепенное занятие, избираемое и продолжае-

мое для удовольствия: коллекционирование, любительское занятие искусством, радости домашних поделок или изобретательства – одним словом, всевозможные виды деятельности, представляющие собой, прежде всего компенсацию уродующего воздействия, которое оказывает на личность конвейерный труд» (Кайуа, 2007, с. 69). Социолог подмечает, что у рабочих, увлеченных хобби, самоделки являются уменьшенной, но целостной копией тех продуктов, при производстве которых они участвуют частично, рутинно, совершая лишь мелкие операции. Хобби «позволяет взять реванш у реальности; и это полезный плодотворный реванш. Не удивительно, что техническая цивилизация способствует его развитию, пусть даже в качестве противовеса своим наиболее отталкивающим аспектам» (Кайуа, 2007, с. 69).

ОТЧУЖДЕНИЕ В СФЕРЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ С ПОЗИЦИЙ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Идеи теоретиков постмодернизма нашли свое воплощение и в дискурсе современной социологии организаций, в том числе с позиций отчуждения. Сегодня, социология рассматривает социальную структуру организации, её корпоративную культуру и стратегию управления с точки зрения концепции симулякров, медиатизации социального тела и оформления гиперреальности. Акцентируется внимание на контроле над тружеником со стороны управляющих посредством практик микро-власти, которые направлены, в частности, на формирование корпоративной культуры.

Так, Филип Хэнкок рассматривает стратегию управления работниками предприятий как осуществление со стороны руководства технологий управления, компонентами которых выступают выработка единых ценностей, мотивационных ориентиров, корпоративной общности, то есть того, что в сумме можно назвать корпоративной культурой или «корпоративным культурализмом» (Нансоок, 1999, с. 155). При этом формирование такой корпоративной культуры рассматривается автором как процесс, осуществляемый с применением различных медийных технологий, союзниками которых выступают современные компьютерные, информационные, телекоммуникационные и другие средства связи и обмена информацией. В свете этой интерпретации социальное тело организации видится шотландским ученым в качестве полной аналогии современных обществ вообще, находящихся в условиях постмодерна, то есть как обществ медиатизированных и пребы-

вающих в фазе гиперреальности, балом в которой правят симулякры. Последние, как явления реально существующие, но не имеющие аналогов (референтов) в актуальном мире, деморализуют человека, отчуждают его от мира реального, выступают ложным ориентиром на пути удовлетворения ложных потребностей. Нечто подобное происходит и в современных медиатизированных организациях, где пользуясь терминами К. Маркса, происходит отчуждение работника от самого себя, общества и природы. Только теперь механизмы отчуждения видоизменены и являются результатом следования работниками симулякрам, которые формируют корпоративную культуру. Отныне знаки, изображения и символы, при помощи аудиовизуальных средств коммуникации формируют систему мотивации работников предприятий и ориентируют их на единый абсолют – корпоративную культуру. Поэтому Ф. Хэнкок называет современные технологии мотивации работников предприятий «метафизикой мотивации». Отчуждение здесь проявляется в том, что работник, следуя корпоративным (метафизическим) ценностям организации, отчуждается от своих реальных потребностей в пользу предприятия.

Если Ф. Хэнкок был одним из первых, кто на рубеже миллениума применил терминологию и теоретические прозрения постмодернизма к анализу современных предприятий, то сегодня данное течение являет собой активно разрабатываемую теорию. Среди тех, кто работает в фарватере последней, такие исследователи, как Джина Гренди, Альберт Миллз, Дэвид Бодже, Карл Родес.

Так, Дж. Гренди и А. Миллз утверждают, что сама стратегия управления современными предприятиями являет собой симулякр, а как процесс представляет собой механизм инкорпорирования в сознание работников изображений и символов, свойственных корпоративной культуре предприятия (Grandy, Mills, 2004, с. 1160). При этом сама корпоративная культура тоже представляет собой искусственное, эфемерное образование – результат применения на предприятии медиатехнологий. Анализ предприятия канадские исследователи осуществляют с использованием трехуровневой концепции симулякров Ж. Бодрийяра и приходят к выводу о том, что современные предприятия также представляют собой трехуровневые модели симуляции, свойственные обществам в принципе. В итоге, вся структура предприятия включает в себя корпоративную культуру как симулякр, стратегии управления как симулякр, а также академические концепции и теории предприя-

тия как симулякр. Отчужденные работники таких предприятий опять же представляют собой объекты манипуляции, «приёмники» информации, которая циркулирует в медиатизированной корпоративной среде.

Другие исследователи современных предприятий идут еще дальше и используют научный дискурс постмодернизма для анализа функций управления и тех, кто данное управление осуществляет. Так, внимание Д. Бодже и К. Родеса направлено на современное лидерство, управление как виртуальный конструкт (virtual leader construct) – VLC. Виртуальный лидер, управленец для них тот, кто, во-первых, является идеальным воплощением архетипа лидера, а во-вторых, тот, кто не является реальным человеком, то есть человеком во плоти (Boje, Rhodes., 2005, с. 407). Подобная виртуализация управленца и его подгонка к идеальным представлениям становится возможна при тиражировании изображений лидера (например, по корпоративному телевидению или в газете предприятия). Иными словами, виртуальный лидер и управляющий – не материален, представляет собой симулякр, являет собой имитацию самого себя. В заключение своего исследования авторы делают вывод, что подобные процессы виртуализации управления и лидерства перестают быть выдумкой научной фантастики, а становятся настоящей тенденцией в медиатизированных обществах.

В современной России многие крупные промышленные предприятия имеют свой собственный пресс-центр, в распоряжении которого, как правило, имеются корпоративные газеты, радио и даже телевидение. Очевидно, что подобный процесс виртуализации управления и корпоративной культуры имеет место и на российских предприятиях, однако на сегодняшний день о подобных исследованиях, проведенных отечественными учеными данных нет. Возможно это дело будущего.

ОТЧУЖДЕНИЕ И ЕГО МЕСТО В ОБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Объектно-ориентированная социология является относительно новым направлением социальной теории и ориентирована на изучение проблемы соотношения и взаимодействия социального и материального в обществе. Иногда это направление также называют постпостмодернизмом. Основоположниками поворота к материальному в социологии являются Джон Ло, Карин Кнорр-

Цетина, Бруно Латур, Ром Харре (Вахштайн, 2006). Основная идея данного направления заключается в том, что роль и позиция вещи в социологии на протяжении всей истории этого раздела гуманитарного знания определялись исключительно с позиций социологического редукционизма, иными словами, интерпретации вещей через приписывание им социальных функций. Вещи в границах привычного социологического дискурса выступают своего рода проекцией социальных отношений, экраном, а еще вернее, интерфейсом, отображающим социальный контекст, в котором пребывает эта вещь и функцию, которую она в этом контексте выполняет. Например, дорогой автомобиль является свидетельством социального статуса его владельца, а алкоголь, в контексте религиозных практик, является вином для причастия. Иными словами, для традиционной социологии вещи не являются полноценными участниками социального взаимодействия, а являются как бы его субстратом. Именно на устранение такого рода «дискриминации» вещей и направлена объектно-ориентированная социология, а сам процесс формирования нового направления в научном социологическом дискурсе называется «поворотом к материальному» или «прагматическим поворотом» (Latour, 2009). Очевидно, что в контексте данного представления о социальном меняет свое значение и проблема отчуждения, об этом далее.

Отчуждение в традиционной социологии трактуется в контексте приписывания вещам социальных значений. Например, деньги для К. Маркса, М. Гесса и Г. Зиммеля есть эссенция овеществлённых человеческих отношений. Похожую интерпретацию имеет и феномен отчуждения от продукта своего труда как объекта, являющегося кристаллизацией труда и времени рабочего. Иными словами, с точки зрения традиционной социологии вещь, как материальный объект, символизирует собой отчужденные социальные отношения, является их аккумулятором и медиумом (передатчиком, оператором). Дискурс постмодернизма об отчуждении имеет схожую научную интерпретацию относительно отчуждающего характера вещей, хотя и зиждется на других парадигмальных основаниях. Характерной для постмодернистов является редукция вещи до состояния символа, знака, кода, когда вещь несет на себе семиологическую нагрузку и представляет собой интерфейс, экран, на котором отражаются и прочитываются социальные контексты, в которых этот материальный объект пребывает. Такое отчуждающее влияние вещей свойственно работам критиков обще-

ства потребления, гиперреальности и симуляции. В некотором роде вещи и объекты выступают в контексте данного научного направления как вклинивающиеся в социальные отношения, деформирующие и разрушающие их. Например, исследуя фотографии, Ж. Бодрийяр определяет её объект, как искажающий социальную реальность, обманывающий людей и даже насильствующий над ними посредством механизма самоускользания и саморазрушения сфотографированного объекта (Baudrillard, 2006).

Трактовка отчуждения как маркера «отношений» между вещами и людьми претерпевает значительные изменения, если рассматривать эти отношения с позиций, заданных объектно-ориентированной социологией. В качестве примера стоит привести три социологические концепции, находящиеся в поле объектного социологического дискурса: 1) акторно-сетевая теория; 2) концепция «актантов»; 3) постсоциальные отношения.

Так, акторно-сетевая теория отводит вещам и любым материальным объектам равноправную и значимую роль в пространстве потоков сетевых отношений (Ло, 2006, с. 223–244). В качестве сети, которая включает в себя различные объекты (от вещей до людей), Дж. Ло приводит морской корабль эпохи Христофора Колумба. Во-первых, корабль может быть представлен в виде сети парусов, пушек, кают и самой команды. Во-вторых, при более обобщенном рассмотрении, навигационная система с астрольбиями, таблицами, штурманами и даже звездами, по которым ориентируются моряки, тоже является сетью. В-третьих, с еще более отстраненной точки зрения вся португальская империя (порты, корабли, военные диспозиции, рынки, купцы) может быть описана в тех же категориях сети. Основной аргумент новой акторно-сетевой теории состоит в том, что «объект (например, корабль) остается объектом до тех пор, пока отношения между ним и связанными с ним объектами устойчивы и все сохраняется на своих местах» (Ло., 2006, с. 227). Отчуждение начинает проявлять себя в том случае, когда объекты, заполняющие определенные сетевые пространства, оказываются плохо совместимыми, оказываются в напряженных отношениях, появляются несоответствия. В этом случае (несовместимости), отношения между объектами сети меняются, что может привести к полному разрушению сети и объектов. Например, при изменении ветра, течения или в результате атаки пиратов корабль может прекратить свое существование, или превратиться в другой объект, например в плавучий ресторан. В

контексте моего исследования в качестве примера вместо корабля можно было бы привести современное промышленное российское предприятие, находящееся в напряженном потоке российской модернизации.

Концепция «актантов» Б. Латура имеет схожую направленность в своей трактовке материальных объектов как полноправных участников социальных процессов. Такие материальные объекты ученый именует «нечеловеками». Сетевое переплетение актантов – людей и нечеловеков и представляет собой социальную реальность (Латур, 2006). Зачастую участниками социального процесса физические объекты и механизмы становятся в результате делегирования им определенных полномочий. Пример – лежащие полицейские (участки дорог в виде выпуклых полос, препятствующие езде на больших скоростях) – результат делегирования полномочий со стороны реальных полицейских, регулирующих дорожное движение. Также дверные доводчики (механизмы, препятствующие резкому захлопыванию дверей) обретают функцию полноправных участников социальной интеракции в результате предоставления им полномочий со стороны дворецких, следящих за входом в помещение. Подобное делегирование приобретало все больший масштаб по мере развития человеческой цивилизации и технологий. В частности, автопилот в самолете, кухонный комбайн, пылесос, компьютер являются результатом передачи человеком своих функций вещам. Поэтому отчуждение в рамках этой концепции, может рассматриваться не только с точки зрения отчуждающей функции вещей, направленной на человеческие отношения и разрушающие их, но и с позиций отчуждения между людьми и «нечеловеками». Особую актуальность данный аргумент обретает в границах социологического направления, которое рассматривает стремительное развитие технологий, искусственного интеллекта и разума, робототехники. Характер взаимоотношений людей и человекоподобных роботов, степень их гуманности, в будущем, видимо, будет иметь значение для социологии.

Теория постсоциальных отношений принадлежит Карин Кнорр-Цетине, которая в целях обоснования своей концепции, поднимает вопрос о неукорененности современного человека, его социальной бездомности и отчужденности в XX–XXI веках. По мнению немецкой исследовательницы, именно объектное окружение современного человека обладает способностью вернуть

современному «я» устойчивость и обрести свое место в обществе (Кногг Cetina, 1994). Этот объектный антураж способен детерминировать идентичность индивида аналогично тому, как ранее её определяли семьи и общины. Кроме того, мир объектов и вещей имеет способность к созданию новых типов социальности. В качестве примера приводится процесс исследования объектов познания в ходе научного эксперимента биологом Барбарой Мак-Клинтон (Кнорр-Цетина, 2006, с. 290–294). Последняя, исследуя хромосомы под микроскопом выражала свое взаимодействие с ними следующим образом: «Я обнаружила, что чем больше работаю с ними [хромосомами], тем больше они вырастают в размерах. Занимаясь ими всерьез, я была не снаружи, а там, с ними. Я становилась частью системы. Я спускалась к ним туда, где все было большим. Я даже могла различить внутреннее строение хромосом – все его детали стояли перед моими глазами. Это было поразительно! Мне в самом деле казалось, что я нахожусь рядом с ними, и что они – мои друзья» (Кнорр-Цетина, 2006, С. 291).

Распространяет свою объектно-ориентированную точку зрения К. Кнорр-Цетина и на такую проблемную область научного знания, как отношения человека и природы. Так, чувственные, познавательные аспекты связей людей с объектами природы характеризуют подобный опыт отношений как новый вид социальности, а именно объект-центрированной социальности.

Таким образом, К. Кнорр-Цетина пытается снять в своих рассуждениях проблему отчуждения, которая связывается с объектами и вещами в социальной теории. Однако, на мой взгляд, пример с объектами научного познания не характеризует в полной мере отношения человека и объектов, в частности, характер отношений людей и вещей, определяемый стратегиями жизни в современном обществе потребления и симулякров.

1.6. Исследования феномена отчуждения в российской научной практике

Данный параграф посвящен воззрениям отечественных социологов, экономистов, обществоведов на феномен отчуждения, как в советском, так и в постсоветском обществе, который представляет собой в некотором смысле контрапункт по отношению к теориям и исследованиям отчуждения западных ученых, пред-

ставленных выше. Эти две традиции изучения отчуждения под разными углами проливают свет на феномен отчуждения, а также на то, каким образом автор данной монографии пришел к идее формирования концепции о такой современной форме отчуждения, как трансотчуждение.

Пожалуй, самый основательный, системный анализ феномена отчуждения применительно к отечественным реалиям осуществил Николай Лапин. По сути, он был первым, кто обратил внимание на то, что в СССР отчуждение было распространено также широко, как и за его пределами: «Десятки лет мы с завидным упорством твердили, что отчуждение человека от результатов его труда, от управления социальными процессами, от власти является сущностной характеристикой капиталистического общества. И только теперь начинаем постигать, что мы и здесь, как говорится, не без греха: в основе наличного социализма лежит тот же тип отношений, только «упакованный» в менее цивилизованную форму» (Лапин, 1990, с. 15).

Н. Лапин говорит о наличии в СССР отчуждения, которое может быть представлено в виде иерархической пирамиды, каждый уровень которой является отдельным видом отчуждения. Процессы наслаивания и взаимовлияния отдельных компонентов этой иерархии отчуждения последовательно замыкают их в тотальный комплекс – отчуждение всего общества от развития. Описание процессов советского отчуждения ученый начинает с исходного вида отчуждения – отчуждения подавляющего большинства населения от участия в управлении страной, от власти: «на первом уровне, отсекая от себя народ, действовали чиновники из «аппарата»; на втором, отфильтровывая самих чиновников, функционировала номенклатурная бюрократия» (Лапин, 1990, с. 17).

Впрочем, по мнению Н. Лапина, отчуждение народа от власти долго не просуществовало бы, не будь создан второй уровень отчуждения – отчуждение работающих за зарплату от результатов своего труда. Этому способствовали директивно устанавливаемые цены на большинство товаров – как правило, некоммерчески низкие. Таким образом, «Власть, устанавливающая такие цены, превращалась в глазах простых людей в некую сверхсилу, окруженную ореолом защитницы интересов бедных. Но в действительности... некоммерчески низкие цены служили причиной хронического дефицита, от которого больше всего выигрывали те, кто ближе стоял к источникам перераспределения материальных цен-

ностей» (Лапин, 1990, с. 17). Большая часть работающих за зарплату вынуждены были выстаивать длинные очереди в магазинах или переплачивать за предметы первой необходимости на рынках. Иными словами, «директивное отчуждение цен от стоимости товаров обернулось отчуждением от товаров большинства работающих за зарплату» (Лапин, 1990, с. 17).

Все эти процессы, по Н. Лапину, стали предпосылкой для возникновения следующего, фундаментального, по мнению исследователя вида отчуждения – отчуждения структуры производства от потребностей населения. Так уже первая пятилетка продемонстрировала отказ от традиционного баланса народного хозяйства в пользу сверхиндустриализации, означавшей максимальное развитие средств производства для решения задач военно-технической революции. В итоге промышленность была переориентирована с удовлетворения потребностей населения на режим расширенного самовоспроизводства. «Эти деформации обрели устойчивость, окончательно разведя в разные стороны производство и потребности населения» (Лапин, 1990, с. 18).

Продолжая рассматривать советские виды отчуждения, Н. Лапин выделяет, на его взгляд, самый мрачный из них – тотальную утрату гражданами личной безопасности. Он ведёт речь о тотальных репрессиях, жертвами которых стали миллионы людей – рядовые крестьяне, интеллигенты, рабочие, всего около четырех миллионов человек. В качестве источника Н. Лапин приводит данные КГБ СССР с 1930 по 1953 гг. «В итоге возникла реальная историческая сила, которая присвоила себе не только руководство обществом, но и право распоряжаться судьбами множества людей, вплоть до их физического истребления. Объективно это означало возникновение новой исторической формы социального отчуждения огромных масс народа от труда, его средств и результатов, от власти и участия в управлении, от культуры и свободы, от многообразия качеств личности и даже от самой жизни человека как высшей ценности» (Лапин, 1990, с. 19).

И, наконец, Н. Лапин переходит к описанию итогового вида отчуждения – самоотчуждению общества от развития. Стержнем всех слоев отчуждения, их истоком и латентной целью, по мнению ученого, была административно-командная система: «Созданная во времена сталинизма, она обрела необычайную силу и устойчивость благодаря тому, что сумела адаптировать к своим целям и задачам все важнейшие структуры и институты общества: партию,

государство, промышленность, сельское хозяйство, образование, духовное производство, во многом даже семью. Она сумела вывернуть наизнанку их изначальное содержание, хотя внешне они оставались как бы социалистическими» (Лапин, 1990, с. 19).

Стоит отметить, что надежды на преодоление различных видов, уровней процесса отчуждения в советском обществе возлагались исследователем на перестройку, демократизацию.

Важно отметить, что виды отчуждения, обозначенные Николаем Лапиным, используются мной в качестве основных видов отчуждения, характеризующих отчуждение советского общества и являются основными составляющими новой современной формы отчуждения, которую я называю трансотчуждением. Напомню, что понятие «трансотчуждение» характеризуется наличием признаков отчуждения свойственных старому (советскому) обществу и признаков отчуждения, характерных для обществ западных (отчуждение от духовности и от реальности в обществе потребления и гиперреальности).

Обсуждение проблемы отчуждения активизировалось в период перестройки и в преддверии глобальных трансформаций в стране на рубеже 1990-х годов. Этому способствовала открывшаяся возможность обсуждать свободно, хотя и с известной долей относительности, проблемы, дискурс которых в СССР был табуирован. Так, А. Дмитриев пишет: «Но кто же первым прервал заговор молчания – публицисты, философы, историки? До тех пор, пока в официальных документах не появилось слово «отчуждение», все мы хранили молчание. Хотя справедливости ради, скажу, что нашей редакцией готовилась статья А. Костина об отчуждении труда еще до отмены всяких запретов. Делалось это вполне сознательно, хотя и автор, и редакция понимали всю меру ответственности» (Дмитриев, 1989, с. 39). Эта статья, вводящая проблему отчуждения в открытый советский научный дискурс, появилась во втором номере журнала «Социс» за 1989 год. В этом же году была опубликована схожая статья в «Экономических исследованиях». После этого научного прецедента социологи, философы, культурологи и экономисты приступили к анализу феномена отчуждения более интенсивно. Так, в июне 1989 года журнал «Социс» созывает круглый стол по проблеме отчуждения, в котором приняли участие редакторы ведущих гуманитарных периодических изданий, научные сотрудники разных областей знания.

Данным, которые были представлены на этом круглом столе, мы посвящаем далее развернутое повествование, так как они являются важной отправной точкой открытого российского социологического дискурса отчуждения.

Среди тех, кто участвовал в дискуссии, был А. Бороноев. В центре его суждений – идея о необходимости гуманизации общества, а важнейшей задачей он видит выработку теоретических и прикладных моделей преодоления отчуждения между индивидами, социальными группами в процессе социальных преобразований. Важно, что исследователь делает акцент на видах отчуждения: «Отчуждение по-разному переживается и проявляется в различных сферах труда, в этно-национальных общностях и регионах, что предполагает дифференциацию условий и методов преодоления отчуждения» (Бороноев, 1989, с. 38).

В унисон ему А. Дмитриев предлагает рассматривать отчуждение в более широком смысле, не ограничиваясь лишь общественным трудом и производством. «Ни для кого не секрет, что отчуждение проникло во все сферы социалистического общества – в экономику, политику, культуру, поразило практически все жизненные центры и социальные институты. Оно наложило и продолжает накладывать неизгладимый отпечаток на межличностные отношения людей, повседневную реальность, хотя мы не всегда замечаем это или пытаемся это осмыслить» (Дмитриев, 1989, с. 39). Ученый рассуждает о латентности феномена отчуждения, об его способности «скрываться» за разными «масками». Например, дефицит доверия в отношениях людей, проявление повышенной агрессивности, пессимизм или апатия – есть не что иное, как индикаторы (маркеры) отчуждения. Исследователь высказывает надежду на то, что материалы его теоретических рассуждений «могут послужить какой-то методологической системой отсчета, базой широких эмпирических исследований, которые давно уже ждут своего часа» (Дмитриев, 1989, с. 39).

Весьма интересны рассуждения А. Кравченко о природе отчуждения. Он предлагает, анализируя отчуждение как социологическую категорию, искать истоки в древнейших пластах человеческой культуры, уходящей своими корнями к внутриличностным структурам. В качестве доказательства он приводит размышления Э. Фромма: «Во времена пророков Ветхого завета слово «идолопоклонение» (idolatory) употреблялось как смысловой эквивалент

отчуждению. Принципиальное различие между моно- и политеизмом заключалось именно в самом факте самоотчуждения. Создавая множество богов или идолов, человек приписывает каждому из них одно из своих человеческих качеств, но в гипостазированной форме. Идол представляет собственные жизненные силы человека в отчужденной форме, в форме вещи, которой он поклоняется» (Кравченко, 1989, с. 40). Отсылая нас к современности, А. Кравченко считает, что и при фашизме, и при сталинизме – в крайних формах тоталитарного общества – абсолютно отчужденный индивид поклоняется тем или иным идолам, будь то государство, вождь, нация, класс, коллектив.

Н. Волчков смотрит на проблему отчуждения без оптимизма. Согласно ему, отчуждение присуще любому обществу, всем его сферам и неискоренимо до конца. Кроме того, что учёный придерживается мнения, что в нашей науке долгое время господствовало мнение о том, что при социализме труд обобществлен в масштабах общества. «При этом ссылались на утверждение К. Маркса, будто при капитализме производство уже имеет общественный характер. Из этого делается вывод: достаточно заменить частную собственность на общественную, как новый социальный строй возникнет сам собой. Реализация этого тезиса привела не к соединению труда с собственностью, а наоборот, трудящиеся все более отчуждались от нее. В результате она превратилась не в собственность трудящихся, а в собственность партийно-государственного аппарата» (Волчков, 1989, с. 40).

Важный аспект отчуждения рассмотрела и О. Крокинская. Её анализ касается проблемы инаковости, субъекта и Другого и, как следствие, социального развития, рождающегося в процессе их взаимодействия. «Познать что-то и взаимодействовать с чем-то можно, только полагая это нечто в отчужденной от субъекта, т.е. объективированной форме. В таком понимании история является историей отчуждения человека от его природного существования. Стало быть, сам по себе этот процесс необходим и до определенных пределов нормален» (Крокинская, 1989, с. 41). Однако, как это часто бывает, плюсы часто преобразуются в минусы. Так, свойственная человеку любой профессии картина мира оказывается чрезвычайно суженой, формирует одномерное мировоззрение профессиональных групп людей, обуславливает маргинальность их сознания и социальной позиции, разрывы в ценностных структурах. Обращает внимание исследовательница на отчуждение от профес-

сии: растёт доля людей, высказывающих неприязнь к своему делу и своей профессии. В итоге возникают искажения в структуре профессий, превратное понимание целей и содержания труда.

Чрезвычайно интересным представляется теоретизирование о феномене отчуждения Н. Яковлева. Он предлагает рассматривать пару таких понятий, как «отчуждение в условиях казарменного социализма» и «отчуждение при рыночном социализме», как континуум переходных и смешанных форм отчуждения, которые ранжируются по степени нарастания того или иного признака, например, «казарменности» или «товарности» (Яковлев, 1989, с. 42). Эти идеи напоминают идеи Ги Дебора об интегральном государственном спектакле, который совмещает в себе репрессивные меры и практики потребления, а также тезис Жюлья Делёза о том, что со временем дисциплинарные социумы будут трансформироваться в общества контроля.

Продолжая тему сверхцентрализованного жесткого руководства, в частности предприятиями и организациями, Е. Грегова полагает, что оно тем самым породило гигантское отчуждение работника в производстве. Составным элементом данного механизма выступает система государственного принуждения к труду: уголовные наказания за прогулы, опоздания и т. д. Стали явными такие негативные явления как пьянство, наркомания, коррупция. «Безусловным стал приоритет общенародного (а на деле псевдонародного) присвоения. Государство рассматривалось как единственный субъект общественной собственности, а роль трудовых коллективов сводилась по существу к исполнителям воли центра. Поскольку ни коллектив, ни отдельный работник не реализуют себя как собственники, стало быть, общенародный интерес превращается в пустую абстракцию, либо лозунг. Непосредственный производитель, отчужденный от общенародного достояния, лишен реального права распоряжаться и управлять той частью этого достояния, которая юридически закрепляется за предприятием. Он объективно по-прежнему остается «винтиком», по своей социально-экономической роли является поденщиком, временщиком на «собственном» предприятии. Не случайно социологи отмечают рост социальной апатии и безразличия» (Грегова, 1989 с. 42).

Е. Мельн связывает отчуждение, прежде всего, с существованием уравнительной политики в оплате труда. Ученый указывает на следующий важный парадокс массового сознания: хотя большинство респондентов не согласны с уравниловкой и считают, что

вознаграждение, которое не зависит от конечных результатов, не только аморально, но и несправедливо, одновременно с этим руководствуются принципом уравнивания заработной платы на деле. «Подобное раздвоение сознания носит массовый характер и, по всей видимости, служит одним из механизмов сохранения и воспроизводства отчуждения труда в нынешних условиях» (Мельн, 1989, с. 43).

Помимо экономических аспектов отчуждения, отечественным исследователям было свойственно видеть и другие его проявления, в частности правовые: 1) господство в обществе такой концепции законодательства, когда оно включает не только законы, но и правовые акты, в результате закон изменяется либо извращается любым правовым актом; 2) законодательство противостоит человеку как чуждая ему сила; 3) недоступность важнейшей части юридической информации, как для граждан, так и для профессионалов; 4) закрытость, недоступность для рядовых граждан юридических учреждений в том смысле, что они не в состоянии получить качественные услуги при защите своих прав и свобод. Учёный приводит данные исследований, проведенных НИИКСИ ЛГУ в 1981 – 1988 годах, которые показали, что в сознание людей крепко въелось недоверие к юридическим органам, граждане избегают обращаться к ним за помощью при нарушении своих прав. В поведении заметно безразличие к нарушениям законов, низкая оценка собственных усилий по использованию и защите своих законных прав. Сравнивая эти данные с реалиями сегодняшнего дня, можно сделать вывод, что тенденция отчуждения граждан России от юридических и правоохранительных органов сохранилась: количество людей высказывающих недоверие по отношению к милиции, сотрудникам прокуратуры и суду с каждым годом растет (с 35% в 1994 году до 50% в 2003 и 2004 годах) (Левада-Центр, 1994–2004). «Противоречивость законодательства, его недоступность широким слоям указывают на то, что права и свободы людей из сферы непосредственного человеческого общения отчуждены в область законотворчества. Последнее начинает противостоять человеку как нечто чуждое и враждебное» (Гревцов, 1989, с. 43).

В фокусе научного внимания учёных находилась и проблема измерения отчуждения, в постиндустриальном, информационном обществе. «В современном индустриальном обществе все более значительную роль – как элемент универсального социального

опосредования – начинает играть информация. (Коммуникационные средства и прежде всего язык.) Сегодня можно говорить об «информационном фетишизме» с характерными для него видами отчуждения. По-своему они не менее опасны для человечества, вспомним хотя бы возможности компьютерного контроля за гражданами, фрагментаризацию повседневного сознания в информационном обществе» (Малинкин, 1989, с. 45).

Е. Агеева в свое время посвятила изучению феномена отчуждения достаточно объемную эмпирическую работу, в основе которой лежит контент анализ 2 тыс. решений представителей власти и 20 тыс. их директивных предписаний. Так как исследование проводилось в 1980-е г.г., то его источником были данные исполкомов. Е. Агеева сфокусировала свое внимание на проблеме отчуждения личности от управления. Контент-анализ показал, что политико-управленческая система развивается по линии вертикальной самодостаточности: «Система управления сама себе определяет цели, сама же организует их достижение, сама осуществляет контроль за исполнением, наконец, сама же оценивает качество работы» (Агеева, 1989, с. 45). Из исследования стало известно, что только в 8,1% случаев управленческие решения были отменены под давлением граждан. Это данные 1988 года. Очевидно, что сегодня, по прошествии лет, ситуация остается аналогичной, учитывая, прежде всего, степень коррумпированности госсектора. Такая «вертикаль» имеет отношение к разным уровням социальной реальности: это отношения между гражданами и органами власти; отношения на производстве, где каждое решение руководства в большинстве случаев безоговорочно спускается сверху вниз. Выход из ситуации Е. Агеева видит в «необходимости развернуть административную систему лицом к человеку, направить выполнение профессиональных обязанностей руководителей не по вертикали, как сейчас, а по горизонтали, т. е. в административно-договорную сферу» (Агеева, 1989, с. 45). В целом это позиция во многом согласуется с магистральной точкой зрения отечественных ученых о необходимости гуманизации отношений на уровнях руководитель/подчиненные и граждане/власть.

Целью других исследований отчуждения было выявление некоторых характерных для советского общества проявлений отчуждения в сфере труда. В. Семеновым и его коллегами были опрошены 2,5 тыс. ленинградцев. Для 13% из них «настоящая» жизнь начиналась только после работы. Часть опрошенных не ви-

дела в своей работе ничего интересного. Для них она выступала лишь средством добывания хлеба насущного. Интегральный маркер отчужденности – неудовлетворенность жизнью в целом. Такие настроения были характерны для 26,5% жителей крупного индустриального центра. Но еще опаснее выглядит самоустранение людей от устройства собственной судьбы (чувство бессилия, обреченности): 5,5% респондентов считают, что их личные успехи зависят от внешних обстоятельств, а от них самих мало что зависит. «Другой аспект отчуждения – проблема одиночества и усталость от массовых контактов, «выгорание» чувств и эмоций. Работники торговли и сферы обслуживания, психотерапевты в один голос заявляют, что у них не хватает сил на собственную семью. По данным исследования, для 8,5% ленинградцев серьезно стоит проблема одиночества» (Семенов, 1989, с. 46).

Тему отчуждения молодёжи затронул А. Лисовский. Первый аспект проблемы имеет отношение к «приватизации» ценностных ориентаций. Молодежь, не получая возможности для самореализации, склонна уходить в частную жизнь. Второй заключается в отчуждении от социальных институтов, в невозможности участвовать в деятельности городского управления. Третий аспект – это отчуждение субъектом права другого на самобытность: здесь, видимо, идёт речь об ограничении возможности субъекта самому выбирать свой стиль жизни, образование, политическую, сексуальную и другие идентичности. Отчуждающую и карательную активность одних членов общества против других А. Лисовский подтверждает следующим примером: «Недавно мы изучили мнение населения о ленинградских последователях «люберов». «Отряд активных действий» (ОАД), как он сам себя именуется, патрулирует улицы и борется с другими молодежными субкультурными группировками «методами убеждения, а если не удастся убедить – при помощи кулаков». Настораживает тот факт, что 16,2% респондентов полностью одобрили действия ОАД по отношению к «хиппи», «панкам», рок-фанатам», 62,5% – только цели, отвергая выбор средств. Лишь 21,2% не одобряют идею борьбы одной молодежной группировки против другой. Сама по себе готовность поддерживать силовые методы является социально опасным прецедентом» (Лисовский, 1989, с. 46–47).

Социологическими показателями отчуждения молодёжи могут служить равнодушие и безразличие к окружающим и социуму в целом, социальный негативизм, проявляющийся у студентов в

крупных городах, наконец, одиночество, неустроенность и потерянности при вступлении во «взрослый» мир. Отсутствие взаимопонимания между поколениями выражается в противопоставлении «мы» (наше поколение) и «они» (старшее поколение). Исследователи отмечают, что в последние годы межпоколенческое отчуждение приобрело также политическую окраску: «Мы вас не принимаем, потому что вы все виноваты в застое, а ваши родители – в сталинщине. Из-за вас нам приходится всё начинать сначала» (Синкевич, 1989, с. 47–48).

Отмена табу на исследования отчуждения при социализме в конце 80-х незамедлительно получила отклик и со стороны молодых ученых. Необходимость в трансформациях косной бюрократической системы была осознана штатом молодых исследователей Института Экономики Академии Наук СССР в терминах отчуждения. Надежды молодого тогда поколения социологов и экономистов были связаны с раскрепощением человека через личную инициативу и ответственность, модернизацией властно-хозяйственных отношений, самоуправлением трудовых коллективов, упразднением такого феномена как псевдоколлективизм. Квинтэссенцией идей молодых ученых относительно отчуждения в СССР и перспектив общественного развития является сборник работ Совета молодых ученых ИЭАН СССР вышедшего в 1989 году под названием «Отчуждение труда при социализме и пути его преодоления» (1989). Среди авторов сборника стоит выделить работы Л. Лыковой, М. Федоровой, А. Бугалиной, В. Радаева, И. Стародубской, В. Громовского.

После 2000 года наблюдается очередной виток интереса к проблематике отчуждения в отечественной науке, наблюдается буквально лавинообразное издание диссертаций по данной тематике. С моей точки зрения, подобный ренессанс связан с осознанием научной общественностью не просто реальности формирования в России информационного общества, включением последней в глобальное сообщество и связанных с этими явлениями проблем. Этот ренессанс идей связан с фундаментальной проблемой соотношения «ситуации человека» и социальных условий, взаимодействия личности и социальных институций экономики, труда, политики. Отчуждение, как лакмусовая бумажка, в очередной раз демонстрирует нам тот спектр трудностей, который естественным образом является спутником транзиции, мутации социальной реальности.

Среди исследований феномена отчуждения в 2000 годах стоит выделить работу С. Шайхитдиновой «Информационное общество и «ситуация человека»: Эволюция феномена отчуждения». В этой монографии исследовательница рассматривает проблему отчуждения и самоотчуждения человека в эпоху коммуникаций. Исходя из того, что мир сегодня представляет собой мир «кнопочной культуры», а человек является «человеком кликающим», исследовательница заявляет о необходимости эмансипации «медиа-тизированного» сознания от тотальности социальной системы, усиленной всепроникающими технологиями, выдвигает в разряд актуальных проблему индивидуального самоизменения. Решение этой проблемы, по мысли автора, необходимо найти в идее медиа-этики, которая призвана стать основой морали информационного будущего (Шайхитдинова, 2004).

Обращает на себя внимание работа, посвящённая отчуждению деятельности. В. Марков представляет отчуждение деятельности как «аналог процессов с негативной обратной связью, играющих существенную роль в механизмах саморегулирования систем. Таким образом, отчуждение, обычно рассматриваемое как трагедия человека в реализации его планов и замыслов, выявило свой позитивный метафизический смысл с точки зрения сохранения социальных и природных систем, поддержания гармонии бытия. Мир неотчужденного воплощения всех человеческих проектов оказался бы кошмарной антиутопией по сравнению с реальным миром, где отчуждение является извечной тенью человеческой активности» (Марков, 2002, с. 3). Несомненной заслугой данной работы, на наш взгляд, является её способность показать амбивалентность отчуждения, то есть не только его негативность, но и положительные стороны этого процесса.

Получила своё развитие в дискурсе отчуждения и проблема лидерства и руководства. Так, Д. Зиновьева рассматривает прикладной аспект проблемы отчуждения в контексте властных отношений и психологических особенностей государственных служащих. Обследовав более полутора тысяч государственных служащих, ученый пришла к выводу о том, что эта группа работников является отчужденной социальной группой. Обобщая выводы исследования она пишет: «Наряду с формальным, внешним благополучием диагностируется реальное профессиональное и психологическое неблагополучие и отчуждение, проявляемое в глубинных внутренних конфликтах, эмоциональном выгорании, чувстве

страха и бессилия, в нарушении самоидентичности, в неумении самостоятельно выстраивать стратегию своей жизни» (Зиновьева, 2005, с. 148).

Кроме того, ценными с точки зрения освещения традиции исследования отчуждения в России являются следующие работы, опубликованные сравнительно недавно. Как правило, все они выполнены с применением междисциплинарного подхода, что соответствует духу времени и современной методологии общественных наук. Так, О. Клюенков прокладывает тропинку в направлении исследований отчуждения с позиций феноменологических традиций, в противовес устоявшемуся представлению об отчуждении как расхождении деятельности человека и ее результатов (Клюенков, 2007). Кемеровский ученый А. Харламов концентрирует свое внимание на проблеме социального взаимодействия в контексте информационного взаимодействия. Автор постулирует, что с приобретением культурой своих виртуальных форм, отчуждение характеризуется понятием «цифрового раскола», как ситуации разделённости социального целого на отдельные группы (Харламов, 2007). Подобные идеи об отчуждении человека в условиях информатизации общества высказывает и исследовательница Ю. Ляшенко. Ей принадлежит утверждение о наличии отчуждения в сфере труда через его опосредование новыми телекоммуникационными технологиями, ведущее к эмоционально-духовному опустошению работника. Также, согласно ей, имеет место отчуждение от других людей, которое обусловлено особенностями обезличенной трудовой кооперации в условиях информатизации (Ляшенко, 2007). Новосибирской исследовательницей Н. Денисенко разработана концепция конфликта как средства преодоления отчуждения в деятельности. Согласно автору, теории отчуждения и конфликта не должны рассматриваться отдельно друг от друга, так как преодоление отчуждения является борьбой, как правило, борьбой индивидов за обладание тем, от чего они отчуждены (свобода, власть, ресурсы и так далее). Весьма интересно, что связывая в своей концепции воедино теорию конфликта и отчуждения, Н. Денисенко выделяет структуру процесса отчуждения. По её мнению, структура отчуждения проявляется на двух из трех стадий конфликта (помимо латентной): в виде аномии на стадии социальной напряженности и в виде агрессии на стадии открытого противоборства сторон (Денисенко, 2004).

Вновь появляются работы, посвященные отчуждению труда. Его преодоление видится через развитие «правильной» мотивации работников и формирования общей культуры предприятия (Попова, 2009). По-прежнему проблемы отчуждения труда традиционно рассматриваются через призму трансформации отношений между трудом и капиталом в современной экономике (Трапезников, 2004).

Примечательно, что в последнее время наблюдается выход отечественных работ, посвященных отчуждению в сфере образования. Если в западной социологии проблема отчуждения образования существует с середины XX века, то отечественные ученые активно взялись за нее относительно недавно. Так, в частности, поднимаются проблемы духовного обеднения студентов через изменение их ценностных ориентаций в сторону индивидуализма и материальных ценностей, вырабатываются способы педагогической коррекции данных «отклонений» (Малиева, 2003). Исследуются вопросы отчуждения от учебного процесса в целом (Федоренко, 2000). Изучает теперь отечественная наука и отчуждение личности в сфере высшего образования, которое проявляется в невозможности творческого самовыражения учащегося, в превращении последнего в пассивный объект процесса, в который он вовлечен, но над которым не властен (Афанасьев, 2005). Предпринимаются попытки выработки сценариев по уменьшению межпоколенного отчуждения в образовательном пространстве (Кружилина, 2002). Поднимаются проблемы педагогической компетентности и ее влияния на отчуждение в образовательном процессе (Подбуккая, 2001). Наиболее интересным нам видится исследование А. Сидоркина, посвященное проблеме отчуждения в образовании, и выполненное с применением концепции выдающегося русского учёного Михаила Бахтина. Проблема отчуждения, в частности в образовании, приобретает новое звучание благодаря тому, что к ней становится возможным применение такого понятия, как «участное мышление». Последнее предполагает событийность субъекта окружающей его реальности, связанности мышления и действия. С этих позиций А. Сидоркин смотрит на российское образование по-новому (Sidorkin, 2004, с. 251–261). Проблема интерактивного отчуждения в контексте взаимодействия преподавателя и учащегося в ходе образовательного процесса занимает значительное место в трудах новосибирского социолога и психолога Евгения Владимировича Руденского (Руденский, 2002; 2006).

Таким образом, из приведенного выше обзора трудов отечественных исследователей отчуждения видно, что советско-российская традиция изучения данного феномена имеет совсем недолгую историю, однако располагает определенным заделом, потенциалом и далеко идущими планами по поводу реализации исследовательского проекта отчуждения. По моему мнению, отечественная традиция (особенно современная) изучения отчуждения весьма гармонично встроена в общемировой контекст исследований отчуждения и основывается на тех же «китах», что и мировая научная традиция, а именно на положениях структурализма, функционализма и постмодернизма. Подтверждением этому выступают вышеописанные концепции современных российских авторов, которые зиждутся на представлениях марксизма об отчужденном труде, а также рассматривают бюрократическое, политическое, социальное отчуждение с позиций противопоставления человека и структуры. Социологические взгляды на природу отчуждения в эпоху постсовременности задействованы в проектах исследования отчуждения с позиций формирования «кликающей» цивилизации и формирования этики и морали нового «кликающего» (виртуального) человека.

Вышеизложенные подходы к отчуждению можно условно разделить на два, а возможно и более лагерей точек зрения (отчуждение при социализме, отчуждение в постсоциалистической России и т.д.), которые в некотором роде являются если не взаимоисключаемыми, то взаимоигнорируемыми. Иными словами, современные отечественные труды об отчуждении не поднимают вопросов и проблем относительно того, насколько были изменены или упразднены предыдущие виды отчуждения и какие имеются взаимосвязи между старыми и новыми проявлениями отчуждения в современном российском обществе. В данной монографии предлагается иной взгляд на проблему отчуждения, который рассматривает феномен отчуждения в его динамике, а именно – как процесс преобразования формы отчуждения, через консервацию старых и возникновения новых видов отчуждения. Такую форму сосуществования в российском обществе прежних «советских» и новых «западных» видов отчуждения я называю трансотчуждением. Ниже приведена результирующая таблица, в которой в виде кратких эссенций содержатся представленные в первой главе трактовки отчуждения с позиций разных направлений, школ и парадигм в социологии и в общественных науках в целом (табл. 4).

Схема научных традиций и подходов изучения отчуждения

Научная традиция изучения феномена «отчуждение»	Трактовки отчуждения
1. Античная и древнеиндийская философия, древние тексты	<p>Земное существование в принципе как отчужденное состояние человека в отрыве от божественного, идеального мира. Преодоление отчуждения в философских и религиозных практиках (Платон)</p> <p>Падение Адама как изначальное отчуждение (Библия)</p> <p>Проявленное, физическое существование человека и материи как результат самоотчуждения, инобытия Абсолюта, Неделимого, Духа (Атмана). Самадхи – состояние единения, достижения Недвойственного при помощи духовно-физических практик (йоги и т.п.) (Веды, упанишады)</p>
2. Немецкая, французская и английская философия в домарксистский период	<p>Отчуждение есть овеществление, опредмечивание, объективация самоотчужденного от себя духа. Отчуждение – инобытие абсолютной идеи (Ф. Гегель)</p> <p>Конвенциональная теория государства – государство как продукт совместно отчуждаемых людьми своих прав и свобод в обмен на безопасность. В итоге государство становится самостоятельной силой, способной навязывать людям свою волю (Т. Гоббс)</p> <p>Социальные институты (государство, мораль, искусство, религия), являясь посредниками между людьми, отчуждаются от них, обретают самостоятельность и господствуют над своими создателями (Ж.-Ж. Руссо)</p> <p>Отчуждение как выход из под контроля людей их собственной деятельности, враждебность им её результатов. Преследование людьми своих личных интересов часто обращается им во вред (К. Гельвеций)</p> <p>Внешний, сотворенный человеком мир есть результат его отчуждающего и творческого духа (И. Кант)</p> <p>Отчуждение как отчуждение самосознания, процесс в котором человеческое «я» создает внешний предметный мир «не-я». Посредством культуры человек способен осознать внешний мир не как чуждую силу, а как собственное творение (И. Фихте)</p> <p>Религия – результат отчуждения людьми своих сил, реальной предметно-чувственной сущности. Собственные потенции человека воспринимаются им как сверхъестественные, божественные, господствующие. В основе такого отчуждения лежит страх (Л. Фейербах)</p> <p>Деньги – продукт взаимно отчужденных людей, человеческих отношений (М. Гесс)</p>

3. Марксизм и классическая социология	<p>Отчуждение является результатом антагонистических человеческих отношений при капитализме и проявляется в четырех основных формах: отчуждение от процесса производства; отчуждение от продукта труда; отчуждение от родовой сущности, от других; самоотчуждение. Отчужденный рабочий исключен из действительности. Жизнь человека лишена человеческого содержания (К. Маркс, Ф. Энгельс)</p> <p>Индустриализация, урбанизация и разделение труда как условия отчуждения. Отчуждение как аномия (Э. Дюркгейм)</p> <p>Разделение труда как источник дезинтеграции, которой может противостоять основанное на традиции моральное чувство (О. Конт)</p> <p>Отчуждение есть результат дегуманизирующего влияния процессов бюрократизации и рационализации. Общество как «железная клетка» для индивида (М. Вебер)</p> <p>Отчуждение как результат декаданса общины и торжества сложных обществ. Общинная жизнь, основанная на родстве, соседстве, дружбе, понятии достоинства, трансформируется в капиталистических обществах в жизнь, которая жидется на понятиях стоимости, капитала рабочей силы и расчета (Ф. Тённис)</p> <p>Феномен отчуждения культуры как результат торжества денежных отношений в обществе. Одиночество и духовная отдаленность характеризуют отчужденный характер жизни в больших метрополиях (Г. Зиммель)</p>
4. Франкфуртская социологическая школа	<p>Технический прогресс как результат просвещения, рационализации и развития человеческого разума является причиной отчуждения современного человека. Культуриндустрия (кино, радио, телевидение) формирует унифицированные и искусственные потребности, человек является обезличенным функционером. Человеческие отношения – отношения господства и подчинения (Т. Адорно, М. Хоркхаймер)</p> <p>Состояние искусства, в особенности музыки как маркер и фактор отчуждения в современном обществе. Музыка как ретранслятор рациональности и системы контроля. Освобождение – в новой музыке, деструктурирующей устоявшиеся типы мышления (Т. Адорно)</p> <p>Отчужденный человек – человек с одномерной структурой влечений. Одномерный человек есть продукт репрессивного социума. Отсутствие социально-критического отношения к действительности делает человека покорным служителем системы, которая манипулирует человеком через экстаз и наслаждение в ходе удовлетворения ложных потребностей (Г. Маркузе)</p> <p>Отчуждение – результат превращения человека в вещь, товар, бездушный механизм достижения цели. Торжество рыночного, анального типа характера среди людей современной эпохи. «Быть» и «иметь»: разные модусы бытия в мире, отчуждение связывается с ориентацией на обладание (Э. Фромм)</p> <p>Тоталитаризм как форма современного политического рабства и условие отчуждения. Атомизация общества вследствие страха при тоталитаризме. Экспроприация частной собственности и лишение человека приватности, чувства безопасности (Х. Арендт)</p>

<p>5.Современные исследования отчуждения, в том числе в сфере производственных отношений</p>	<p>5 измерений (dimensions) отчуждения: бессилие, бессмысленность, изоляция, безнормность, самоотчуждение – основной подход, применяемый современной социологией для изучения отчуждения (М. Симен)</p> <p>Отчуждение как дисфункция в контексте социальных отношений (Р. Щачт)</p> <p>Отчуждение как аномия. Индивиды, отрицающие цели и средства достижения определенных культурных ценностей, находятся в обществе, но не принадлежат ему (Р. Мертон)</p> <p>Самоактуализация как противоположность отчуждению (Р. Ходсон, Т. Салливан, Б. Бекстер)</p> <p>Степень удовлетворенности трудом как индикатор отчуждения. Удовлетворение трудом зависит от характеристик социальной структуры организации, характера выполнения рабочих заданий, а также от потребностей и ценностей труженика (Ф. Гамст)</p> <p>Двухфакторная теория мотивации и удовлетворения трудом. Взаимосвязь гигиенических (повышение з/п, обеспечение жильем, улучшение санитарно-гигиенических условий труда) и мотивирующих факторов (автономность работника, признание заслуг, продвижение по службе) на предприятии определяет степень отчуждения (Ф. Герцберг)</p> <p>Иерархическое и бюрократическое устройство организации – делает тщетными попытки работников к самореализации, их переориентацию с пассивности на активность, от зависимости к независимости, от отчуждения и изоляции к интеграции. Организация предлагает подчинение, контроль, обязанности, конфликт, в то время как работники стремятся саморазвитию, независимости, автономности, участию в принятии решений (К. Арджирис)</p> <p>Влияние развития технологий на степень отчуждения работников промышленных предприятий. Влияние неравнозначно для разных отраслей производств, наиболее уязвимыми для отчуждения отраслями являются те, где превалирует массовый и конвейерный тип производства (Р. Блаунер)</p> <p>Технологические инновации как фактор, который способен вернуть работникам утраченную власть над машинами и механизмами (А. Турен)</p> <p>Автоматизация производства и внедрение технологических инноваций как предпосылка деградации одних видов труда, в частности ручного, требующего мастерства (пекари, кондитеры, ювелиры) и увеличения возможностей работников других областей производства (инженеры) (Р. Сеннет)</p> <p>Постбюрократическая система социальных отношений на предприятии как инновация на социетальном уровне предприятия и предпосылка к уменьшению отчуждения (С. Валлас)</p> <p>Непрерывная модернизация предприятия (job redesign), выражающаяся в изменении социальной структуры, повышении образования и степени участия работников рассматривается как необходимое условие успешной адаптации предприятий на конкурентном экономическом рынке (Р. Аппельбаум)</p> <p>Степень централизованности системы принятия решений на предприятии и формализованности в соблюдении правил труда, норм и поведения как факторы отчуждения (К. Моттаз)</p>
--	--

6. Отечественные исследования отчуждения	<p>Уровни отчуждения советского общества: отчуждение от управления; от власти; отчуждение от результатов труда, от товаров; отчуждение от собственности (в частности крестьян от земли); отчуждение производства от потребностей населения; отчуждение от безопасности; отчуждение от развития (Н. Лапин)</p> <p>Демократизация общества в целом, гуманистические преобразования всей системы общественных отношений и социальных институтов (в том числе политики, культуры, экономики) как пути преодоления отчуждения (А. Бороноев, А. Дмитриев, Е. Грегора, Е. Агеева)</p> <p>Отчуждение людей от правовой информации и справедливого законодательства- и судопроизводства (Ю. Гревцов)</p> <p>Проблемы отчуждения, связанные с формированием постиндустриального, информационного, «кликающего» общества (А. Малинкин, С. Шайхитдинова, А. Харламов)</p> <p>Неудовлетворенность жизнью, выгорание чувств и эмоций, насилие, агрессия – маркеры отчуждения (В. Семёнов)</p> <p>Проблемы отчуждения молодёжи в ракурсе проблемы культурного отчуждения от общества, его неприятие (А. Лисовский, З. Синкевич)</p> <p>Конфликт как поэтапное развитие процесса отчуждения (Н. Денисенко)</p> <p>Отчуждение в сфере образования. Невозможность творческого самовыражения учащихся, превращение последних в пассивный объект образовательного и педагогического процесса. Отчуждение как характеристика межпоколенных противоречий в образовательном пространстве (Е. Федоренко, П. Афанасьев, Т. Кружилина, А. Сидоркин)</p> <p>Трансотчуждение как современная форма отчуждения в российском обществе, являющаяся результатом смешения западных и советских видов отчуждения (В. Комбаров)</p>
7. Феноменология и интеракционизм	<p>Достижение взаимопонимания посредством дискурса, коммуникации, основанных на общем моральном чувстве. Проблема отчуждения решается за счет признания другого, «чужого». Признание чужого становится возможным в том случае, когда в основе социального действия лежит стремление к взаимопониманию. Особое внимание уделяется речи и жизненному миру (Ю. Хабермас)</p> <p>Мир взаимодействия субъектов (социум) – есть мир интерсубъективный. Таким образом, существование «другого», иного чем «я сам», становится возможным с признанием существования другого не просто как психофизического объекта, но и как трансцендентального субъекта. Так как социум интерсубъективен, он есть результат взаимодействия монад (субъектов, людей), которые вступают во взаимодействие посредством слов. В центре жизненного мира каждой монады (человека) находится его трансцендентальное его, все остальные субъекты располагаются на периферии, поэтому понимание и признание других, чуждых (людей, культуры) становится возможным в процессе «вчувствования» (Э. Гуссерль)</p>

	<p>Обоюдность в восприятии перспективы (схожесть в интерпретации действительности) людьми является залогом успешного социального взаимодействия, понимания действий и речи друг друга (А. Шюц)</p> <p>Социальное взаимодействие возможно посредством различных схем типизации. Чем более отстранён и анонимен другой, тем жестче типизации (бюрократ, иммигрант и т.д.) (П. Бергер, Т. Лукман)</p> <p>Отчуждение как результат (как верного, так и неверного) процесса истолкования речи и жестов в ходе социальной интеракции. Когда люди разговаривают, они редко говорят всё. Речь, как «лингвистический документ», всегда указывает на смысл, событие, даже если они не вербализированы (Г. Гарфинкель)</p> <p>Отчуждение как результат выхода за границы фрейма, то есть за рамки допустимого, возможного, образуемого символическим (А. Сикурель, И. Гоффман)</p> <p>Дистанцирование – результат разыгрывания различных ролей в обществе, в некотором роде форма самоотчуждения (Дж. Мид)</p> <p>Отчуждение определяется социальной игрой, ходом социальной драматургии в которой человек не более чем маска, персонификация роли. Стигма и процесс стигматизации как процесс отчуждения, неприятия и исключения из общества (И. Гоффман)</p>
8. Постмодернизм	<p>Общество потребления как новая фаза капитализма формирует новые виды отчуждения. Потребление рассматривается как новая «повинность», долг – так как труд. Смерть социального. Социальное переходит в чистую коммуникацию.</p> <p>Превращение общества в импловивную массу. На смену реальности приходит гиперреальность, в основе которой лежит процесс симуляции и выработки симулякров (кодов, символов, не имеющих референций в реальности). Трансполитика, трансэстетика, транссексуальность, трансэкономика (Ж. Бодрийяр)</p> <p>Отчуждение в обществе спектакля. То, что раньше переживалось непосредственно, теперь отчуждается в представление. Власть, политика, знание являются собой лицедейство и отчуждены из реальности; этому способствует медиатизация общества и распространение диктата СМИ (Ги Дебор)</p> <p>Подмена реального мира миром кажущимся (созданным современными технологиями), который формирует определенный тип сознания человека. Современное общество – жертва науки и техники. Современное общество – мега-машина, а люди в нем марионетки, деформированные в погоне за технологическим прогрессом. Ради материальных благ, приносимых наукой и техникой, люди жертвуют свободой и духовными ценностями. Отчуждение заключается в частности в том, что «демон» техники, выпущенный человеком на свободу, уже не поддается контролю а, напротив дегуманизирует и подавляет человека (Ж. Эллюль, Д. Келлнер)</p>

	<p>Отчуждени,е как разрастающееся зияние, разрыв в контексте отношений субъекта с Другим, между обозначаемым и обозначающим (Жак Лакан)</p> <p>Корпоративная культура предприятий как гиперреальность и продукт медиатехнологий. Работники отчуждены от своих личных целей и потребностей в пользу ценностей корпоративной культуры, которые формируются компьютерными и телекоммуникационными технологиями. Анализ мотивации как анализ метафизики мотивации (Ф. Хэнкок)</p> <p>Управление предприятием – симулякр, а как процесс представляет собой инкорпорирование в сознание работников изображений и символов, формирующих корпоративную культуру предприятия. Руководитель предприятия, лидер в контексте увеличивающейся медиатизации предприятий (увеличение роли видео-, аудио-, компьютерных и телекоммуникационных технологий) становится виртуальным (не материальным), являет собой видеоизображение, аудио репрезентацию, фотографии и картинки в прессе. Работники отчуждены от реального общения с руководством (Дж. Гренди, А. Миллз)</p> <p>Отчуждение, как общая социальная характеристика человека в жидком и индивидуализированном обществе, в котором жидкими также являются сама жизнь, любовь и страх (З. Бауман)</p> <p>Отчуждение, как непереносимое условие существования человека; как результат развития разума и сознания, обрекающих человека на дискретное, частичное (в противоположность имманентному состоянию) бытие. Один из путей преодоления дискретности – трансгрессия и непроизводительная деятельность (Ж. Батай)</p> <p>Отчуждение есть искажение интегрированных в общество принципов игры, головокружения (ilinx) и симуляции (mimicry) (Р. Кайуа)</p>
9. Объектно-ориентированная социология	<p>Проблема отчуждения, как характеристика технически развитых обществ, снимается посредством «освобождения» вещей, объектов от их социальной нагрузки, социальных функций. Вещи рассматриваются как самостоятельные актанты в контексте социального действия (К. Кнор-Цетина, Б. Латур)</p>

Глава II

«ТРАНСОТЧУЖДЕНИЕ» КАК СОВРЕМЕННАЯ ФОРМА ОТЧУЖДЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

2.1. Генезис концепции «трансотчуждение»

Концепция «трансотчуждение» имеет под собой следующие основания. Приставка «транс» используется с целью показать изменяющийся, мутационный, трансгрессивный характер феномена отчуждения по преимуществу к российским реалиям. Понятие трансотчуждение основывается на идейных положениях о таком социальном явлении, как трансгрессия. Этимология слова «трансгрессия» восходит к латинским *trans* – сквозь; через, за и *gressus* – приближаться, переходить, нападать (Новейший философский словарь, 2003). Во-первых, понятие «трансотчуждение», таким образом, являет собой как бы пример трансгрессии в языке, расширения научного смысла понятия «отчуждение», его привычных границ и рамок понимания. Актуальность использования понятия «трансотчуждение» вызвана кардинальными изменениями, происходящими в современных обществах в последние десятилетия, в частности в России, следствием которых явилось возникновение новых видов и формы отчуждения. Полноценное изучение новых видов отчуждения в их совокупности и взаимосвязанности, на наш взгляд, в некотором смысле ограничена привычным пониманием отчуждения. Во-вторых, трансотчуждение есть такая форма отчуждения, которая совмещает в себе признаки разных видов отчуждения, которые в контексте данной работы мы называем старыми (советскими) и новыми (западными).

Изменения, происходящие в последние десятилетия в российском обществе, я скорее склонен рассматривать с позиций такого понятия, как «трансгрессия», а не с точки зрения, отсылающей к понятию «трансформация». При этимологическом сходстве эти два понятия, тем не менее, имеют ряд принципиальных отличий. Одним из основных является то отличие, что процесс трансгрессии всегда связан с преодолением чего-либо: будь-то нормы, законы, правила, табу в сторону запретного, по-

тустороннего, а также обретением новых свойств, характеристик и признаков, не присущих системе, объекту или человеку до осуществления трансгрессии. «Трансгрессия – это разрывание с правилами – прерывание – уже не обычное течение жизни: тот, кто поначалу обладал чувством предела, обретает теперь чувство уничтожения пределов» (Батай, 2007, с. 72). Так, Новейший философский словарь трактует трансгрессию как «одно из ключевых понятий постмодернизма, фиксирующее феномен перехода непроходимой границы, и прежде всего – границы между возможным и невозможным: «трансгрессия – это жест, который обращен за предел» (Фуко), «преодоление непреодолимого предела» (Бланшо)» (Новейший философский словарь, 2001).

То, как определяет трансгрессию А. Сарна, имеет самое прямое отношение к отчуждению: «Трансгрессия – понятие, обозначающее ситуацию достижения субъектом внешней позиции по отношению к чему-либо в процессе пересечения границ и выхода за пределы, по ту сторону явлений, состояний или объектов, которые, в свою очередь, также являются внешними, чуждыми субъекту и не способствуют свободному проявлению его истинной сущности» (Новейший философский словарь, 2003). В этом смысле трансгрессия в принципе может пониматься как процесс преодоления субъектом отчуждения и чуждых условий существования в сторону свободы.

Предлагая концепцию трансотчуждения, я опираюсь на положения французского социолога Жана Бодрийера о свойствах различных трансфеноменов. Так, анализируя современное общество, Ж. Бодрийер постулирует трансгрессивный характер экономической, политической сфер, а также области искусства и сексуальности и именует их соответственно трансэкономикой, трансполитикой, трансэстетикой, транссексуальностью (Baudrillard, 2001). Сами эти понятия являют собой пример трансгрессии понятийных границ и рамок таких научных понятий и явлений как экономика, политика, искусство и так далее. Трансгрессия границ понятий, выход их за свои пределы обусловлена новыми состояниями современных обществ, а, следовательно, и возникновением новых дискурсов их изучения. Так, гендерные различия в современном обществе нивелируются, происходит смешение признаков пола. Тело, одежда, жизненные стратегии – все в современном обществе является носителем признаков обоих полов. Эко-

номика становится трансэкономикой, так как обретает свою виртуальную форму и становится экономикой знаков. Трансполитика характеризуется привнесением в политику спектакля и лицедейства. Искусство становится трансискусством в результате всеобъемлющей эстетизации – трансгрессии принципа красоты, формы, высокого стиля и переноса его в обыденную жизнь и предметы повседневности, в результате чего «высокое» и «низкое» в культуре становится трансверсальным, неразличимым. Так, и отчуждение, которое является носителем признаков западных видов отчуждения и советских видов отчуждения, в современной России, на мой взгляд, представлено в форме трансотчуждения. Стоит отметить, что в соответствии с идеями Ж. Бодрийера о реверсивности знаков, смыслов, определений, их непрерывной коннотации, выделяемые мной различные виды отчуждения как советские или западные, тоже в некотором смысле являются реверсивными, взаимозаменяемыми, обратимыми. Именно поэтому столь большое значение в данной работе придаётся контексту (историческому, социальному), на фоне которого каждый вид отчуждения приобретает свои специфические (западные/советские) свойства. Для этого я применяю в работе метод социологического воображения Чарльза Миллза, который как раз и позволяет интегрировать изучаемое явление в общий исторический и социальный контекст.

Несомненно, концепция трансотчуждения опирается и на принцип транспарадигмальности, имеющий место в гуманитарных науках, как метод, использующий научные подходы из разных областей знания. Смелость в изобретении и применении концепции трансотчуждения подкрепляется методом эпистемологического анархизма Пола Фейерабенда, который основывается на принципах несоизмеримости и пролиферации научного знания, что, в свою очередь, позволяет учёному выдвигать самые смелые и противоречащие другим точкам зрения теории.

Таким образом, трансотчуждение в моём понимании – это форма отчуждения в современной России, несущая в себе как признаки старых (советских) видов отчуждения, так и ранее не свойственные ей признаки новых (западных) видов отчуждения, приобретённые в результате трансгрессии в экономической, политической, социальной, религиозной, сексуальной и других сферах советского общества.

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ИДЕЙНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ТРАНСОТЧУЖДЕНИЯ

В контексте концепции трансотчуждения под пределом (который всегда сопутствует трансгрессии) я понимаю границы бывшего СССР в широком смысле слова: экономические, политические, культурные, государственные, сексуальные и так далее. По другую сторону «железного занавеса» существовала иная социальная реальность, условно называемая Западом. Последняя, являясь желанной для большого количества советских граждан, была табуирована по идеологическим соображениям. Образ мыслей, жизненные стили, формы экономической деятельности, литература, искусство, предметы быта и одежда, музыка и жизненные ценности представляли собой табуированные объекты. Совокупность последних образовывала некую область сакрального, которая была отделена от привычного, очерченного запретами профанного мира советского человека. Свободный жест, как нарушение запрета (осуществление акта трансгрессии), влѣк за собой карательные действия системы, выражающиеся в различных формах преследования, исключения, отчуждения и социальной изоляции.

Для построения концепта трансотчуждения в связи с понятием трансгрессии, я применил теорию *всеобщей экономики* Жоржа Батая. Стоит отметить, что создавая последнюю, а также рассуждая о различных процессах экономических и социальных переходов в истории общества, Ж. Батай прибегает весьма часто к опыту советской России. Также в поле моего социологического дискурса о трансотчуждении, я применяю его понятие траты, которая, согласно французскому мыслителю, является конечной целью экономики, любого существования, общества и человека, в частности (Батай, 2006). Трата у него является синонимичной такому понятию, в частности, как неутилитарное использование. Общества, ограниченные рамками производства и труда, в которых ценностью обладают исключительно такие виды социальной деятельности как созидание и производство, обречены на перманентные кризисы, социальные конфликты, революции и войны. Эти социальные эксцессы становятся аренами траты *энергии*, которая циркулирует в пространстве *всеобщей экономики*. «Общая экономика» – это понятие, с помощью которого Ж. Батай полемизирует с экономистами и учеными относительно самого феномена экономики и того как он проявляется в обществе. Его поня-

тие экономики радикально отличается от классического. Если традиционная экономическая теория объявляет накопление, производство, прибыль и рациональную цель как блага, то для Ж. Батая они представляют собой если не пустой звук, то ложную ноту. В границах его представлений об общей экономике цель, смысл человеческой деятельности заключены в непроизводительной трате, растрачивании энергии. Свои идеи Ж. Батай встраивает в общевселенский контекст и на примере преобразования *энергии во вселенной* показывает, что общество и экономика не могут быть изолированы от общемировых потоков и растрачивания космической энергии. Суверенность, то есть свободное, неотчужденное человеческое состояние он сравнивает с Солнцем, бесцельно, беспричинно, непроизводительно растрачивающего и дающего свою энергию.

Некоторые аналогии концепции Ж. Батая можно обнаружить и в трудах отечественных ученых. Например, в произведениях Владимира Вернадского о ноосфере: «В биосфере существует великая геологическая, быть может, космическая сила, планетное действие, которая обычно не принимается во внимание в представлениях о космосе... Эта сила есть разум человека, устремленная и организованная воля его как существа общественного» (Энциклопедия социологии). Другой выдающийся отечественный исследователь Александр Чижевский также связывал социальные процессы в обществе с различными космическими явлениями – изучал влияние космических физических факторов на процессы в живой природе, в частности, влияние циклов активности Солнца на явления в биосфере, в том числе, на социально-исторические процессы. Впервые ввёл в научный лексикон понятие «космическая погода» (Wikipedia). В СССР за свои научные достижения А. Чижевский был отстранен от занимаемой им научной должности, а во Французской Сорбонне его барельеф находится среди изображений величайших учёных в истории науки.

Возвращаясь к общей экономике, отмечу, что «Батай был настроен критически не только по отношению к капиталистическому мироустройству, но и к марксистской теории, которая, по его мнению, привержена тому же самому культу производства, главенствующего в рыночной экономике. Обоими движет логика нехватки. Развитие производственных сил, развернутая экспансия в природу с помощью науки и техники, по Батаю, ведут не к прогрессу, а к разрушительным мировым войнам, в которых избыток

неизрасходованной энергии должен найти свой катастрофический выход в том случае, если человечество не поступится принципом полезности» (Тимофеева, 2009, с. 103). Современные общества, по Ж. Батаю, (капиталистическое и советское в прошлом) ориентированы на примат производства, полезности, эффективности, утилитарности в противовес трате и непроизводительному существованию. Свидетельством этому становится колоссальное развитие промышленности, как в Советском обществе, так и в западных капиталистических странах. Принуждение и тоталитаризм в СССР сделали возможным осуществить массовую мобилизацию населения для развития промышленности, превратили человека в средство. Массовая мобилизация коллективных сил, воли и труда, стала возможна в результате массового отчуждения людьми советской России своей суверенности в пользу общества, общего дела и суверена (диктатора). Вот как это представляется Ж. Батаю: «Большевики осуществили небывало радикальный отказ от трат, направили все доступные ресурсы на индустриализацию, «материальное оснащение» страны и свели к абсолютному минимуму народное потребление. Достижение тем более необычайное, что большевиков привело к власти рабочее движение, которое на Западе обычно борется не за ограничение, а за расширение потребления» (Батай, 2006, с. 40). Смыслом человеческих отношений в данной ситуации выступало будущее, как аккумуляция результатов социалистического производства и труда в целом: Россия пошла в этом направлении «ограничивая себя во всем и накапливая силы ради будущего; большевики заставили ее «отказаться от жизни, чтобы сделать ее возможной» (Батай, 2006, с. 40).

ПРЕДПОСЫЛКИ ТРАНСПРЕССИИ В СССР

Логично предположить, что советское общество, ориентированное на производство, труд и созидательную активность, было лишено тех каналов, по которым могла бы распределяться и искать выход энергия, конечной точкой существования которой является трата, потребление, эксплозия. Далее я привожу краткий абрис ситуации.

Во-первых, в СССР жесткому контролю была подвержена экономическая сфера и область потребления в частности. Командная экономика, огосударствленная форма собственности промышленных предприятий и других экономических субъектов

в стране, а также принцип всеобщего отчуждения суверенности людей в пользу общего экономического развития, отрицали возможность существования личной экономической инициативы, а труд делали обязательным. Преобладание распределительной экономики привело к созданию колоссального дефицита товаров массового потребления: одежды, продуктов питания, бытовой техники, автомобилей. Данный социальный феномен, присущий советскому обществу описывается Н. Лапиным с позиций отчуждения от потребностей. Излишки, производимые промышленностью, направлялись на её же развитие, а не на удовлетворение спроса потребителей, которые могли бы осуществлять трату (Батай, 2006).

Во-вторых, в советской России отсутствовала разветвленная сфера средств массовой информации. Все СМИ являлись собственностью государства и им же контролировались. Центральное телевидение, радио и газеты выполняли в основном идеологическую функцию, ограничивая доступ населения к разнообразной и правдивой информации. Такой вид непроизводительной траты, как просмотр большого количества развлекательных и музыкальных каналов, представленный сегодня современным российским телевидением, отсутствовал. Здесь уместно было бы актуализировать такой феномен, как отчуждение от информации и непроизводительного, бесцельного досуга. На мой взгляд, досуг в советском обществе был позитивно ориентированным, то есть направленным на пользу, развитие и созидание (во благо общества и человека). Например, Сталин рассматривал человека как главную ценность, однако опять же в контексте пользы, как способа, вещи, ресурса достижения максимальной степени промышленной производительности (Батай, 2006).

В-третьих, в СССР существовало однопартийное правительство, отчужденное от общества, купирующее инакомыслие. Отсутствие каналов связи между обществом и правящей элитой способствовало аккумуляции большого количества энергии, которая потенциально могла быть растрчена (в контексте теории всеобщей экономики Ж. Батая) в процессе выборов, референдумов, формировании политического плюрализма и политических партий. Здесь имеет место политическое отчуждение.

В-четвертых, в Советском Союзе официальному запрету подвергался один из основополагающих социальных институтов – религия. Сфера сакрального для Ж. Батая и его коллег по

Социологическому Коллежу во Франции (Р. Кайуа, М. Лейрис) выступает, пожалуй, основным полем непроизводительной траты через различные ритуалы, праздники, священнодействия и жертвоприношения, которые со временем, по ходу развития цивилизации, обретают всё более символический характер (Олье, 2004). Очевидно, что отчуждение от института религии может быть отчасти охарактеризовано и как отчуждение от духовности.

В-пятых, одной из табуированных социальных сфер была сфера сексуальная. Ограничения в этой области выражались в банальном отсутствии какого-либо общественного, медийного и научного гуманитарного дискурса сексуальности, последняя была заключена исключительно в рамки семьи. Официальным юридическим запретам подвергалась практика однополых сексуальных и социальных отношений (сожитительство и так далее). Об этом в своё время писал Игорь Кон. Статья, предусматривающая уголовное преследование за гомосексуализм, была отменена лишь с приходом к власти Б. Ельцина. Эта ситуация может быть охарактеризована в терминах отчуждения от сексуальности, от потребностей в половой сфере. Причем речь идет не о сексе как процессе размножения, а в целом о сексуальности и понятии гендера (применительно к обществу Ж. Батай предпочитает говорить об эротизме), которые имеют свои проекции и корни в экономике, культуре, политике, искусстве, медицине, образовании. Разумеется, подавление сексуальности было свойственно не только советскому обществу, но и западному. В свое время об этом писали выдающиеся социологи и философы современности, в частности Мишель Фуко, Феликс Гватари, Жиль Делёз. Для последних ограничения, накладываемые на либидинальную сферу, являются механизмами перенаправления либидинальных энергий в сферу социальной, политической и экономической полезности, производства и рационального, утилитарного использования в социальной машинерии. Однако, если в Западной Европе сексуальность является объектом манипуляции посредством механизмов транссексуализации, проникновения секса и порнографии в большом количестве в социальные институты (реклама, потребление, искусство, кино и т.п.), то есть через включение в дискурс сексуальности, то в советском обществе манипуляция эротической сферой осуществлялась через табуирование.

ТРАНСГРЕССИЯ В СССР И ОФОРМЛЕНИЕ НОВОЙ ФОРМЫ ОТЧУЖДЕНИЯ

Таким образом, ограничение, табуирование и заключение в рамки жестких запретов институтов экономики, потребления, политики, СМИ, эротизма, религии и других сформировали особый тип экономики в СССР (в связи с пониманием экономики, как «всеобщей экономики»), область траты в которой была колоссально минимизирована. При наличии у советских людей потребностей в удовлетворении политических, сексуальных, культурных и религиозных потребностей, потребностей в потреблении (в условиях тотального отчуждения от возможности их удовлетворить), оформление получил большой социальный конфликт, который в итоге привел к эксцессу – колоссальной эксплозии, поменявшей вид и форму советского общества в начале 1990-х годов кардинальным образом – крушению СССР и рождению современной России.

Процесс трансгрессивного перехода, преодоления свойственных советскому обществу границ и барьеров повлек за собой метастазирование в российскую социальную ткань западных социальных институтов, в частности, практик потребления, открытой сексуальности, более разветвленной структуры средств массовой информации и коммуникации, пролиферации подверглась область политического и религиозного. Виды отчуждения, свойственные советскому обществу, были дополнены западными видами отчуждения, в результате взаимодействия которых сформировалась особая форма отчуждения – трансотчуждение.

Несомненным является тот факт, что в ходе социально-экономических преобразований последних примерно трёх десятилетий, различные виды отчуждения были в определенной степени упразднены. Однако возникли с новой силой и новые виды отчуждения: отчуждение в поле экономики от возможности трудиться (безработица); отчуждение от духовности, самоотчуждение в обществе потребления; отчуждение от реальности в социуме гиперреальности; новые формы собственности поменяли природу отчуждения работников предприятий.

Пролиферация медийной сферы, относительное оформление разветвленной структуры телевизионных каналов тоже демонстрирует инверсию к советской форме телевидения. Несмотря на то, что коренным отличием современного российского телевидения от советского и его соответствие мировым практикам является ориен-

тация в сторону интертеймент вещания (реалити-шоу, треш-программы, музыкальные и развлекательные передачи), общей его характеристикой по-прежнему является подконтрольность государственной власти. Телевидение по-прежнему выступает основным механизмом политической, идейной пропаганды и манипуляции массовым сознанием (прежде всего речь идет об аналитических программах и выпусках новостей). Доступ на экран представителей политических движений альтернативных партии власти закрыт.

Придание законности де-юре и де-факто религии и церкви после крушения СССР тоже имело определенные негативные последствия. Прежде всего, это общеизвестный и верифицируемый современной социологией факт сращения социальных институтов, в нашем случае религиозного и политического в России, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Чрезмерное распространение различных тоталитарных и сексуально-ориентированных сект тоже является результатом трансгрессии эротических и религиозных практик в России.

Высвобождение инстинкта потребления, траты в результате трансгрессивного перехода советской системы привело к формированию общества потребления в России (отчуждение от духовности, самоотчуждение), а формирование рыночного механизма в экономике способствовало значительному обогащению малого количества предпринимателей и обеднению подавляющего большинства россиян. Более того, имеет место сращение социальных институтов власти и бизнеса. Такая форма дикого капитализма (первичного накопления капитала) способствовала реформированию советской промышленной экономики в экономику сырьевую, превращая Россию в неэффективное и неконкурентоспособное государство, в сырьевой придаток.

Свобода, предоставленная в эротической сфере общества, стала предметом массовых манипуляций со стороны института рекламы, PR-технологий, телевидения и рынка. Происходит процесс коммерциализации сексуальности. Примечательно, что уровень сексуального поведения современных россиян оценивается более-менее наравне с уровнем развитых стран, однако при этом уровень сексуального сознания (сексуальной культуры) значительно ниже, что приводит к таким последствиям, как неконтролируемая беременность и СПИД (И. Кон).

Относительная политическая свобода, имевшая место в ранних 90-х также подверглась инверсии в сторону советской поли-

тической модели с тяготением к формированию партии власти. Сильнейшим ограничениям по-прежнему подвергаются свобода слова, свобода собраний, митингов, протестов и так далее. Существует острая проблема отказа новым политическим партиям в регистрации.

Для исследования проблемы отчуждения, выбранные мной выше социальные институты (экономика, политика, СМИ, религия, сексуальность) имеют первостепенное значение в рамках исследования. Однако, очевидно, что с позиций трансгрессии можно рассматривать и процессы, происходящие в других сферах общества, например, таких как культура, образование, медицина, наука. Далее я предлагаю некоторый экспресс-анализ видов отчуждения, их преодоления в процессе трансгрессии и того, что из этого вышло – трансотчуждения.

Институт культуры в СССР был жестко идеологизирован, являл собой совокупность большого количества запретов, которые отчуждали население от культуры, её художественных форм. Табу распространялось на большое количество произведений музыки, литературы, кинематографа, хореографии. Отчуждение от культурного самоопределения и самобытности способствовало возникновению таких преследуемых институтов как инакомыслие, «инакослушание», «инаковидение». Отчуждение от возможности создавать произведения художественной культуры, которые шли в разрез с официальной идеологией, приводило к созданию различных субкультур в советском обществе: самиздат, андеграунд и т.д. Стоит отметить, что в СССР колоссальному количеству людей коммунистические ценности тогдашнего государства были в крайней степени чуждыми. В общем культурном контексте советское общество было отчуждено от всего остального мира «железным занавесом». В процессе трансгрессии культурных запретов, норм и табу, отчуждение в сфере культуры в известной степени было преодолено, однако многие из его видов сохранились, видоизменились под влиянием западных культурных практик и в результате сохранения репрессивного государственного аппарата. Так, особое внимание обращает на себя факт коммерциализации культуры, тех художественных форм её выражения, которые раньше выполняли функции единичных актов трансгрессии в советском обществе. Например, рок-музыка, некогда выражавшая протестные, бунтарские настроения в советском обществе сегодня представляет собой не более чем бизнес, способ зарабатыва-

ния денег, является лояльной по отношению к власти и даже выражает свою солидарность с ней (за исключением Ю. Шевчука, открытая полемика которого с В. Путиным получила известность). Более того, проникновение в российскую действительность культурных образцов низкого качества (проводниками которой являются телевидение, глянцева пресса и т.п.) способствует массовому отчуждению россиян от высокой культуры. Происходят процессы диснеизации культуры. Важно заметить, что сохраняется и цензура. Процессы отчуждения от труда, творчества в культурной среде, проявляются в том, что авторы современного и актуального российского искусства, признанные за рубежом, подвергаются в современной России цензуре и даже юридическому преследованию (дело арт-группы «Война», случай «Синих носов» и т.д.).

Такие институты советского общества, как наука и образование, также являются собой примеры процессов отчуждения и последующего их преодоления (трансгрессии). Первое, что обращает на себя внимание, это отчуждение от субъектности в образовательном процессе в советской средней и высшей школе. Данный феномен рассматривается в научной литературе с позиций пассивного участия ученика и студента в процессе образования, перениманием тех знаний и умений, которые делают из него простого функционера. Кроме того, в системе образования и науки имели место идеологическая пропаганда, насаждение материализма и сциентизма. Имел место сильнейший запрет на так называемые «буржуазные» теории и концепции. Не стоит забывать и такой вид отчуждения, как отчуждение от безопасности, в связи с тем, что в школах (так же как и в армии, в пененциарной системе и т.п.) существовал высокий уровень насилия. Трансгрессивные процессы во многом упразднили отчуждение в институтах образования и науки, отмена идеологических запретов способствовала пролиферации научных направлений в России, создали возможность работать в различных направлениях и парадигмах научного знания. Произошла подобная демократизация и в сфере образования. В частности, возродилась традиция частных учебных заведений, обучения на дому и т.д. Однако, подобные процессы и тенденции не получили основательного своего применения. Современные научные публикации, посвященные отчуждению в образовании, показывают, что проблема субъектности в процессе образования сохраняется. Актуализи-

руется проблема коммерциализации образования: недоступность его бедным слоям населения. Обращает на себя внимание факт глубочайшего поражения образования взяточничеством и коррупцией. Нельзя не упомянуть и о ригидности научной системы в России, сильном её догматизме.

Трансгрессивные процессы в медицинской сфере советского общества характеризуются, с известной долей относительности, упразднением карательных функций советской медицины, прежде всего психиатрии. Безусловно, положительным является и отмена запрета на частную медицинскую практику. Положительным является возвращение человеку, пациенту, права самостоятельно выбирать медицинские учреждения, самостоятельно принимать решение об отказе от медикализации, которая раньше была обязательной (прививки, медосмотры и т.д.). Однако, переход общества в состояние транзиции сопровождается отчуждением большого количества населения от здоровья в принципе. Наблюдается высокий уровень смертности, увеличение числа нарко- и алкоголе-зависимых. Происходит отчуждение от медицинской помощи: коммерциализация медицинских услуг и лекарств приводит к их недоступности населению, изношенность материальной медицинской базы снижает общей уровень качества медицинской помощи. Не стоит забывать и ставший уже анекдотичным факт грубости и нетактичности медицинских работников. Общим, на наш взгляд, для российской и советской действительности является факт отчуждения населения от хороших экологических условий. К совершенно новым видам отчуждения, которые получили распространение в современной России, можно отнести такой вид как отчуждение от тела, когда на смену функциональности тела, его внутреннего здоровья приходит кажимость тела, его эстетическое совершенство. Эта кажимость (Ж. Бодрийяр) во многом является результатом работы эстетической медицины, пластической хирургии в обществе потребления.

Таким образом, негативные моменты, связанные с экономическими практиками в сфере труда и потребления, оформлением гиперрельности (СМИ, интернет, TV), чрезмерного засилья сексуальности, характеризующие современное отчуждение известны, им уделено место в рамках данной монографии. Важным является тот факт, что советские виды отчуждения не были упразднены в процессе трансгрессивного перехода и реформ, берущих свое начало в конце 1980-х, ранних 1990-х гг. Это соответствует

представлениям о трансгрессии как процессе, который не отменяет запреты, а приостанавливает их и со временем видоизменяет их форму и силу воздействия. Например, война, адюльтер, праздник, являют собой типичные примеры трансгрессии, в процессе которых происходит приостановка запретов на насилие, убийство, измену, неконтролируемое потребление. Однако со временем конвенциональные рамки социальной жизни восстанавливаются: запрет на убийство сменяет воинствующее истребление людей, табу на промискуитет возвращают супругов в лоно семьи, праздник, как буйство траты, потребления, разгула сменяется привычным размеренным течением жизни, очерченной прежними нормами и границами. В этом смысле крушение СССР и возрождение России тоже выглядят как процессы военных и праздничных действий, в ходе которых проявились процессы нарушения и преодоления различных запретов, которые сопутствуют войнам и праздникам: запрет на насилие, на безграничное потребление, на аномию (хаос), на развлечение, экстаз. Традиция присваивания различным социальным явлениям и процессам значения праздника принадлежит Ж. Батаю и Р. Кайуа. Продолжили эту традицию в своё время Ж. Бодрийяр (понятие оргии) и М. Бахтин (понятие карнавала).

В целом тезис о сохранении прежних (советских) видов отчуждения и появлении новых (западных), совпадает с выводами Н. Лапина, который на основании уже современных исследований приходит к выводу о том, что в России консервируется воспроизводство социальных контрастов, которое характеризуется асимметричным ростом одних компонентов за счет стагнации других. По его мнению, данное состояние российского социума до сих пор обусловлено воздействием культурной травмы, удара, который оно получило на рубеже XX века, то есть одновременно с трансгрессивными процессами того же времени. Причем, судя по представленным исследователем данным, в России сохраняется недоверие граждан к власти, продолжается обеднение населения, по-прежнему значительная часть россиян не получают должного медицинского ухода, испытывают проблемы со здоровьем и жильём (Лапин, 2007, с. 39–53).

2.2. Индикаторы отчуждения

В данном параграфе представлена схема понятийных и теоретических индикаторов отчуждения, которая опирается на теоретические положения различных парадигм, направлений и школ в классической и современной социологии в изучении отчуждения, а также базируется на воззрениях относительно этого феномена таких направлений как постмодернизм и объектно-ориентированная социология. Представленная ниже социологическая операционализация отчуждения, претендует на максимально полное отражение всей теоретической и практической традиции изучения отчуждения. Такое изучение в контексте этой системы индикаторов становится возможным применительно к различным уровням социальной реальности: начиная от экзистенциальных ощущений отчужденности и одиночества, через отчуждение от других людей, от самого себя, от различных групп и социальных институтов, до отчуждения от общества, от реальности, от развития, от космоса в целом. Это достигается за счет использования мной мультипарадигмального (транспарадигмального) научного метода при изучении отчуждения. Как правило, социологи-эмпирики в ходе своих исследований отчуждения опираются в основном на классические положения об отчуждении К. Маркса и более позднюю концепцию отчуждения М. Симена. Складывается ситуация, в которой теоретическое знание во многом обгоняет возможности его прикладного использования. Я полагаю, что данная таблица индикаторов может претендовать на роль средства для заполнения подобной лакуны в современной социологической традиции исследования отчуждения. Данная система индикации и операционализации понятий позволяет выделять в соответствии с заявленной гипотезой различные виды отчуждения, такие, как новые (западные), прежние (советские), универсальные, а также его особую форму – трансотчуждение. Универсальность, вариативность и лабильность предложенного мной инструмента (таблица индикаторов) заключается в том, что он может быть применен, как мы полагаем, в принципе, по отношению к любому обществу, будь-то общество российское, европейское, американское, азиатское и так далее. Несомненным преимуществом данной схемы индикаторов является то, что она позволяет изучать отчуждение как в сфере трудовых, производственных отношений, так и за её пределами.

Схема научных традиций и подходов изучения отчуждения

Теоретические индикаторы	Понятийные индикаторы
<p>I. Социальное самочувствие (социальное жизнеощущение) Интегральный индикатор отчуждения. Характеризует отчуждение с точки зрения неудовлетворения людьми своих потребностей и, следовательно, отчужденных от развития, комфортного, существования, полноты жизни. Такое «половинчатое, частичное», отчужденное существование вызывает состояния страха, тревоги, одиночества и приводит к физическому и психологическому истощению.</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Удовлетворенность/Неудовлетворенность (Неудовлетворение человеком потребностей является одним из видов отчуждения, которое ограничивает полноценное развитие личности, препятствует её самореализации) 2. Чувство безопасности/Страхи, тревоги (Страхи и тревоги являются реакциями на различные виды отчуждения, например на отчуждение от безопасности, от потребностей, от информации и т.д.) 3. Солидарность (принадлежность)/изоляция, одиночество (Одиночество есть психологическое ощущение отчуждения в условиях атомизации общества, его урбанизации, виртуализации, разрыва традиционных близких и глубоких связей) 4. Эмоциональное, психическое и физическое истощение, выгорание (Является результатом продолжительного отчуждения, перманентной растраты человеком своих ресурсов без возможности их восстановления)
<p>II. Инклюзия/Эксклюзия Включенность/Невключенность Характеризует степень принадлежности или напротив отчуждения человека от различных социальных институтов, практик, процессов, общностей, локальных и метакультур. Помимо «положительной» инклюзии существует еще и «отрицательный» её модус, при котором имеют место такие механизмы социального действия, как подстраивание своего поведе-</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. В: а) информационные потоки (Отчуждение от информации как на макроуровне: искаженная и ложная подача информации СМИ, отчуждение от правовой, юридической информации, целенаправленные действия по отчуждению от знания, информации со стороны государства и различных социальных групп, отчуждение работника от информации касающейся деятельности предприятия) б) трудовые отношения (Отчуждение от различных сторон труда, производственных отношений: от руководства, от коллег, от возможности влиять на ход производственного процесса. В принципе – отчуждение от возможности работать (безработица), профессионально развиваться) с) культуру (Отчуждение от культуры проявляется в целом как, отчуждение от

ния к массовому, общераспространенному (приводящее к самоотчуждению – отчуждению от свойств собственной личности) и принятие общераспространенных мнений, суждений, оценок, мировоззрений.

цивилизации – конфликт между личностными стремлениями и культурными ограничениями. Снятие такого отчуждения осуществляется за счет выработки защитных механизмов адаптации к общественным нормам, ценностям и т.д. Кроме того, каждая отдельная культурная среда может восприниматься как своя, родная или же как чужая, непонятная, враждебная)

d) управление (Отчуждение от управления и власти – основной модус отчуждения, который характеризуется состоянием бессилия человека с точки зрения того, что его действия не влияют на ход процессов и не имеют в итоге желаемых результатов. Отчуждение от управления страной, предприятием, собственной жизнью)

e) социальные институты: политику, медицину, потребление, образование и т.д. (Отчуждение от возможности получать квалифицированную медицинскую помощь, осуществлять политическую деятельность, потреблять качественные продукты питания и приобретать необходимые вещи и услуги. Отчуждение от образования, как невозможность получать качественное образование, являться полноправным субъектом учебного процесса)

2. Нонконформизм (аутентичность)/Конформизм (миметизм) (Осознанное или неосознанное самоотчуждение личности в результате отказа от собственных ценностей, убеждений, стиля жизни, моделей поведения. Примером современного конформизма является потребление – нивелирование личностных вкусов, моделей поведения в целях сохранения включенности в современное общество)

3. Интеграция/Атомизация (Атомизация является результатом социального отчуждения, при котором происходит разрыв привычных социальных связей, исключение или самоисключение индивида в силу разных причин из семейных, групповых, производственных, религиозных, культурных, национальных общностей. Процессы атомизации возрастают в индустриальных обществах, достигают своего пика в медиатизированном обществе и обществе потребления)

III. Цели и возможности их достижения

Отчуждение от возможности достижения целей характеризует ситуацию, в которой у человека отсутствуют возможности самореализации, развертывания своих потенций, проявления своей истинной природы, сущности. (Достигнутая цель как успешный вариант самоактуализации). Барьерами самореализации могут выступать как внешние факторы (нормы, запреты, контроль), приводящие подчас к безнормному поведению, так и внутренние, личностные (слабое связывание результатов деятельности с личными действиями, отсутствие смысла в действиях).

1. Локус контроля (Отчуждение является не только результатом воздействия внешних сил и процессов на человека, но и является результатом его собственных интенций, поведения и интерпретации ситуации. Положительный результат в преодолении отчуждения зачастую зависит от того, какую роль отводит отчужденный человек в этом процессе собственным действиям, а какую внешним обстоятельствам, силам и процессам)
2. Аномия/Соблюдение норм (Отчуждение от возможности достижения целей, в частности, законными способами, провоцирует человека достигать различные цели и блага осуществляя девиантное поведение, использовать преступные методы. Отчуждение от норм, ценностей является видом массового культурного отчуждения общества в транзитивные, трансформационные периоды его развития. Зачастую общественное отчуждение от старых норм и ценностей приводит к выработке их новых форм и интерпретаций)
3. Смысл/Бессмысленность (Бессмысленность – важнейший вид отчуждения, характеризующий ситуацию, в которой человек не видит смысла в выполняемых им действиях. Это происходит в частности по причине того, что выполняемое им поведение не приводит к ожидаемым результатам, не оказывает того воздействия или роли, которая им приписывается: бессмысленность в труде, работе, коммуникациях, обучении, жизни в целом и т.д.)
4. Самореализация/Стагнация (Самоотчуждение – антоним понятия самореализации. Проявляется в частичном удовлетворении человеком своих потребностей, прежде всего высших потребностей в развитии, творческой самореализации, успехе, уважении. Отчуждение от развития характеризуется частичным выполнением человеком функций, потенций, заложенных в него изначально природой: в труде, общественной, частной жизни и т.д.)
5. Сила/Бессилие (Бессилие – центральный модус отчуждения, характеризующий невозможность человека влиять на ход процессов, в которых он принимает участие, изменять их в соответствии с личными желаниями и действиями; ситуация, в которой поведение человека не имеет того результата, на который они направлены)

<p>IV. Социальное здоровье/Патология Является результатом отчуждения между человеком и обществом, человеком и человеком, самоотчуждения. Социальная патология является результатом дезинтеграционных процессов в обществе, распада его солидарности, аномии – культурного отчуждения.</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Аддикции: алкоголизм, наркомания, трудовоголизм, гэмблинг, консюмеризм. (Деструктивный способ решения внутриличностных конфликтов, возникающих в ситуации социальной аномии, а также в результате отчуждения от достижения целей, отчуждения от решения личностных и социальных проблем) 2. Преступность (Результат культурного отчуждения – аномии, при которой достижение целей, удовлетворение потребностей идет в разрез с общепризнанными моральными, юридическими и этическими нормами) 3. Способы ухода от реальности: (Результат культурного отчуждения. Способы избавления от базового чувства неудовольствия, которое формирует у человека взаимодействие с современными формами цивилизации: одурманивающие средства, пьянящие ощущения от изменения положения тела в пространстве: быстрая езда, прыжки с парашютом, аттракционы, транс, головокружение и т.д.)
<p>V. Контроль Характеризует различные механизмы отчуждения, подавления личностных начал в обществе, сводящих на нет самоактуализацию личности посредством проявления свободного выбора, действия, желания как нечуждого, ненавязанного. Является диффузным (распыленным в различных социальных полях, таких как семья, медицина, образование). В современном обществе проявляется посредством рекламы, TV, государственной идеологии, потребления. Осознание людьми контроля зачастую приводит к акциям протеста, направленным на снятие отчуждения.</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Свобода/Несвобода (Несвобода как отчуждение человека от возможностей и способностей проявить целостность своей личности, действовать в соответствии с полным набором качеств, потенциалов и стремлений в нем заложенных. Ощущения бессилия и бессмысленности как модусов отчуждения в ситуации несвободы, обусловлены различными условиями, как внешними (структурные, институциональные) так и внутренними (конформизм, страх и т.д.) 2. Защита/Беззащитность (Беззащитность как отчуждение от безопасности. Отчуждение от права и юридической системы как гарантии соблюдения прав и свобод личности, справедливого судопроизводства) 3. Суверенность/Тоталитаризм (Самоотчуждение человеком от себя своих сил, свобод, потребностей, желаний в пользу одной личности или всего общества в целом. Делегирование определенным социальным институтам или конкретной личности права распоряжаться жизнью, принимать решение за большое количество людей, осуществлять над ними контроль и практики ограничения) 4. Манипуляция массовым сознанием и поведением (Отчуждение от возможности иметь самостоятельное мнение, суждение и поступать в соответствии с ними, а не согласно инкорпорированным в сознание посредством медийных технологий стратегий жизни, идеологии, ценностей, суждений, представлений)

	<p>5. Одобрение/Осуждение (Ощущение бессилия – основного модуса отчуждения в ситуациях контроля, несвободы провоцирует людей на осуждение, недовольство ситуацией, в которой они испытывают отчуждение. Крайними формами такого недовольства являются конфликты, акции протеста, забастовки, голодовки, революции)</p> <p>6. «Знание-власть» (Знание выступает основным средством контроля в обществе, отчуждая людей от самостоятельности в суждениях, поступках, свободы выбора и самоопределения. Проявляется как контроль со стороны науки, медицины, системы образования, семьи и т.д. – диффузный характер власти)</p>
<p>VI. Тип взаимодействия с людьми, вещами, процессами Коренная характеристика отчуждения, демонстрирующая демаркационную линию и степень близости, характер и степень обладания между людьми, между людьми и вещами, человеком и космосом (мир в своей совокупности), людьми и социальными институтами, между человеком и им самим.</p>	<p>1. Своё/Чужое:</p> <p>а) Вещи, объекты (Отчуждение от объектов, различных уровней реальности, мира в целом. Объектами отчуждения могут выступать средства производства, продукт труда, жилье, деньги, собственность, космос)</p> <p>б) Люди (Отчуждение от людей, от групп, от самого себя, от общества в целом)</p> <p>2. Процессы, деятельность (Деятельность как навязанная, чуждая, враждебная, бессмысленная. Отчуждение от труда, от развития, от жизни)</p> <p>3. Вещизм/Свобода от обладания вещами (Вещизм, как компенсаторное замещение нехватки чего-либо в жизни человека, отчуждения от чего-либо: любви, доверия и т.д. Навязчивое желание иметь является результатом самоотчуждения – усеченной структуры потребностей человека, ориентированного лишь на обладание, а не на качественное развитие через самоактуализацию и творчество)</p> <p>4. Близость/Далёкость (Степень отчуждения индивида в континууме близкое/далёкое различных уровней реальности, космоса в целом.)</p> <p>5. Приятие/Неприятие (Негативное восприятие окружающих в соответствии с различными критериями, приводящее к отчуждению, отдалению, прекращению отношений. Такими критериями являются пол, раса, этническая принадлежность, различные виды сексуальности и религиозности)</p>

	<p>6. Низкая/Высокая скорость протекания социальных процессов, «жидкое общество» (Высокоскоростная социальная динамика является причиной отчуждения в обществе, так как изменения в нем происходят быстрее, чем люди успевают к ним приспособиться. В условиях «жидкой реальности» люди отчуждены от стабильности существования, продолжительных и глубоких социальных связей)</p>
<p>VII. Реальное /Виртуальное пространство Дает представление о разорванности, возникающей в жизни человека, в ходе включения последнего в виртуальное пространство и гиперреальность. Негативные последствия виртуальных практик, являются результатом несоотнесенности мира симуляции (симулякров) и мира реального. Человек проживает как бы не свою, а чуждую, чуждую жизнь, представленную в виде кодов и символов. Поэтому усилия, направленные на изменение какой либо ситуации, имеют своим результатом не решение проблемы в действительности, а решение ее в виде виртуального варианта, не представленного в реальной жизни человека.</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Реальность/Гиперреальность, симуляция, симулякры (Гиперреальность производит отчуждение от реальности, так как никак в ней не представлена. Жизнь современного человека протекает в семантической сфере кодов, знаков и символов, не имеющих референций в действительности. Различные процессы современности являются симуляциями, симулякрами никак не представленными в реальности, однако проходящие в медийном и виртуальном пространстве – телевидение, интернет и т.д.) 2. Личное общение/Виртуальное общение (Виртуальное общение есть отчужденное общение, так как не имеет места в действительности, отчуждено от него, пребывает в гиперреальности: чаты, e-mail, Skype. Компонентами такого общения являются изображения, звуки, картинки, знаки. 3. Значение/Код (Код является отчужденным, эмансипированным из реальности значением, чистым знаком, отсылающим лишь к самому себе или системе знаков, но не к реальным референтам действительности) 4. Подлинность/Кажимость (Кажимость есть симулякр, совокупность отчужденных из действительности значений, чистая игра знаков, оторванных от реальности)

2.3. Информационная база исследования

Проект «Отчуждение как социологический феномен современности» осуществлялся мной параллельно в ходе работы в рамках Программы VIII.69.1.1. «Исследование социальной динамики российского общества: устойчивость и трансформация институтов, структур, практик» в Отделе социальных проблем ИЭОПП СО РАН.

Конкретная социальная проблема исследования формулируется в терминах разрыва, несоответствия, расхождения между 1) необходимостью мобилизации креативного, созидającego трудового потенциала всех общественноных групп для исторического прорыва России в будущее, детерминируемое глобализационными вызовами, и 2) массовизацией отчуждения человека в системе трудовых отношений (от собственности, от продуктов и процесса труда, от возможности самореализации в трудовом процессе, от управления, от информации, от знаний, от инноваций, от распределения доходов, от власти и пр.), что ведет к чудовищным растратам человеческих ресурсов и выступает мощным тормозом модернизационных преобразований на российских промышленных предприятиях.

Полигоном моего исследования выступили четыре предприятия г. Новосибирска, относящиеся к ОПК. На начальном этапе отбора предприятий, при всем российском неблагополучии в сфере производящей экономики, мой специальный интерес всё же был сфокусирован на десяти наиболее успешных и перспективных предприятиях города, названия которых на карте промышленности России являются брендами¹. Однако из всего списка данных предприятий согласие на проведение социологического обследования ИТР дали лишь четыре. Остальные ссылались на разного рода форс-мажорные обстоятельства, а то и просто руководители их оказывались недостижимыми физически (командировки, сверхзанятость и пр.). Такого рода ситуация автоматически сняла вопрос о репрезентативности выборки предприятий отно-

---

¹ Избирательность в пользу наиболее успешных предприятий можно представить в виде методического ограничителя, который я поставил перед собой сознательно, предполагая, что более интересно с научной точки зрения изучать отчуждение не там, где его должно быть «много» по определению (на «деградирующих» предприятиях), а в условиях, где его должно быть «меньше» (на лучших предприятиях).

сительно ОПК города, сделало её (репрезентативности), по сути труднодостижимой в данных конкретных условиях.

Предприятия, на которых проводилось обследование, в структуре видов промышленного производства относятся к двум группам экономической деятельности: 1) *производство машин и оборудования* (предприятия 2-А и 4-S); 2) *производство транспортных средств и оборудования* (предприятия 1-S и 3-N). Динамика индекса промышленного производства этих групп экономической деятельности в Новосибирской области выглядит следующим образом (табл. 6).

Стоит отметить, что сфера обрабатывающего производства в Новосибирской области (в которую входят обследуемые предприятия), демонстрирует тенденцию к сокращению численности работников (табл. 7).

Количество работников обрабатывающей промышленности в Новосибирской области, занятых во вредных и опасных условиях труда не сокращается, а по некоторым показателям увеличивается (табл. 8).

Таблица 6

Индекс промышленного производства¹ (в % к предыдущему году)

Промышленное производство	2000	2005	2006	2007	2008	2009
Производство машин и оборудования	86,3	113,2	87,2	131,4	101,3	49,1
Производство транспортных средств	120,1	100,6	152,0	152,4	129,3	87,3

Таблица 7

**Среднегодовая численность занятых в экономике²
(по данным баланса затрат труда, в % к итогу)**

Год	2000	2005	2006	2007	2008	2009
Обрабатывающие производства	16,8	15,7	14,8	15,0	14,8	14,6

¹ Новосибирская область в цифрах // Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области (2010, с. 71).

² Труд и занятость в Новосибирской области // Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области (2010, с.31).

**Удельный вес работников,
занятых во вредных и опасных условиях труда¹
(в % к списочной численности работников
соответствующего вида деятельности)**

Год	2005	2006	2007	2008	2009
Работающие под воздействием повышенного уровня: шума, ультразвука, инфразвука	7,3	7,8	8,3	9,4	9,7
запыленности воздуха	3,9	3,8	3,7	4,2	3,9
неионизирующего излучения	0,2	0,3	0,4	0,6	0,6
Работающие на оборудовании, не отвечающем требованиям охраны труда	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1

Не все руководители предприятий, согласившиеся на обследование, проявили лояльность к социологической науке. Поэтому не я диктовал условия отбора респондентов из состава ИТР на обследуемых предприятиях, а сами предприятия, руководствуясь производственными интересами, очерчивали и определяли границы допуска к информации и респондентам. Закрытость современных промышленных предприятий для сбора информации производственно-экономической направленности, а также проведения социологических опросов – известный социологам факт. Средняя численность работников обследуемых предприятий составила 1350 человек.

ИТР КАК ЭМПИРИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Инженерно-технические работники как эмпирический объект исследования были выбраны мной целенаправленно. Я полагаю, что сознание данной группы сотрудников современных российских промышленных предприятий является отражением тех социальных, экономических, культурных и иных процессов, которые протекают в современной России, в российской промышленности в частности, и обуславливают современное отчуждение. Более того, я полагаю, что ИТР, как группа высококвалифицированных специалистов, умеющих работать с технологиями и ин-

¹ Труд и занятость в Новосибирской области // Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области (2010, с. 62–63).

формацией, являет собой пример субъекта труда, роль которого увеличивается и продолжит увеличиваться с кристаллизацией в России экономики знаний.

Анализ литературы, представленный в теоретико-методологической части монографии, показывает эволюцию понимания мировой наукой проблемы отчуждения. Суть её заключается в том, что отчуждение в современном обществе является результатом трансформации традиционных, а затем и индустриальных обществ в сторону общества знаний, информации, медиатизации и гиперреальности. Для К. Маркса отчуждение есть процесс, в ходе которого работнику становятся чуждыми, враждебными продукты труда, сам труд, окружающие и он сам. Более современные исследователи отчуждения обращают внимание на то, что отчуждение как неотъемлемый «диагноз» более поздних этапов и ступеней развития капитализма, перестаёт быть доминирующей характеристикой рабочих, занятых ручным трудом, а становится общим социальным явлением в экономике и обществе в целом, и проявляется в среде «белых» и «синих воротничков», инженеров, становится характеристикой труда сотрудников, производящих и обрабатывающих знание и информацию.

Знание, техника и технологии, их применение в труде с целью производства конечного продукта, являются для инженерно-технических работников хлебом насущным. В связи с этим, в условиях информационного общества, такая профессиональная группа работников как ИТР, выглядит наиболее актуальной для исследований, так как становится основным социально-экономическим капиталом, потенциал которого так важен в условиях непрерывно обновляющейся экономики и производства. Если та профессиональная сфера деятельности, которая традиционно считается прерогативой рабочих ручного, в том числе тяжелого ручного труда, в перспективе и уже сегодня активно автоматизируется (человеческий труд заменяется техникой, механизмами), то сфера производственной деятельности ИТР, напротив, является центральной точкой приложения тех актуальных сил и процессов, которые принято называть модернизационными. Претворение в жизнь, в производство, в конкретный трудовой процесс последних разработок, технологий, знаний является прерогативой ИТР. «Пропускная способность» такого соединительного элемента системы (ИТР) между разработкой новых знаний и их практическим применением в производстве, зависит от того, насколько эта со-

циальная ступень производственного процесса является сильной, защищенной, выносливой, профессионально и личностно развитой. Иными словами, актуализируются проблемы социального, экономического, личностного капитала ИТР, как гарантов стабильности системы предприятия с точки зрения проводимости в производство новых идей, технологий, знаний.

Операционализация современной социологией такого многокомпонентного социо-экономического и культурного капитала инженерно-технических работников осуществляется с применением таких понятий, как творческое саморазвитие и профессиональная самоактуализация, личная ответственность, свобода в принятии производственных решений, удовлетворение потребностей, ожиданий ИТР и так далее. Иными словами, делается упор на проявление субъектности ИТР в труде. Исследователи делают акцент на необходимости проведения процессов деконсервации, деструктуризации тех социально-экономических условий, которые имеют место на современных предприятиях в виде бюрократии, вертикальной системы управления, жесткой формализации (К. Арджирис, Т. Хэнкок и др.).

ИТР интересны с точки зрения того, что они осуществляют значимые и важные функции на промышленных предприятиях. Во-первых, это технолого-производственные и креативные функции, которые заключаются в повышении профессионального мастерства, в аккумуляции нового вида знания с последующим его внедрением в производственные процессы на предприятии. Само по себе заимствование нового знания зачастую сопровождается его творческой переработкой и доработкой в границах конструкторских бюро предприятий.

Во-вторых, особое значение в связи с этим имеет та функция ИТР, которая направлена на адаптацию новых технологий к имеющейся уже материальной, технической и социальной (работники) базе предприятия. Эту функцию дополняет и информационная функция ИТР, которая заключается в ретрансляции новых знаний, умений и технологий другим группам работников. Помимо этой информационной, обучающей функции, инженерно-технические работники выполняют и общую социокультурную функцию передачи новых образцов поведения на рабочем месте и на предприятии в целом. Выполняют ИТР (в идеале) и управленческую функцию, определяя и направляя (на основании имеющихся у них современных знаний) стратегию развития предприя-

тия, определяют различные стороны производственного процесса. Несомненно, ИТР несут и посредническую функцию в организациях – осуществляют связь между различными группами сотрудников, например, между высшим, средним руководством и рабочими.

Таким образом, отчуждение ИТР, в границах выполняемых ими функций, характеризует процессы отчуждения ИТР от информации, от качественного оборудования, от управления, от руководства предприятия, от возможности влиять на процессы выработки решений, от управления предприятием. Особое значение имеет такая сторона отчуждения, как отчуждение от профессионального развития, в ходе которого не реализуется креативная функция инженерно-технических работников.

В целом, отчуждение ИТР, блокируя различные их профессиональные функции, ставит под угрозу важнейший процесс, который в теоретической части монографии называется «job redesign» (непрерывная модернизация предприятия) и который является важным условием жизнедеятельности любой организации в быстроменяющемся мире.

Важно отметить, что профессиональная группа ИТР представляет интерес с точки зрения того, что она является высокообразованной частью рабочего сообщества. Этот фактор учитывается в силу того, что анкета, которая мы использовалась в ходе исследования, является достаточно объёмной с точки зрения наполненности её вопросами, содержание которых требует от респондента глубоких и продуманных ответов на вопросы философского, социального и культурного характера. Ни в коей мере не преуменьшая интеллектуальных, профессиональных и других качеств личности других категорий работников, всё же полагаю, что в свете выбранной исследовательской проблемы, группа ИТР наиболее полно предоставляет возможность иллюстрации моей гипотезы, проверки целей и задач исследования. Ведь, с одной стороны, ИТР – это работники промышленных предприятий, которые являются субъектами производственных процессов и процессов отчуждения в сфере труда; а с другой стороны, ИТР – это группа работников, отчуждение которых обуславливает как трансформация экономики и её переориентация на производство и потребление знаний, так и трансформация общества в целом в сторону общества потребления, симуляции и гиперреальности, в которые ИТР также включены.

МЕТОД ОБСЛЕДОВАНИЯ

Опрос проходил в конце 2009 – начале 2010 гг. В качестве респондентов выступили ИТР, заполнявшие анкету по большей части в специально подготовленных помещениях (залах, больших кабинетах) предприятий. К заполнению анкеты привлекались работники конструкторских бюро (порой почти целиком), а также относительно свободные на момент опроса технологи, инженеры, экономисты, плановики и пр. Иными словами, выборка респондентов на предприятии основывалась на принципе, близком по содержанию методу «снежного кома». Данную выборку респондентов можно назвать и доступной неслучайной выборкой. Всего было заполнено 305 анкет (табл. 9).

В определенном смысле эти методы обследования сродни качественным методам социологических исследований, которые, не претендуя на строгую репрезентативность, высвечивают класс проблем, с которыми сталкиваются определенные социальные группы, а также социальные организации и структуры в конкретных условиях места и времени.

В целом, предлагаемый вниманию читателя социологический материал представляет собой не что иное, как продукт фиксации с помощью опросного метода отдельных моментов специфической эмпирической реальности, нашедшей отражение (в известной степени, «преломленное») в сознании отдельного сегмента ИТР 4-х крупных предприятий г. Новосибирска. Отмечу, что обследуемая совокупность – это, как правило, профессионалы высокого класса, занятые высококвалифицированным трудом и выполняющие на предприятии широкий спектр разнообразных функций – производственных, управленческих, информационных, креативных, коммуникационных, социокультурных.

Таблица 9

Распределение сотрудников, инженерно-технических работников и респондентов по обследуемым предприятиям, чел.

Предприятие	Сотрудников всего	Из них ИТР	Опрошено ИТР
1-S	1948	310	120
2-A	1300	190	137
3-N	650	100	25
4-S	1500	210	23
Итого	5398	810	305

Содержащиеся в эмпирической части монографии количественные данные ни в коей мере не могут рассматриваться в качестве устойчивых количественных оценок и априори быть распространены на какую-то иную совокупность промышленных предприятий города, что, впрочем, не умаляет достоинства проведенного исследования. Оно фиксирует фактологию «момента и места» конкретного социологического опроса, нацелено на «обобщения, приближенные к конкретным данным и контексту событий» и поднимающиеся «над простым описанием» (Ньюман, 1998, с. 101). Отметим, что такая возможность анализа как «*обобщение суждений*» позволили сгруппировать мнения респондентов, выделить как совпадающие, так и альтернативные точки зрения относительно очерченного анкетой круга проблем.

Анкета содержит 101 вопрос, ряд вопросов формулировался в табличной форме, большинство были открытыми или полузакрытыми, что еще более увеличивало нагрузку на респондентов. Однако к неожиданной работе по заполнению социологической анкеты они отнеслись заинтересованно и ответственно. Качество анкет оказалось высоким. На заполнение анкеты уходило от 45 до 90 мин. И всё же в какой мере люди были искренни и откровенны в своих ответах? Не довлел ли над ними «корпоративный дух», вызывающий к блокированию информации негативного толка, к лакировке общей картины? Опасались ли они своими ответами «не угодить» руководству и подвергнуться опале? Наверное, эти моменты присутствовали при ответах на особо острые вопросы. Однако я в свою очередь, гарантировал респондентам анонимность опроса, а также проинформировал их о том, что готовые «анонимные» анкеты не будут показаны кому-либо в стенах предприятия, а за его стенами с ними будут работать только научные сотрудники.

Анкета труженика предприятия содержит несколько разделов, краткому раскрытию содержания которых стоит уделить внимание.

Раздел I анкеты является по традиции её вводной частью и содержит вопросы о поле, возрасте, семейном положении респондентов, образовании. Оказалось, что в возрастной категории среди респондентов преобладают две группы: от 20 до 29 лет и от 50–59 лет (табл. 10).

Мужчин и женщин среди опрошенных нами ИТР примерно поровну (табл. 11).

Таблица 10

Возрастной состав респондентов, %

Возраст	%
20–29 лет	26
30–39 лет	16
40–49 лет	18
50–59 лет	27
60 лет и старше	8

Таблица 11

Распределение респондентов по полу, %

Пол	%
Мужчины	55
Женщины	45

Судя по всему, вопрос о величине заработной платы оказался болезненным для ИТР, так как 16 % респондентов отказались отвечать на этот вопрос. Наибольшая часть ИТР (примерно половина респондентов) имеет зарплату от 16 до 25 тысяч рублей (табл. 12).

Большинство опрошенных ИТР обладают высшим образованием (табл. 13).

Таблица 12

Распределение респондентов по уровню заработной платы, %

Зарботная плата ИТР	%
Меньше 7 тысяч рублей	1
7–15 тысяч рублей	22
16–25 тысяч рублей	46
26–35 тысяч рублей	12
36–45 тысяч рублей	2
46–71 тысяч рублей	1
Отказ от ответа	16

Таблица 13

Распределение респондентов по виду образованию, %

Образование ИТР	%
Высшее, 2высших	79,5
Неполное высшее	4
Среднее специальное	16

Раздел II анкеты посвящен непосредственно работе, сфере производственных отношений ИТР. Вопросы, содержащиеся в этом разделе анкеты, являются операционализацией тех концепций и теорий отчуждения, которые представлены в теоретической части работы и которые сосредоточены вокруг процесса отчуждения в труде, а также факторов и причин его возникновения. Взаимосвязь «работник-процесс труда», в ходе которого возникает отчуждение, можно представить следующими эмпирическими показателями. Это вопросы анкеты, ориентированные во-первых, на получение от респондентов информации относительно уровня их заработной платы, качества санитарно-гигиенических условий, качества материальной базы труда и степени её обновляемости. Во-вторых, раздел анкеты, посвященный труду, содержит вопросы относительно удовлетворенности ИТР работой, с точки зрения того, насколько она соответствует их профессиональным запросам и интересам, а также удовлетворенности ИТР отношениями в коллективе и с руководством. Меня интересовало и в целом отношение респондентов к своему труду, в чём они видят смысл своей трудовой деятельности. В-третьих, я спрашивал ИТР о тех факторах и условиях, которые мешают им проявлять свой трудовой потенциал в полной мере (отчуждают от труда), а также о тех условиях труда, которые бы способствовали более полному раскрытию их профессиональных качеств. Отдельная группа вопросов первого раздела анкеты посвящена выявлению мнений ИТР, которые проливают свет на их протестные настроения и протестную деятельность в границах предприятия. Не обошёл я стороной и вопрос о наличии на предприятии организаций, отстаивающих и защищающих интересы ИТР.

Раздел III анкеты посвящен жизненным ценностям и благополучию ИТР. При составлении данного раздела анкеты, в частности, опирался на утверждения современных исследователей отчуждения труда, что отчуждение это процесс, в ходе которого не происходит полного удовлетворения как базисных витальных, так и высших потребностей индивида. Поэтому я включил в анкету вопросы, ответы на которые дают представление о том, насколько ИТР удовлетворены или не удовлетворены такими сторонами своей жизни, как полноценное питание, хорошие жилищные условия, финансовое благополучие, безопасность существования, самореализация, уважение со стороны коллег. Отдельная группа вопросов раздела, посвященного благополучию ИТР, затрагивает

такие проблемы, как уверенность в будущем, возможность превращения в жизнь собственных планов, поднимает проблемы социального самочувствия (одиночество, страхи).

Раздел IV анкеты посвящен отношению ИТР к окружающей действительности и позволяет проиллюстрировать отчуждение респондентов, которое исследователи отчуждения именуют отчуждением от различных уровней реальности или в принципе отчуждением от реальности, от космоса (как совокупности элементов действительности). Соответственно вопросы данного раздела направлены на выявление мнений респондентов относительно их отношения к людям, которые их окружают, к природе, в принципе к окружающей действительности (миру). Вопросы этого раздела анкеты предлагали респондентам и пищу для размышлений о соотношении в мире деструктивных и созидательных тенденций (добра и зла), о тех проблемах российского общества, которые волнуют их в наибольшей степени. Стоит отметить, что с помощью вопросов данной части анкеты я также получил мнение ИТР относительно таких важнейших институтов современных обществ, как политика, власть и др., а значит и информацию об отчуждении от этих институтов.

2.4. Виды и форма отчуждения итр современных российских промышленных предприятий

В данном параграфе монографии речь идет о том, как представлены различные виды отчуждения инженеров современных российских промышленных предприятий и его современная форма – трансотчуждение в сферах потребления, медиа дискурса, гиперреальности и других. Теоретизация и концептуализация материала осуществляются с позиций моей гипотезы о том, что многие современные виды отчуждения в России являются результатом процессов массовой трансгрессии запретов, табу и норм в экономической, трудовой и других сферах советского общества, при сохраняющейся тенденции к их консервации. При изложении эмпирического материала я счёл нужным сохранить структуру понятийных и эмпирических индикаторов, которая является эссенцией многоплановых интерпретаций отчуждения, представленных в теоретической главе. Нижеприведенные признаки различных видов и формы отчуждения носят скорее иллюстративный, нежели чисто доказательный характер.

I. Социальное самочувствие ИТР как интегральный показатель отчуждения

Как уже отмечалось в теоретической части монографии, социальное самочувствие, удовлетворенность или неудовлетворенность в процессе трудовой деятельности, жизнью в целом, различными её сторонами, является интегральным показателем отчуждения (Семёнов, Лисовский, Арджирис, Герцберг, Фромм, Лапин). Социальное жизнеощущение позволяет увидеть отчуждение социальных, экономических, политических, культурных институтов и процессов в стране от потребностей и ожиданий людей. Иными словами, социальное самочувствие дает возможность разглядеть отчуждение в классической структурной диаде, например: между взаимоотношениями человека и общества, индивида и социального института, субъекта деятельности и процесса, в который он включён. Структурный анализ отчуждения является по сей день преобладающим в научной практике исследования феномена отчуждения и рассматривает отчуждение как результат закабаления и поглощения человека социальными институтами и структурами, которые в свою очередь являются результатами его собственной деятельности: труд (Маркс, Энгельс), политика и государство (Гоббс, Руссо), образование и культура (Симен, Фрейд, Мертон), власть, сексуальность (Фуко, Делёз, Гваттари), потребление (Бауман, Бодрийяр). Поэтому неудовлетворенность жизнью, наличие неразрешимых трудностей, неудовлетворение различных потребностей в пище, безопасности, свободе, саморазвитии, а также страхи и тревоги позволяют высветить грани отчуждения, свойственные инженерно-техническим работникам современной российской (производящей) экономики.

Стоит отметить, что моё понимание социальных институтов базируется в значительной степени на положениях американского социолога Чарльза Кули, который понимает социальные институты как продукт деятельности человеческого сознания и социального разума, а также как итог кристаллизации общественного духа. Эта трактовка имеет, на наш взгляд, ряд преимуществ перед структурно-функционалистской парадигмой в социологии, так как позволяет включить действия субъекта (актора, агента) в структуру институциональных процессов. В этом смысле ИТР как объект исследования, не выглядит лишь беспомощной жертвой институциональных условий (хотя подчас и является таковым),

но и обладает собственной функцией, направленной на изменение и трансформацию институциональных отношений.

1) Удовлетворенность/Неудовлетворенность ИТР различными сторонами жизни

Актуализированные Н. Лапиным советские виды отчуждения характеризуются, в частности, отделением сферы производства от сферы потребления, отчуждением людей от потребностей и их удовлетворения. Результаты проведенных обследований иллюстрируют тенденцию к сохранению ситуации неудовлетворения потребностей ИТР.

Напомню, что в контексте изучения отчуждения в сфере производственных отношений проблема отчуждения от низших потребностей (достойная оплата труда, хорошие санитарно-гигиенические условия) и высших потребностей (в развитии, уважении, самоактуализации) занимает центральное место и рассматривается исследователями как противоположность творческого развития и самоактуализации работника – «отчуждение versus самореализация» (Герцберг, Маркс, Ходсон, Салливан). Так, данные настоящего исследования показывают, что на уровне предприятия половина ИТР не удовлетворена в той или иной степени своей работой с точки зрения их профессионального развития (см. табл. 14).

Фактором, блокирующим профессиональное развитие и удовлетворение потребности в самоактуализации являются и трудности, связанные с ограничениями применения в трудовом процессе по максимуму всей совокупности знаний и навыков, полученных в образовании (образовательный капитал): 19% ИТР (каждый пятый) отмечают, что их образование позволяет выполнять более сложную работу, 69,5% полагают, что их образование и работа соответствуют друг другу, 9% относят свое образование к другой области, нежели их работа. Таким образом, каждый пятый сотрудник опрошенных предприятий не реализует свой творческий профессиональный капитал в полной мере, по максимуму.

Таблица 14

В какой степени Вы удовлетворены своим местом работы с точки зрения Вашего развития как профессионала, специалиста?

Вариант ответа	%
Да, удовлетворен	50.3
Не вполне удовлетворен	43
Не удовлетворен	6.6

Высшие потребности в гармоничном общении с руководством удовлетворяются лишь у половины ИТР (50% ответивших), 35% респондентов не вполне удовлетворены отношениями с начальством, при этом 7% и вовсе не удовлетворены отношениями с руководством, а 8% считают, что их удовлетворенность непостоянна, колеблется во времени).

Кроме трудностей, связанных с удовлетворением высших потребностей, даёт о себе знать и неудовлетворение потребностей более низкого регистра – в достойном материальном вознаграждении: лишь 3% считают свою з/п достойной, 65% недостаточно высокой, 13% совсем низкой.

Вне сферы производственных отношений, ответы ИТР иллюстрируют отчуждение от базисных потребностей в деньгах, хороших жилищных условиях, хорошем здоровье, полноценном питании (см. приложение 1, табл. 1, 2). В целом по России данные репрезентативных выборок «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)» говорят о тенденции увеличения числа людей, не имеющих возможности улучшить свои жилищные условия (таблицу 15) и сохранении большого числа тех, кто не может откладывать деньги на крупные покупки (табл. 16)¹.

Таблица 15

Имеете ли Вы или Ваша семья возможность при желании улучшить свои жилищные условия – купить комнату, квартиру, дом?

	Да, %	Нет, %
12 волна РМЭЗ (2003 г.)	8	88,9
13 волна РМЭЗ (2004 г.)	7,4	90,1
14 волна РМЭЗ (2005 г.)	6,8	90
15 волна РМЭЗ (2006 г.)	7,1	90,1
16 волна РМЭЗ (2007 г.)	5,6	91,9
17 волна РМЭЗ (2008 г.)	данных нет	данных нет
18 волна РМЭЗ (2009 г.)	6,1	91,5

¹ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом – Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>)».

**Имеете ли Вы или Ваша семья возможность
при желании откладывать деньги на крупные покупки – машину, дачу?**

	Да, %	Нет, %
12 волна РМЭЗ (2003 г.)	14,6	82,8
13 волна РМЭЗ (2004 г.)	13,7	84,1
14 волна РМЭЗ (2005 г.)	14,6	82,3
15 волна РМЭЗ (2006 г.)	14,9	81,8
16 волна РМЭЗ (2007 г.)	13,4	83,6
17 волна РМЭЗ (2008 г.)	данных нет	данных нет
18 волна РМЭЗ (2009 г.)	16,8	79,8

Стоит отметить, что при наличии у ИТР спектра потребностей, которые не находят своего удовлетворения, наблюдается тенденция к переудовлетворению потребностей, конsumerизму. Напомню, что в теоретической главе монографии представлены мнения современных социологов, которые рассматривают практики потребления как отчужденную активность, приводящую к самоотчуждению человека от своих личностных потребностей и бездумному следованию навязанным жизненным стратегиям, манипуляциям, стилям жизни, усечённой структуре желаний (Маркузе, Фромм, Ги Дебор, Маклюэн). Более того, и современное общество в целом, являющееся обществом потребления и технологий (как очередная фаза капитализма), ассоциируется с обществом отчуждения (Бауман, Эллюль). Некоторые и вовсе констатируют смерть субъекта как такового (Бодрийяр). Человек в границах этих представлений выглядит утратившим свои инстинкты и желания. Отныне желания продуцируются в современном обществе не людьми, а машинами и технологиями производства желаний, которые паразитируют на потребностях человеческого организма к наслаждению и удовольствию. Современный индивид таким образом – это всего лишь точка на пересечении потоков либидозной экономики (Делёз, Гваттари).

В связи с этим, любопытно отметить, что потребителю, конsumerизму (оборотная сторона отчуждения от потребностей), по их собственному признанию подвержена определённая доля ИТР – они отмечают, что склонны впадать в потребительский азарт (см. приложение 1, табл. 3). Треть респондентов указали на отсутствие денег, как условие, ограничивающее их приверженность к перепотреблению. Логично предположить, что будь у них деньги, они бы использовали их в процессе перепотребления.

Как уже отмечалось, одним из условий отчуждения в современном обществе является включенность человека в систему вещей, которая является как бы субстратом практик потребления и особое строение которой делает из общества именно потребительское общество. Одним из структурных компонентов современной системы вещей в обществе потребления является институт кредитования (Бодрийяр). Так, институт кредита, присущий капитализму и позволяющий удовлетворять потребности, тем не менее, становится источником отчуждения. Ведь обладая вещью, приобретенной в кредит, человек над ней не властен, она еще полностью не его и может быть экспроприирована (отчуждена) в случае невыплаты процентов или в силу других обстоятельств. Массовое отчуждение людей от собственности, приобретенной в кредит, произошло в частности, в разгар финансового кризиса 2008–2010 г.г. Российские реалии кредитования таковы, что характеризуются большей процентной ставкой по кредиту (порой в десятки раз превышающую европейские аналоги: 15–40% против 1–5%), а, следовательно, и большей степенью невозврата кредитов, большим риском вероятного отчуждения вещей. Показательно, что ИТР отмечают: невозможность оплаты кредита заставляет их тревожиться, когда они думают о своём будущем (см. приложение 1, табл. 4).

Подытоживая, можно заключить, что ответы ИТР обследуемых промышленных предприятий иллюстрируют палитру неудовлетворения ими разнообразных потребностей, которое на основании теоретических положений социологов современности об отчуждении, может быть расценено как самоотчуждение ИТР – отчуждение от потребностей, от самореализации, от профессионального развития. Отчуждение от базовых потребностей ИТР иллюстрируется тем, что не удовлетворяются в полной мере потребности ИТР в пище, безопасности, жилье, хорошем здоровье (присутствуют настолько, насколько отсутствуют). Отчуждение от высших потребностей характеризуется отсутствием или недостаточной возможностью профессионального развития, самореализации определённой части ИТР. Трансотчуждение от потребностей в сфере производственных отношений, в труде проявляется в том, что де-юре, обладая большими правами и властью, нежеле в советское время (образование акционерных обществ и смена формы собственности, как факторы и возможности к расширению субъектности человека труда), работники, тем не менее, де-факто,

не имеют возможности их использовать, испытывают отчуждение от власти и управления, удовлетворения потребностей в самореализации. Об этом, в частности, говорится ниже, в разделе, ведущем речь о форме собственности.

За пределами предприятия, современное трансотчуждение в сфере удовлетворения или неудовлетворения потребностей проявляется в том, что трансгрессивный переход от советского общества (разрушение ограничений, запретов в потреблении) к современному российскому обществу (потребление в котором разрастается), привел к формированию отчуждения, которое является результатом осуществления практик потребления и включения в потребление современной системы вещей. Таким образом, если раньше советские люди были отчуждены от потребностей в силу того, что у них не было возможности их удовлетворить, то сегодня, при сохранении этой тенденции в неудовлетворении потребностей, появляется и новая тенденция – отчуждение, как результат переудовлетворения потребностей, консюмеризм. Трансотчуждение в данном случае есть результат сосуществования в российском обществе двух видов отчуждения: отчуждения от удовлетворения потребностей и отчуждения как результата перепотребления, консюмеризма (отчуждение от духовности, товарный и денежный фетишизм).

2) Безопасность/Страхи, тревоги; Уверенность/Неуверенность ИТР

Отечественными исследователями отчуждения выделяется один из основополагающих видов советского отчуждения – отчуждение от безопасности (Лапин), как проявление страха за свою жизнь, незащищенности перед лицом власти, различных карательных органов, правового нигилизма и отчуждения от права в условиях тоталитарного советского строя (Гревцов). С критических позиций западных ученых отчуждение также является спутником страха (жидкого), который в свою очередь является элементом жизни в жидком и индивидуализированном обществе (Бауман, Сеннет), обществе риска (Бек). Основываясь на данных положениях и соотнося их с ответами респондентов, полагаю, что последние иллюстрируют факт того, что чувство безопасности ИТР находится на достаточно низком уровне.

Так, на уровне предприятия почти половина работников указывает на отсутствие каких либо организаций (наподобие профсоюзов), которые могли бы представлять и защищать их интересы, обеспечивать их уверенность в будущем, поддерживать (см. табл. 17).

**«Какие общественные организации
могут эффективнее всего защищать и отстаивать
интересы работников на Вашем предприятии?»**

Вариант ответа	%
Традиционные профсоюзы	27
Новые независимые профсоюзы	14
Советы трудовых коллективов	7
Политические партии	3
Нет таких организаций	43
Другое	3

Четверть ответов респондентов приходится и на опасения, связанные с увольнением и безработицей, которые сопутствуют мыслям о будущем, 15% ответов приходится на опасения, связанные с бедностью, нищетой: (см. приложение 1, табл. 4).

Вне сферы труда, в общем социальном контексте ответы ИТР высвечивают следующие проблемы, которые вызывают у них, судя по всему, тревоги, страхи, напряжение. Так, ответы на вопрос «Назовите проблемы российского общества, которые волнуют Вас в наибольшей мере» демонстрируют, что наибольшее волнение и недовольство у ИТР вызывают «чиновничий беспредел» и коррупция, оторванность правящего класса от народа, высокий уровень преступности и социальной напряженности (см. приложение 1, табл. 6). Иными словами, мы являемся свидетелями характеристик старых (советских) видов отчуждения, описанных отечественными теоретиками с позиций отчуждения от власти и безопасности.

Уверенность в своем будущем респонденты оценивают средне (по пятибальной шкале): важность уверенности в завтрашнем дне ИТР оценивают на 4,7, а реальное присутствие в их жизни такой уверенности на 2,7 (см. приложение 1, табл. 7). Думая о будущем респонденты испытывают тревогу и страх, ожидают худшего, часть ИТР о будущем вовсе стараются не думать и живут одним днём; комфорт и спокойствие испытывает совсем незначительное число респондентов, для половины определяющим словом является «надежда» (см. приложение 2, табл. 8). Планы на будущее строит примерно треть респондентов, остальные не строят планы на будущее вовсе или строят на короткий срок (см. приложение 1, табл. 9).

В целом, выше представленная палитра мнений ИТР может быть охарактеризована с точки зрения о консервации такого старого (советского) вида отчуждения, как отчуждение от безопасности, обусловленного чувствами страха и незащищенности перед властью, оторванностью данного института от народа, его дисфункциональностью (власть, действующая против своих подданных, а не во благо им). Отчуждение от безопасности иллюстрируется ответами ИТР, которые содержат интенцию о конкретном отсутствии организаций (профсоюзов), призванных защищать работника в его профессиональной сфере. Очевидно, что трансгрессивные процессы по преодолению запретов и ограничений в сфере политической жизни, политических институтов советского общества, предполагающие сокращение дистанции, пропасти между населением и властью, упразднение взаимного отчуждения не привели к должным результатам. Ответы респондентов являются тому подтверждением. Полагаю, что советский вид отчуждения от безопасности сохраняется. Кроме того, по видимому, стоит говорить и о виде отчуждения от безопасности, который свойственен современным западным обществам и который описывается с позиции понятия «жидкого страха», когда фоновый, диффузный, перманентный страх присутствует в сознании индивида постоянно. Условием такого жидкого страха сегодня, является неопределенность, быстро меняющиеся условия существования, нестабильность «жидкой жизни» и общества риска.

3) Солидарность/ Изоляция, одиночество, разобщённость

Социология и философия проводят тесные параллели между отчуждением и переживанием одиночества (Хорни, Фромм, Фрейд, Симен), а некоторые отождествляют их (Курицына, Корнющенко-Ермолаева). Изоляция, одиночество и отчуждение сопутствуют аномии и разрушению общественной солидарности (Дюркгейм, Мертон). Более того, аномия является одним из измерений, векторов отчуждения (Симен). Страх, тревога, нестабильностью существования, недолговечность социальных связей усугубляют чувства одиночества, грусти, безысходности (Бауман). В мировой литературе и социальных дисциплинах отчуждение как одиночество и изоляция передается той совокупностью смыслов, которая может быть определена как «духовное сиротство»: хождение человека по кромке мира, который ему непонятен, холоден, чужд и к которому он не причастен, выброшен в него (Камю, Сартр, Бердяев, Шестов, Бойцов, Хайдеггер).

Проводя исследование, я обнаружил, что чувства одиночества, тоски и грусти периодически или постоянно испытывает определенная доля ИТР, при этом примерно каждый десятый респондент испытывает их часто (см. приложение 1, табл. 10, 11). Стоит отметить, что при мыслях о будущем ИТР волнуют такие острые проблемы современных обществ, как одиночество и распад семьи (см. приложение 1, табл. 4).

В производственной сфере солидарность ИТР, судя по их ответам, не выглядит сильной. Во-первых, в той или иной степени не удовлетворены респонденты отношениями с начальством (более трети), есть и те, кто не удовлетворён ими вовсе (табл. 18).

Во-вторых, примерно половина респондентов оценивают их отношения с коллегами как поверхностные, безразличные, неприязненные (см. приложение 1, табл. 12). Такие явления как доверие в коллективе и к руководству, взаимопомощь и дух корпоративности на предприятии (которые являются своеобразными социальными спайками солидарности и сплоченности), ИТР оценивают средне (2,9 по пятибалльной шкале). Показательно, что предпочтение личным интересам над коллективными (учитывая по возможности интересы других) в контексте трудовых отношений отдают более трети респондентов (см. приложение 1, табл. 13).

Стоит добавить, что сильное влияние на процессы социальной атомизации оказывает медиатизация общества (повсеместное использование компьютеров, мобильных средств коммуникации, гаджетов). В последнее время все более пристальное внимание социологов привлекает к себе феномен медиатизации рабочих организаций и предприятий – в нашей работе этот вопрос освещается скорее теоретически (Хэнкок, Грэнди, Миллз). Однако некоторые эмпирические данные относительно виртуализации жизненного мира ИТР за пределами их работы я всё же получил. Напомню, что медиатизация, виртуализация, способствуют изоляции индивидов от реальности, разрывом с привычным социальным окружением через уход в виртуальное общение, в гиперреальность, субстратом которой являются симулякры (Жижек, Бодрийяр). Эмпирической иллюстрацией к теоретическим выкладкам современных социологов служит обнаруженный нами факт: треть опрошенных нами ИТР практикует виртуальное общение (табл. 19).

Эти данные согласуются с общими данными по стране: согласно РМЭЗ количество людей, которые используют интернет в качестве средства общения, увеличилось с 3,6% в 2003 году до 21% в 2009 году (данные репрезентативной выборки)¹ (табл. 20).

Таблица 18

«В какой степени Вы удовлетворены своим местом работы с точки зрения отношений с руководством?»

Вариант ответа	%
Удовлетворен	50
Не вполне удовлетворен	43
Не удовлетворен	7

Таблица 19

«Практикуете ли Вы виртуальное общение в личных, а не в рабочих целях (чаты, форумы, icq и т.д.)?»

Вариант ответа	%
Да	33
Нет	67

Таблица 20

Вы пользовались Интернетом в течение последних 12-ти месяцев для общения с другими людьми?

Волны РМЭЗ (год)	Количество пользователей ответивших утвердительно, %
12 волна (2003 г.)	3,6
13 волна (2004 г.)	4,1
14 волна (2005 г.)	4,7
15 волна (2006 г.)	7,7
16 волна (2007 г.)	10
17 волна (2008 г.)	15,7
18 волна (2009 г.)	21

¹ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом – Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>)».

Таким образом, помимо различных иллюстраций традиционного социального отчуждения (одиночество, изоляция, поверхность отношений), наличествуют и новые тенденции, приводящие к отчуждению, являющемуся результатом медиатизации общества, его виртуализации. Это происходит в результате отчуждения реального мира в его сверхреальную форму – гиперреальность. Осуществляется перевод, перекодировка реальности в знаки, коды, символы, изображения и т.д. Совокупность этих «старых» и «новых» видов отчуждения образует современную форму отчуждения – трансотчуждение.

4) Активность/Апатия

Апатия имеет прямое отношение к таким модусам отчуждения как бессилие и бессмысленность (Симэн). В ситуациях, в которых человек ощущает свои беспомощность и бессилие, апатия проявляется через отказ от активной деятельностной позиции (в обыденной жизни по отношению к такому поведению используют такие понятия как «опустить руки», «уйти в себя» и т.п.). Крайним примером является самоубийство (Дюркгейм). Эти «классические» примеры отчуждения проявляют себя в случаях тотального поглощения человека социальными структурами и институтами, противостоять которым человеку сложно. Апатия имеет место в жизни индивида, когда он бессилён изменить ход и характер процессов (трудовых, политических, культурных), в которые он вовлечен (Маркс, Фрейд, Руссо, Лапин, Адорно, Хоркхаймер и др.).

Для теоретиков постмодернизма апатия является важной характеристикой современных обществ, появление которой обуславливают рутинизация практик потребления, а также усыпляющее, анестезирующее и деструктивное воздействие на сознание индивида средств массовой информации (Бодрийяр, Келлнер, Маклюэн).

Некоторые исследователи, напротив, отмечают, что ощущения бессилия и бессмысленности не только притупляют инстинкты людей (апатия, депрессия), но и мобилизуют инстинктивные, активные начала в человеке, мотивируют его на борьбу с проблемной, безвыходной ситуацией, пробуждают в нём зачатки борьбы против угнетающего воздействия социальных институтов, «системы». В качестве примеров обычно приводят акции протеста, голодовки, забастовки, революции. Иными словами, несмотря на то, что классические трактовки отчуждения рисуют образ

отчужденного человека как раба системы, социальных структур и институтов, в то же время они оставляют за человеком и деятельностную функцию, роль преобразователя социальной действительности. Инкорпорируя ответы респондентов в контекст представлений о том, что человек является, прежде всего, действующим субъектом, актором, агентом, полноправным участником процессов, в границах сил притяжения которых он находится, я отметил, что примерно у каждого пятого ИТР возникало желание принять участие в акциях протеста на предприятиях, на которых он работает, а 8 % опрошенных честно заявили о своём участии в акциях протеста (см. приложение 1, табл. 14). С одной стороны, ответы респондентов иллюстрируют активный личностный потенциал, которым обладают ИТР и направляют на преобразование социальных условий их существования в сфере труда в ситуациях бессилия, отчуждения. С другой стороны, подобная протестная деятельность является подтверждением структурно-институциональных факторов отчуждения респондентов в сфере трудовых отношений, которое они и пытаются преодолеть с помощью протестного поведения (невыплата и низкий уровень заработной платы, недовольство деятельностью вышестоящего начальства, условиями труда и т.д.).

В целом активность ИТР в труде не выглядит высокой – лишь половина сотрудников, по их собственным оценкам, работают в полную силу (см. приложение 1, табл. 15). По моему мнению, социальными факторами, уменьшающими производственную активность, являются те, которые ИТР определяют как трудности, не будь их, они работали бы лучше: заработная плата, отсутствие внимания (заботы) к работникам со стороны руководителей, ограничение в проявлении инициативы, недостаток справедливости (см. приложение 1, табл. 16).

В итоге, в контексте представлений о том, как представлено отчуждение ИТР российских промышленных предприятий в связи с их социальным самочувствием, я прихожу к выводу о том, что данные обследования иллюстрируют, во-первых, такие традиционные (советские) виды отчуждения, как отчуждение от потребностей (в пище, крове, самореализации), от безопасности (ощущение тревоги, страха, апатии), от власти (отчуждение института власти от народа, отчуждение народа от политических подструктур – партий), от развития. Во-вторых, полученные результаты позволяют говорить о наличии тех новых (западных)

признаков отчуждения, которые возникли в результате трансгрессивного перехода российского общества в его постсоветскую фазу и повлекшего усиленное включение России в глобализационные процессы, приведшие к усиленной медиатизации и информатизации отечественного социума, формирования общества потребления. Видами отчуждения в данном случае являются отчуждение от собственной личности или разных её сторон (самоотчуждение), как результат следования навязанным стилям жизни и удовлетворения искусственно сформированной структуры потребностей в обществе потребления (консумеризм). Обращает на себя внимание и отчуждение от реальности, проявляющееся в практиках виртуального общения.

II. Инклюзия/Эксклюзия ИТР в различные сферы предприятия и общества

1) Информационные потоки

Социальная мысль (как классическая, так и современная) отводит информационному взаимодействию главенствующую роль в формировании отчуждения. Такое направление как «социология невежества», педалирует идею о целенаправленном отчуждении определенных социальных групп от информации (Функенштейн). Более ортодоксальные социологические понятия «идеология», «утопия» и «гегемония» выполняют в социологии похожую функцию, которая заключается в критической интерпретации воздействия знаний, информации и смыслов на сознание человека, а также на поведение определенных групп общества, его классов и страт (Грамши, Парето, Моска, Мангейм, Маркс). Механизмы манипуляции знанием и структура его дистрибуции (прямое воздействие или диффузное) являются основными при осуществлении власти и управления, сопутствуют бюрократизации и рационализации общества, которые выступают основными предпосылками отчуждения (Вебер, Фуко, Делёз). Развитие информационных технологий и медиатизация общества способствуют не только более быстрой и разветвленной схеме дистрибуции информации, но и её сокрытию, искажению, цензуре. В контексте исследований отчуждения главенствующая роль отводится манипуляторной функции СМИ над обществом, которая становится возможной в результате огосударствления прессы, телевидения и т.п. Данный феномен является универсальным, однако в наиболее сильной форме он присущ тоталитарным обществам, с жестким

контролем над социумом со стороны государства (Лапин, Ги Дебор, Маклюэн).

Предприятие, как система или поле взаимодействия различных сил в контексте производственных отношений, очевидно, также является системой, которая функционирует при помощи информационного обмена, а, следовательно, и практик сокрытия информации и знания. Отчуждение в данном случае является, во-первых, отчуждением от информации и знания любого характера, а во-вторых, отчуждением от каких либо культурных, властных или материальных ресурсов, являющееся результатом отчуждения от информации.

В свете выше представленных идей ответы ИТР, иллюстрирующие их отчуждение от информации, являются весьма ожидаемыми. Свой доступ к информации о различных сторонах, структурах предприятия ИТР оценивают как средний (3 по пятибалльной шкале).

В непроизводственной сфере большая доля ИТР, по моему мнению, также отчуждена во многом от правдивой, альтернативной, достоверной и разнообразной информации. Утверждая это, я опираюсь на данные обследования, которые показывают, что большинство опрошенных работников отдаёт предпочтение телевидению как средству информации. Так как ТВ в России являет собой сильно государствленную форму, я прихожу к выводу о его чрезвычайно сильной роли в процессе отчуждения от информации. Так, еще в СССР отсутствовала разветвленная структура телевизионного вещания. Все каналы являлись собственностью государства, контролировались им и выполняли в основном идеологическую функцию, отчуждая, блокируя доступ населения к разнообразной и правдивой информации. Эту ситуацию Н. Лапин характеризует в терминах отчуждения от правдивой информации (Н. Лапин). Важно отметить, что запрет налагался не только на альтернативные идеологические точки зрения, но и на передачи развлекательной (ток-шоу, реалити-шоу) и музыкальной направленности, а также на трансляции, контент которых в себя различные демонстрации сексуальности и эротизма. Логично предположить, что процесс трансгрессии как преодоления запретов, свойственных советскому телевидению, должен был бы способствовать упразднению отчуждения людей от правдивой информации и от свободного выбора передач разнообразной направленности, однако, пролиферация медиа-сферы российского

общества в начале 90-х не уменьшила отчуждение, а напротив усилила его, сформировав таким образом новую форму отчуждения от информации в современной России – трансотчуждение. Этому способствовало проникновение в российскую действительность, в частности, таких практик как реклама. Например, предметом массовых манипуляций со стороны института рекламы и PR-технологий (медиумом которых выступает телевидение) над личностью стала сексуальность, а также различные стратегии и социальные практики общества потребления. При этом, если в ранних 90-х политика различных телеканалов (прежде всего НТВ) позволяла освещать различные политические точки зрения и мнения оппозиции, то со временем, современное российское телевидение вернулось к идеологической цензуре, являясь в большинстве случаев рупором партии власти, исключая участие в медиа-дискурсе представителей иных политических убеждений. Данные процессы в целом соответствуют представлениям о феномене трансгрессии, которая зачастую не отменяет запреты полностью, а лишь приостанавливает их действие и видоизменяет в перспективе. На мой взгляд, в случае с современным российским телевидением можно говорить о гиперболизации отчуждения, возведении его интенсивности в наивысшую форму. Иными словами, продолжая культивировать отчуждение от правдивой и разнообразной информации, современное российское телевидение усиливает его потенцирующим влиянием интертеймента и ориентацией на консюмеризм. Не случайно лауреат премии Владислава Листьева и известный российский журналист Леонид Парфенов не так давно диагностировал смерть российского телевидения, которая явилась результатом его государственствования. По его мнению, информация, представляемая современным российским телевидением «не информация вовсе, а властный пиар и антипиар» (Л. Парфенов, 2010). Режиссер Андрей Кончаловский, высказываясь о современном телевидении, в эфире радиостанции «Эхо Москвы» довольно точно отметил отчуждающий характер телевизионного медиа-поля: «судя по тому, когда я смотрю телевидение, я вижу, что телевидение перестало быть вообще окном в мир, оно стало огромной стеной, ярко сияющей, которая отделяет зрителей от мира» (А. Кончаловский, 2010).

Примечательно, что сеть интернет выступает сегодня полной противоположностью телевидения, так как является медиа-пространством, расширяющим возможности потребителя в получе-

нии информации, её выбора и возможности обмена этой информацией с другими пользователями сети. Интернет сегодня выполняет медиа-функцию свободного общественного дискурса в российском обществе, которую некогда в советском обществе выполняли кухни. Интернет-пользователь сегодня является не просто пассивным «приёмником» информационного шума, производимого телевидением, но активным сортировщиком и интерпретатором информации.

Возвращаясь к респондентам, а точнее их ответам на вопрос относительно предпочтений в получении массовой информации, замечу, что число пользователей интернетом, как СМИ предполагающим включенность людей в более разнообразные информационные потоки и дискуссии (форумы, живые журналы, дискуссии и т.д.) среди ИТР значительно меньше, чем число приверженцев телевидения (табл. 21).

В своих размышлениях относительно отчуждающей функции российского телевидения я опираюсь на утверждение канадского социолога Маршала Маклюэна о том, что «medium is the message» (послание есть само сообщение): независимо от того, какое содержание несёт в себе сообщение, независимо от того, какова его структура – оно всегда выполняет одну, заданную ему функцию. Поэтому на мой взгляд, поменяв свой контент (содержание передач), российское телевидение сохранило прежнюю советскую функцию – отчуждение населения от информации. Причем данная функция является целенаправленно заданной современной властью, так как телевидение сегодня – это в большинстве случаев огосударственный институт. Учитывая то, что просмотр телевидения является поистине массовым явлением (и почти что обязательным, как это было в случае с посещением церкви в традиционных обществах) и занимает большое место в жизни наших респондентов, мы полагаем, что ответы ИТР четко иллюстрируют тенденцию к сохранению отчуждения от информации в современной России. Стоит добавить, что отчуждающая функция телевидения изучается современной социологией еще и с точки зрения того, как она формирует другие виды, проекции и измерения отчуждения (например, политического) помимо собственно отчуждения от информации.

Таблица 21

«Какое количество времени, по Вашим оценкам, Вы уделяете СМИ?»

СМИ	Очень много %	Много %	Не много, мало %
ТВ	14.4	46.5	39
Интернет	12	23	65

Таким образом, я полагаю, что контент (содержание) и политика современного российского телевидения являются ведущим фактором консервации тенденции к отчуждению от правдивой информации. Пролиферация телевизионного поля имеет место в сфере интертеймента (развлекательных программ) и рекламы, в то время как свободный дискурс альтернативных партии власти политических течений цензурируется. Имеет место общая цензура мнений, суждений и оценок, направленных против современной российской политической идеологии. Трансгрессивные процессы в медиа-сфере российского общества хотя и способствовали относительному преодолению советского вида отчуждения от просмотра развлекательных, эротических, религиозных и других передач (в середине 90-х некоторое время существовал и свободный политический телевизионный дискурс), все же скрывают глубинный, и по-прежнему, советский вид отчуждения – отчуждение от разнообразной и прежде всего разнообразной политической информации.

2) Управление

Далее, (в иллюстративной форме) я хотел бы показать наличие отчуждения ИТР от процессов управления и принятия решений на предприятиях российской промышленности. Проблемам отчуждения в сфере производственных отношений (в том числе от процесса управления, принятия решений) посвящен целый параграф теоретико-методологической части монографии, в котором представлены различные теоретические аспекты изучения данного явления (Валлас, Арджирис, Аппельбаум, Мотгаз, Моррис).

В целом же, отчуждение от управления понимается как процесс отчуждения от власти и возможности управлять социальными и производственными процессами на предприятии (микроуровень), страной через выражение своей политической воли (макроуровень). Ключевыми факторами, способствующими процессам отчуждения на предприятиях, является бюрократическая социальная структура, а также формализация и централизация производственной деятельности. Упразднение отчуждения работников в связи с этим видится современными исследователями отчуждения в расширении полномочий тружеников и их сферы принятия решений. Центральным решением проблемы отчуждения и гуманизации сферы труда выступает создание постбюрократической социальной структуры предприятия.

Опираясь на выше представленные положения при анализе ответов наших респондентов, я полагаю, что последние являются яркой иллюстрацией отчуждения от управления в области производственных отношений, в сфере труда. Эту точку зрения весьма наглядно демонстрирует распределение ответов ИТР на вопрос относительно их участия в жизни предприятия – степень своего участия в решении общепроизводственных вопросов и в управлении производством респонденты оценивают чаще как среднее, плохое и очень плохое (см. приложение 1, табл. 19). Важно обратить внимание на то, что большинство ИТР отмечают, что не видят смысла в обращениях к руководству предприятия с целью улучшений условий труда, организации производства (табл. 22).

Таблица 22

«Есть ли смысл добиваться от высшего руководства предприятия (директора, его заместителей и пр.) улучшения условий труда, организации производства, обоснованного повышения зарплаты труда?»

Вариант ответа	%
Да, смысл есть, потому что руководители прислушиваются к мнению работников и делают все, что от них зависит	9.6
Есть смысл, но только чтобы привлечь внимание	53
Руководство предприятия расположено так высоко на иерархической лестнице, что степень осознания им остроты проблем рядовых работников невысока	36.5
Не знаю	1

Таким образом, я полагаю, что эти данные (низкая оценка ИТР своей способности влиять на производственные процессы, стороны труда и управление) демонстрируют тенденцию к сохранению авторитарных стилей управления предприятиями и бюрократической социальной архитектоники последних, а значит и тенденцию к сохранению процессов отчуждения ИТР. На это указывают и ответы экспертов – директоров предприятий, для которых наиболее актуальными методами управления персоналом являются именно авторитарный стиль и авторитарный стиль с элементами демократии. Крайне показательно, что чисто демократический стиль как вариант управления предприятием не выбрал ни один из директоров, принимавших участие в экспертном опросе (см. приложение 1, табл. 20).

В итоге я прихожу к следующему выводу: реформы конца 1980–90-х гг., которые рассматриваются как трансгрессивные процессы преодоления барьеров, сдерживающих личностное уча-

стие работников в деятельности предприятия, препятствующих проявлению их властных полномочий в сфере труда, не привели к ожидаемым, по крайней мере, к декларируемым результатам. Главным среди оных обозначалась общая гуманизация, демократизация производственных отношений, в том числе через изменение формы собственности предприятий, а, следовательно, через расширение властных функций рабочих, как частичных собственников предприятий. Трансотчуждение в данном случае является новой формой отчуждения, которая складывается в условиях транзисии российской экономики, в ее производственном и промышленном секторе в частности и характеризуется наличием прежнего отчуждения работников предприятий от власти, но уже на других экономических (рыночных, капиталистических), правовых, юридических, моральных, политических основаниях, чем прежде.

3) Политика, власть

Политическое отчуждение и отчуждение от власти проявляется в том, что люди не могут или не хотят принимать участие в процессах политического управления страной, осуществлять свою политическую волю, проводить во власть свои идеи, надежды, решения. Согласно гипотезе исследования и данным, полученным в результате обследования крупных промышленных предприятий, такие советские виды отчуждения, как отчуждение от власти и политическое отчуждение, иллюстрируются мнением респондентов достаточно четко. Так, при наличии некоторого спектра политических движений в России половина ИТР отмечают, что для них не существует партии, которая бы отражала их интересы, треть по традиции поддерживает партию власти (табл. 23).

Таблица 23

«Какая политическая партия, на Ваш взгляд, наиболее полно отражает сегодня Ваши интересы, взгляды, настроения, нужды и чаяния?»

Варианты ответа	%
Нет такой партии	50
Единая Россия	29
Нацисты	0.3
Партия любителей пива	0.7
ЛДПР	4.6
КПРФ	7.5
Правое дело	0.7
Справедливая Россия	2.6
Не знаю	2

На региональном уровне отчуждение от власти проявляется в том, что выборы губернаторов отменены, последние назначаются президентом. Различные митинги, акции протеста, являющиеся выражением недовольства людей и характеризующие их отчуждение от власти, в современной России жестоко подавляются, для проведения последних необходимы специальные разрешения, выдача которых осуществляется по непонятным и непрозрачным механизмам.

Полагаю, что политический плюрализм представлен в современной России в виде очередного эфемерного симулякра, а процесс отчуждения от власти функционирует по принципу отчуждения людей от возможности реализовывать свои реальные политические интересы и осуществлять действительное управление страной. Трансгрессия в политической сфере российского общества, как процесс диверсификации и пролиферации политических течений, реально имеющий место в начале-середине 1990-х гг., сегодня сведён на нет правящей элитой и партией власти. Например, цензура в СМИ не дает возможности населению получать информацию о политических альтернативах «Единой России».

Эти идеи соответствуют представленным в теоретической части работы воззрениям Ги Дебора о двух видах общественного спектакля и социального отчуждения соответственно: распылённом (Запад) – гегемония потребления и концентрированном (СССР) – гегемония тоталитаризма, которые со временем интегрируются в одну общую форму – в нашем случае трансотчуждение. Таким образом, трансотчуждение является результатом формирования гибридной формы социального спектакля, совмещающем в себе диктат потребления и сильный репрессивный аппарат. Если советское общество было отчуждено от власти в силу того, что у её рычагов стояла лишь номенклатурная верхушка, отчуждающая от управления всех остальных, то современное российское общество отчуждено от власти с одной стороны, по прежнему по причине гегемонии партии власти, а с другой стороны, посредством современных медийных технологий, которые не только цензурят альтернативные политические точки зрения, но и во многом создают иллюзию политической свободы в России.

4) Потребление

Консюмеризм является оборотной стороной отчуждения от потребления и удовлетворения потребностей (базисных и духов-

ных, культурных). Общество потребления, как определенный этап развития капитализма, для современных социологов в целом является синонимом общества отчуждения. Парадоксальность данной и схожей с ней точек зрения заключается в том, что адаптированные, включенные в современные практики потребления индивидуальные рассматриваются, тем не менее, как самоотчуждённые и потерявшие свою истинную человеческую природу, функцию. Потребление трактуется как форма «негативной» включенности (инклюзии) в современное общество (Бауман, Маркузе). Речь идёт не просто о потреблении системы вещей (Бодрийяр), но и в целом о потреблении культурных, духовных ценностей, например, таких как популярная классическая музыка, театр, кинематограф, которые являются проводником конформизма и характеризуют в целом извращенный характер современного общества (Адорно, Хоркхаймер). В этом смысле любой социальный институт и любая социальная практика являются проводниками Эдиповой, бюрократической и подавляющей структуры общества (Делёз, Гваттари).

В советском обществе люди были массово отчуждены от удовлетворения потребностей. Мнения опрошенных нами ИТР иллюстрируют тенденцию к сохранению процесса отчуждения от потребностей – часть работников отмечают, что испытывают недостаток в качественной здоровой пище, крове и т.д., впрочем, при этом предоставляют новые данные о таком процессе отчуждения, как перепотребление. Эти два вида отчуждения, образуя как бы два полюса одного и того же явления, своеобразный континуум (недопотребление – перепотребление), формируют особую гибридную форму отчуждения в современной России – трансотчуждение. Согласно ответам ИТР, часть из них подвержены перепотреблению – они отмечают, что время от времени впадают в потребительский азарт (см. табл. 24).

Таблица 24

«В какой мере Вы подвержены потребительскому азарту?»

Вариант ответа	%
Такой азарт мне не свойственен	37
У меня мало денег	34
Не люблю заниматься покупками	18.7
Время от времени впадаю в потребительский азарт	9
Другое	1.3

Таким образом, можно заключить, что мнения, оценки, ответы ИТР современных российских промышленных предприятий иллюстрируют отчуждение от информационных потоков (как в сфере труда, так и за её пределами), от процессов управления на предприятии, от процессов осуществления политической власти, а так же дают примеры негативной включенности в практики перепотребления (консюмеризм). Отчуждение в данном случае является трансотчуждением – совокупностью прежних (советских) и новых (западных) видов отчуждения.

III. Цели и возможности их достижения.

1) Локус контроля позволяет рассматривать ситуацию отчуждения с точки зрения того, насколько вероятной причиной отчуждения являются действия самого человека, а также его собственная оценка ситуации. При этом сценарии преодоления отчуждения, тоже с большой долей вероятности зависят от внутреннего или внешнего локуса контроля. Так, данные новейших исследований взаимосвязи локуса контроля и труда, в частности, показывают, что различные проявления вербальной, скрытой, поведенческой агрессии (которая, безусловно, имеет место и в сфере трудовых отношений и выражается в спорах, конфликтах, осуждениях, акциях протеста), положительно коррелируют с внешним локусом контроля, в то время как внутренний локус контроля положительно связан с высокой мотивацией труда, удовлетворением от выполненной работы и положительным социальным опытом (Osterman; Sorensen, Eby).

Используя эти социологические данные, я применил метод кросстабуляции с целью посмотреть, как взаимосвязаны различные локусы контроля ИТР с тем, насколько в их жизни присутствуют процессы отчуждения, в частности, отчуждение от достижения цели и отчуждение от управления. Для начала я установил, что половина респондентов в равной степени оценивают влияние своих личных качеств и независящих от них обстоятельств на жизненный успех. Остальные чаще склонны приписывать личным качествам определяющую роль в достижении успеха (см. табл. 25).

Таблица 25

«В какой мере Ваш жизненный успех зависит от Ваших личных качеств, а в какой – от независящих от Вас внешних обстоятельств?»

Вариант ответа	%
В основном определяется моими личными качествами (внутренний л.к.)	30
В равной степени определяется моими личными качествами, так и внешними обстоятельствами (смешанный л.к.)	56
Лишь немного определяется моими личными качествами (внешний л.к.)	12

Далее, анализ ответов ИТР на вопрос о том, осуществляются ли в их жизни планы и желания, показал положительную связь между группой работников с внешним локусом контроля и точкой зрения о том, что в жизни им удалось достичь немногого, и, видимо, многое уже не удастся осуществить ($Z=5.4$). Положительная связь обнаруживается и между группой работников, обладающих внешним локусом контроля и ощущениями тревоги и страха при мыслях о будущем ($Z=3$). Аналогичным образом несчастливы и не удовлетворены достигнутым в жизни работники с внешним локусом контроля ($Z=2.38$). Показательно, что не видят смысла добиваться от высшего руководства предприятия улучшения условий труда (так как будут иметь лишь неприятности), повышения з/п работники с внешним локусом контроля ($Z=4.18$). Важным, на мой взгляд, является наличие отрицательной связи между внешним локусом контроля и убеждением ИТР о том, что «от того как я работаю, непосредственно зависят производственные успехи предприятия» ($Z=-2.92$); а также положительной связи между внешним локусом контроля и утверждением «я рядовой работник и от меня, к сожалению, производственные успехи на предприятии зависят мало» ($Z=2.71$). Честный добросовестный труд и его роль в продвижении работников на предприятии, слабо взаимосвязаны, по мнению ИТР, с внешним локусом контроля ($Z=-4.44$). Любопытно, что внешний локус контроля положительно соотносится с мнением работников о том, что разрешать возникающие между рядовыми работниками конфликты не удаётся никогда ($Z=3.2$).

В итоге, я полагаю, что наличие у ИТР промышленных предприятий внешнего локуса контроля во многом определяет отчуждение, в частности отчуждение от достижения своих целей, реализации планов, препятствует разрешению конфликтных ситуаций, возникающих в производственном коллективе. Вероятно, данное предположение имеет смысл распространить и на проблему отчуждения от развития (развитие как результат достижения определенных целей), так как думая о своем будущем ИТР с внешним локусом контроля испытывают негативные чувства.

На мой взгляд, метод использования концепции локуса контроля при анализе отчуждения может способствовать развитию того направления исследований, которое рассматривает деятельность, личностные особенности, коммуникацию, интеракцию,

конструирование социальной реальности людьми как факторы отчуждения. Этот «деятельностный» подход изучения отчуждения в социологии находится пока еще в зачаточном состоянии и в основном реализуется на базе этнометодологической парадигмы в социологии (анализ разговоров). К тому же он позволяет найти альтернативы традиционному подходу в изучении отчуждения как детерминированного структурно-институциональными особенностями того общества, той социальной среды, в которой человек находится. Рассмотрению того, каким образом можно применить этнометодологическую, феноменологическую и символическо-интеракционистскую парадигмы для исследования отчуждения, посвящен отдельный параграф данной монографии.

2) Смысл/Бессмысленность

Как уже отмечалось в теоретической главе, бессмысленность, когда человек не видит смысла в выполняемых им действиях, является альфой и омегой для исследователей отчуждения, так как является одним из измерений отчуждения (Симэн). В контексте производственных отношений это происходит потому, что человек занят не тем видом активности, которая могла бы приносить ему моральное удовлетворение от реализации его способностей, а также потому, что работник не имеет достойного вознаграждения труда, уважения, не осуществляет личностный рост, в целом не видит смысла в том, что он делает и для чего.

Ответы респондентов иллюстрируют факт наличия в их профессиональной деятельности осознания той бессмысленности, которую имеют различные стороны их труда и производственных отношений. Так, бессмысленными для ИТР являются попытки улучшения условий труда и з/п через обращение к начальству (см. приложение 1, табл. 18). Каждый десятый ИТР отмечает, что процесс труда у них вызывает безразличие, тоску, уныние, ощущение бессмысленности (табл. 26).

Таблица 26

«Процесс труда для Вас – это деятельность, которая чаще всего вызывает у Вас»

Вариант ответа	%
Чувство удовлетворения, радости	20
Интерес, возможность самореализации	64
Безразличие, тоску, ощущение бессмысленности	12
Ощущение необходимости (заработка)	1.6

Показательно, что почти половина респондентов не связывает производственные успехи предприятия с его собственной трудовой деятельностью (табл. 27).

Отчуждение как бессмысленность, в данном случае, является классическим и представляет собой разрыв между деятельностью и результатом, процессом и функцией.

3) Аномия/Соблюдение норм

Аномия или культурное отчуждение – это отчуждение людей и определенных групп от ценностей и норм, свойственных каждому конкретному обществу или общности (Дюркгейм, Мертон, Симен). В контексте предприятия отчуждение от ресурсов и целей, например от увеличения з/п и карьерного роста, стимулирует ИТР на такие способы достижения целей (наравне с легитимными способами), как использование личных связей и умение услужить тем, от кого зависит продвижение по службе (табл. 28).

Таблица 27

«С каким из ниже приведенных суждений Вы согласны?»

Вариант ответа	%
От того как я работаю, зависят производственные успехи предприятия	56
Я – рядовой работник и от меня, к сожалению, мало зависят успехи предприятия	38
О результатах предприятия должен заботиться собственник	3
Каждый должен отвечать за то, как он работает	2

Таблица 28

«Что, по Вашему мнению, имеет решающее значение для успешного продвижения работников на Вашем предприятии?»

Вариант ответа	Среднее значение по пяти-балльной шкале
Честный, добросовестный труд	3.5
Мастерство, профессиональные знания	4
Активное участие в общественной работе на предприятии	3
Личное стремление самого работника продвигнуться	4
Связи с полезными людьми	4
Умение услужить тем, от кого зависит продвижение по службе	3.5

Это способствует, на мой взгляд, разрушению общей корпоративной культуры, как совокупности общих моральных и этических ценностей предприятия и коллектива, раздробляет коллектив, противопоставляет одних работников другим, катализирует антагонизмы. Вне сферы трудовых отношений аномия (которая особенно остро проявляет себя в условиях транзиции), разложение ценностей и норм, неправомерное поведение определенных групп, дисфункции общественных институтов вызывают недовольство у респондентов. Так, среди проблем, российского общества, которые волнуют ИТР в наибольшей мере значатся: эгоизм, падение морального облика человека, преступность и криминал, плохая работа правовой системы (см. приложение 1, табл. 6).

Предполагаю, что подобное осуждение явлений, которые условно обозначаются респондентами как «эгоизм, падение морального облика человека» и т.д., является результатом отчуждения современных россиян (ИТР) от тех ценностей и норм, которые проникли в российскую действительность в результате процесса трансгрессии, разрушившего те установки советского сознания, которые ориентировали человека на коллективизм и взаимопомощь: индивидуализм, рынок, плюрализм, личная инициатива. При этом предполагается, что ориентированность ИТР на прежние (советские) ценности, тоже является залогом отчуждения. На мой взгляд, процесс изменения в ценностной сфере по-прежнему протекает весьма интенсивно, ценностная структура российского общества еще очень далека от фазы кристаллизации. Именно поэтому взаимное сосуществование в одном социальном контексте (современное российское общество) противоборствующих тенденций и характеризует такой феномен, как трансотчуждение.

4) Самореализация/Стагнация

Самореализация в контексте исследований отчуждения, в том числе отчуждения в системе производственных отношений противопоставляется отчуждению от развития, является его антиподом. В контексте предприятия первостепенное значение имеет удовлетворение потребностей в профессиональной, творческой реализации, уважении со стороны коллег и руководства. На макроуровне стагнация есть отчуждение всего общества от развития.

Ответы респондентов иллюстрируют следующую картину – в сфере трудовых отношений, отчуждение работника от самореализации проявляется в частности в том, что значительная доля ИТР не в состоянии проявить весь имеющийся у них профессиональный по-

тенциал (это уже отмечалось выше). Сдерживающим социально-экономическим фактором самореализации работников является и материальная база труда, качество оборудования. Значительная доля ИТР признают, что вынуждены использовать в работе оборудование устаревшее, ненадёжное, а порою и вовсе допотопное (табл. 29).

Среди условий труда, которые являются наиболее сложными, а, следовательно, в значительной степени ограничивают их самореализацию, ИТР отмечают также высокий уровень нервной нагрузки и плохие санитарно-гигиенические условия (см. приложение 1, Табл. 23). Такие жизненные блага, как возможность работать с полной отдачей, реализовывать себя, свои способности и дарования, по мнению ИТР, скорее отсутствуют, чем присутствуют (желаемо – 4 балла, присутствует – 3,2 балла по пятибалльной шкале).

Кроме того, я располагаю мнением руководителей современных российских промышленных предприятий, которые также проливают свет на трудности развития производственного сектора российской экономики, проблемы её стагнации и декаданса. Так, основным тормозом развития промышленных предприятий современная социология видит в ригидности управленческой структуры предприятия, выражающейся в её жесткой ориентировке на вертикальную систему принятия решений и последующего спуска (просачивания) их на более низкие уровни. Такой стиль управления организациями характеризуется как типично бюрократический, а иногда и вовсе как военный. Следовательно, решение этой проблемы исследователям видится в дебюрократизации социальной структуры предприятий, то есть в том, что исследователи отчуждения в конце 1980-х гг. называли демократизацией и гуманизацией экономики и сферы производства в частности. В этом смысле установки руководителей российских предприятий выглядят скорее не соответствующими общим мировым тенденциям и декларируемым российскими властями тезисов о модернизации и гуманизации институтов российского общества и промышленного сектора в числе прочих.

Таблица 29

«Как бы Вы охарактеризовали оборудование, на котором Вам приходится работать?»

Вариант ответа	%
Новейшее, соответствует передовым мировым стандартам	6
Не вполне современное, не соответствует мировым стандартам и технологиям	44
Пережившее свое время, но еще надежное	29
Устаревшее, ненадежное, допотопное	20

Добавлю, что на основании экспертного опроса руководителей промышленных предприятий я и мои коллеги выявили, что динамично развиваются социальная и информационная сферы, а отстают производственная, технологическая и управленческая (Л.В. Корель, В. Комбаров). Однако, налицо и сдвиги, имеющиеся благодаря трансгрессивному преодолению принципов жесткой, военной вертикали управления на советских промышленных предприятиях: наблюдается гибридизация типов корпоративных культур на современных российских заводах в сторону включения демократических, либеральных возможностей самих работников в управлении производством (табл. 30).

Что касается отчуждения в целом российского общества от развития, за пределами рассмотрения проблемы стагнации в промышленности, то на мой взгляд, в современной России сохраняется тенденция к отчуждению от развития. Это обусловлено по-прежнему гегемонией вертикали политической власти, отсутствием политической свободы, свободной прессы, нездоровыми механизмами экономических институтов, чрезвычайно высоким уровнем коррупции и отсутствием справедливого судопроизводства. Анализ ответов респондентов относительно проблем современного российского общества, которые волнуют их в наибольшей степени, показывает, что ИТР мыслят в весьма схожем ключе (см. приложение 1, табл. 6). Таким образом, трансотчуждение в данном случае проявляется как отчуждение от развития, которое мы склонны видеть стоящим на двух китах: отчуждение как результат смешения отчуждения при социализме и отчуждения от развития, ставшего итогом попытки привить западные практики рыночной, капиталистической экономики, практики либеральных институтов, институтов открытого общества. На мой взгляд, негативные практики советской командной системы не подверглись изживанию, а, напротив, ассимилировали западные практики, привнесенные извне, тем самым усилив свою выживаемость, а, следовательно, и функцию отчуждения общества от развития.

Таблица 30

«К какому типу тяготеет корпоративная культура на вашем предприятии: жесткому, смешанному или гибкому?» (мнение экспертов)

Тип корпоративной культуры	Абс. количество
Жесткий (для достижения производственного успеха на работников воздействуют с помощью системы жестких санкций, постоянного наблюдения)	4
Гибкий (работник наделяется полномочиями брать инициативу на себя, соучаствовать в управлении)	3
Смешанный (сочетаются элементы жесткого и гибкого типа)	14

IV. Социальное здоровье/Патология

Социальная патология – основная характеристика отчужденного общества, так как является симптомом разрушения социальной солидарности, дезинтеграции (Э. Дюркгейм). Социальная патология представляет собой действия, поступки, типы поведения людей, которые расцениваются обществом как вредные, подрывающие правопорядок и общественную мораль: преступность, хулиганство, алкоголизм, наркомания.

Очевидно, что российское общество, находящееся в фазе транзиции, по-прежнему переживает болезненную фазу своего развития, сопровождающуюся сломом прежних, глубоко укоренившихся в сознании людей ценностей и идеалов, которые вытесняются и заменяются новыми моделями общественного устройства и моральных основ. Расслоение общества, массовое недовольство положением дел в стране, ностальгия по прошлому и попытки ренессанса советской модели, говорят о том, что современное российское общество сегодня дезинтегрировано, испытывает отчуждение от современной российской культурно-исторической модели социального устройства, не принимает его ценности и нормы. Такие виды социальной патологии как алкоголизм, наркомания и другие виды разрушительного поведения являются неотъемлемыми симптомами тех конфликтов, которые раздирают сегодня российское общество. К деструктивным способам разрешения конфликтов традиционно относят наркоманию, алкоголизм, суицид, а в последнее время также гэмблинг (игровая зависимость), трудовоголизм, пристрастие к скорости, экстремальным и опасным видам спорта, перепотребление (консюмеризм). В целом, данные патологии представляют собой различные способы ухода от проблемной действительности, отчуждения от нее. Таким образом, трансотчуждение современного российского общества с этих позиций проявляет себя в том, что сегодня по-прежнему сохраняются практики, которые можно отнести к проявлению социальной патологии, отчуждения (алкоголизм, наркомания, суицид), однако вместе с тем в результате трансгрессии, преодоления социального запрета на гедонизм, безграничное потребление, в отечественную действительность проникли и массовые практики азартных игр и консюмеризма, которые в большинстве случаев научного анализа также характеризуются как виды социальной патологии и отчуждения.

V. Контроль

Является одним из основных механизмов социального отчуждения, так как ограничивает субъектность человека, его возможность действовать самостоятельно, в соответствии с личными потребностями, мотивами, интересами, направленностью. Изначально проявляется как господство культуры, цивилизации над личностью, формирующее ее в соответствии с нормами и стандартами отдельно взятых обществ (Фрейд, Фромм, Парсонс, Гоффман и другие). Контроль есть власть, с помощью которой влияют на действия людей независимо от их желания – самоотчуждая людей, отсекая от них их субъективные личностные начала. Связанные с этим проблемы отчуждения упираются в проблемы несвободы, зависимости, манипуляции, осуждения и протеста, борьбу за возвращение человеку права быть хозяином своей судьбы, жизни, деятельности, а не исполнителем навязанной, чуждой власти и воли.

1) Свобода/Несвобода

Отчуждение от свободы проявляется в том, что деятельность, выполняемая человеком, является для него навязанной, чуждой, посторонней. Основанием контроля, в частности на предприятиях, являются вертикальная социальная иерархия предприятия, централизованный характер процессов принятия решений, и сильная формализованность – жесткая система предписаний, не предполагающая варибельности в принятии решений и действиях работников, ограничивающая проявление их субъектности, не учитывающая их мнений. Исследователи отчуждения отмечают, что альтернативой бюрократическому, централизованному и формализованному устройству предприятия является постбюрократическая форма социальной архитектоники предприятия. Уменьшение контроля и расширение сферы полномочий, пространства профессиональных действий работников способно значительно упразднить отчуждение.

Корпоративная культура, для современных исследователей организаций, также выглядит как система контроля, в которой функции руководящего менеджмента заключаются в нивелировании личных стремлений и мотивов работников и перенаправлении их в сторону достижения общих ценностей, выработанных в рамках предприятия (Гренди, Миллз).

Категория контроля используется сегодня организационной социологией в контексте знаний о медиатизации современных

обществ, а также предприятий и сферы труда. В свете этих представлений контроль над работниками со стороны руководства предприятия осуществляется посредством регулирования интернет-трафика трудящихся, включения их в систему контроля посредством интернета (через включение в различные виртуальные сети), а также ограничения их доступа к определенным ресурсам в интернете (Хэнкок и другие).

Ответы ИТР иллюстрируют, на мой взгляд, недостаток самостоятельности, свободы в их труде. Так, среди условий, при которых они могли бы работать лучше, респонденты отмечают увеличение возможностей для самостоятельности, инициативы на рабочем месте (см. приложение 1, табл. 16).

В целях преодоления контроля, в ситуации несвободы, ограничений и бессилия люди зачастую используют такие методы как акции протеста, забастовки, голодовки. Так, почти четверть респондентов отмечают, что они либо участвовали в акциях протеста, либо имели желание принять в них участие (см. приложение 1, табл. 14). Стоит напомнить, что согласно ФОМ, в целом по стране с начала 2010 по февраль 2011 желание протестовать у населения росло, и сегодня доля тех, кто выражает свою готовность протестовать, составляет 49%.

Показательно, что среди методов реагирования администрации предприятий на акции протеста, ИТР отмечают такие: отставляет собственные интересы и не идёт на компромисс (7% ответивших), идёт на минимальные уступки (27%), ищет зачинщиков и применяет к ним репрессивные меры (11.5%), пытается найти конструктивное решение (27,5%).

Обращает на себя внимание ограничение свободного доступа ИТР к информации о предприятии и его деятельности: респонденты характеризуют его как средний (3 балла по пятибалльной шкале).

В целом такая ценность как свобода, независимость существования в жизни ИТР представлена средне (3 балла по пятибалльной шкале), то есть присутствует настолько, насколько отсутствует, при этом значимость наличия свободы в их жизни ИТР оценили как важную (4 балла по пятибалльной шкале).

Подытоживая, можно высказать следующее предположение: централизованная и формализованная социальная система отношений в организациях, где работают ИТР, минимизированная сфера индивидуального и свободного действия, сильная зависи-

мость от распоряжений начальства, отсутствие свободного, открытого доступа к информации о предприятии и его деятельности, являются условиями отчуждения респондентов.

При этом новые виды отчуждения возникают как реакция на усиленную медиатизацию современных предприятий. Внедрение современных коммуникационных, компьютерных технологий на предприятиях во многом определяет расширение сферы контроля над работниками со стороны менеджмента, руководства предприятием. В ходе обследований данная проблема конкретно не изучалась, однако освещается в ходе теоретического анализа. Впрочем, на всех четырёх обследуемых предприятиях существуют пресс-центры и корпоративные издания. Негативными функциями медиатизации являются контроль через использование видеонаблюдения, виртуализации корпоративной культуры предприятия, превращение лидеров, руководителей организаций в симулякры (видео-образы, фотографии в газетах предприятия и т.п.).

2) Независимость/Зависимость

Зависимость есть характеристика отчужденных социальных отношений, современная форма рабства (Маркс). Ответы ИТР описывают их поведение в трудовой жизни, сфере производственных отношений в значительной степени как ограниченное в проявлении своей независимости. При этом независимость в работе работники рассматривают как один из компонентов, которые могли бы способствовать лучшей производительности труда (статистические данные приведены выше в другом контексте). Во многом, как я полагаю, зависимость работников от предприятия определяется сложной ситуацией на рынке труда, достаточно высоким уровнем безработицы и сокращений. Несмотря на то, что свои зарплаты ИТР оценивают как недостаточно высокие, заработок является для большинства из них основным мотивом деятельности и зависимости от предприятия (88,5% ответов ИТР).

3) Манипуляция массовым сознанием и поведением

Критика, связанная с манипулятивными функциями социальных институтов в современных обществах составляет внушительный пласт научной литературы, посвященной феномену отчуждения. Для марксизма было характерным обличать институт религии («опиум для народа»); неомарксисты отводили роль в манипуляции масс институтам культуры, искусства и науки; постмодернисты направили свою критику против СМИ, институ-

та потребления, а также практик микро-власти и сексуальности, являющейся сильнейшим объектом манипуляции масс. Самоотчуждение, являющееся результатом манипуляции есть процесс самоотрицания, отделения, отчуждения от человека прав и возможностей самостоятельно распоряжаться собственными действиями. Манипуляция есть внешняя, навязываемая, чуждая человеку сила. Современная культура интерпретируется различными авторами как сплав науки, эстетики и технологий, направленный на формирование определенной структуры личности современного человека. Функцией такого культурного аппарата является формирование у людей упрощенной, одномерной структуры потребностей. Телевидение и реклама в массовом обществе являются основными медиумами (проводниками) стандартов, образцов и стилей жизни. В подобных условиях действия человека, его жизнь, проявляются не как активность, направленная на удовлетворение потребностей и самореализацию, а как действия, направленные на достижение эффективности социальной машинерии особого типа и доминирующей сегодня – общества потребления. В общем виде современные формы манипуляции массовым сознанием посредством СМИ, культуры, искусства и т.д. направлены на поддержание лояльности масс и сохранение общества в форме «железной клетки», то есть общества жестко рационализированного и бюрократизированного.

На уровне предприятия, которое, по мнению некоторых социологов, являет собой миниатюру общества, манипуляция сознанием работников и их поведением осуществляется посредством механизма создания корпоративной культуры. Последняя предполагает унификацию стремлений, целей, действий и потребностей работников. Кроме того, с позиций постмодернизма медиатизация промышленных предприятий выглядит дополнительным фактором, способствующим переориентации индивидуальных стремлений, мотивов, ценностей работников в общее русло корпоративной культуры.

За пределами рабочих отношений, согласно результатам исследования, подавляющая часть ИТР в качестве источника информации выбирает телевидение. Интернету, как средству коммуникации, предлагающему большую альтернативность и широту в получении информации, отдаёт предпочтение незначительная доля респондентов (см. приложение 1, табл. 17). Ориентация ИТР на телевидение, даёт основания (учитывая контент современного

российского телевидения) для предположения о том, что работники по-прежнему являются объектом сильнейших манипуляций.

Полагаю, что трансотчуждение в свете данных проблем проявляется в том, что Ги Дебор называет сращением двух видов спектаклей: западного и советского, сосуществование которых определяет и особый характер манипуляций сознанием людей в современной России: посредством контроля и посредством развлечений, потребления.

VI. Тип взаимодействия (с людьми, объектами, явлениями)

Общественная солидарность, единство, интеграция, включенность являются в социологии антонимами таких понятий как отрицание, отдаление, отчуждение (Конт, Дюркгейм, Зиммель). Разрыв, напряжение и дистанция характеризуют отчужденные отношения человека с другими людьми, объектами, явлениями, различными уровнями реальности и космосом в целом (Батай, Порпора, Диккенс, Кайуа).

Важной характеристикой взаимодействия между человеком и окружающей действительностью является категория обладания (свое/чужое, чуждое), позволяющая человеку осуществлять контроль над имеющимися у него в распоряжении предметами материального мира (в частности капиталом, средствами производства, недвижимостью и т.д.). В контексте предприятия центральное место занимают проблемы, связанные с формой собственности.

Большое значение в дискурсе отчуждения придается возможности управлять различными процессами, будь то процесс труда или процесс распространения атомных технологий и ядерного оружия на планете.

В последнее время социологией актуализируется проблема социального времени, то есть скорости протекания общественных процессов. Современные типы взаимодействия человек/человек, человек/вещи, человек/процессы описываются как высокоскоростные. Высокая скорость социальных процессов является условием современного отчуждения.

В контексте моих представлений о феномене трансотчуждения сегодня в России в результате процессов трансгрессии, массово происходящих примерно три последних десятилетия, присутствуют как старые типы взаимодействия людей с людьми, объектами, явлениями, процессами, которые являются характерными для советского общества, так и новые, которые проникли в отече-

ственную действительность в результате реформ, глобализации и ломки советской системы. Соответственно различные типы взаимодействия (новые и старые одновременно) формируют и различные виды отчуждения, называемые нами советскими и западными, а также их гибридную форму – трансотчуждение. Более подробно об этом ниже.

1) Материальное

В начале монографии уже шла речь о том, что материальные объекты являются источником отчуждения и характеристикой отчужденного человеческого бытия. Для Гегеля, для индийской философии весь проявленный, материальный мир в принципе является отчужденным от самого себя духом. Для Зиммеля и Гесса деньги, как материальный объект, являются отчужденными человеческими отношениями. Продукт труда по Марксу, а также природа в целом – объекты отчуждения. К тому же и человек у немецкого ученого есть лишь придаток машины. Согласно Батаю труд, как процесс манипуляции и взаимодействия с вещами является источником отчуждения человека от бытия, превращения в вещь самого человека. Для Зиммеля и вовсе состояние современного общества характеризуется с позиций трагедии культуры, так как последняя является для него конечным продуктом общественных процессов реификации, овеществления.

Техника и технология труда, также представляют собой элементы предметного мира, отношения к которым со стороны работников описываются с позиций отчуждения. В контексте моего исследования, это отчуждение от возможности использования в труде нового оборудования и технологий. (Выше в тексте уже приводили данные оценок респондентов материальной базы труда).

Реальные объекты, а также объекты гиперреальности, рассматриваются современной социологией как субстрат отчуждения. Данная точка зрения основывается на утверждении о том, что современные виды отчуждения являются результатом формирования общества потребления и технологий. В обществах подобного типа система вещей (объектов) по-новому формирует социальную действительность, в которой социальное исчезает, заменяется на чистую интеракцию и знак, код (Бодрийяр), превращая социум в общество спектакля (Ги-Дебор), в «жидкое общество» отчуждения, потребления, одиночества и страха (Бауман).

Различные направления социологической мысли связывают феномен отчуждения с развитием науки, техники и технологий,

развитие которых во многом идет вразрез с нравственным развитием человечества и, следовательно, представляет угрозу для него самого (Эллюль, Адорно, Хайдеггер, Хоркхаймер).

Особый поворот в науке (прагматический) предлагает взглянуть на проблему взаимодействия между людьми и вещами с новых позиций. Такое направление как объектно-ориентированная социология, постулирует факт отделенности вещей от приписываемых им наукой социальных функций, включения их в социальное взаимодействие на правах полноценных актантов, а также восприятие вещей как друзей современного человека. По мнению Кнор-Цетины, такое «освобождение» вещей от навязанного им классической социологией и постмодернизмом социальной функции обозначаемого, позволяет снять давнюю проблему общественных наук относительно роли вещей в процессах отчуждения, индивидуализации и атомизации общества.

В контексте размышлений о взаимосвязанности предметного мира и отчуждения стоит обратить внимание на тот факт, что некоторые исследователи уделили в свое время такому фрагменту предметного мира как жильё, особое внимание. Ощущение приватности, чувство сопричастности с конкретным предметным миром, возможность его преобразовывать становятся возможным, если у человека есть его собственный дом (Арендт). Судя по ответам ИТР, более половины из них имеют собственное жильё (68% ответивших имеют квартиру, 2,6% комнату, 5,6% собственный дом). Однако остальная часть работников (примерно четверть) проживает в съемных квартирах и комнатах, не являющихся их собственностью. Данную ситуацию можно интерпретировать в терминах отчуждения от мира, той его предметной части, которая является наиболее важной для человека – собственного жилища.

Ведя речь о собственности, как особой форме взаимодействия человека с окружающей действительностью, логично продолжить рассуждения в границах экономического поля и тех социальных интерпретаций, которые это поле описывают. Различные формы собственности, появившиеся в России в процессе общественных трансформаций, также являются предметом внимания современных исследований экономики, промышленности и производственных отношений. Проникновение рыночных механизмов в российскую действительность ставит перед исследователями отчуждения новые вопросы, определяют новые векторы исследований. В этом смысле, частная, общественная, госу-

дарственная формы собственности есть предмет анализа тех ученых, которые рассматривают их влияние на механизмы, связанные с участием работников в жизни предприятий, их включенности в процесс управления. Важнейшей является проблема относительно природы и структуры социальных отношений на предприятиях с частной или государственной формой собственности.

Так, влияние относительно новых для России рыночных отношений и, следовательно, форм собственности на социальное взаимодействие на предприятиях рассматривается через призму проблемы групповой сплоченности, отношений между руководителями и подчиненными, коллегами. Исследуя учреждения государственной, а также частной формы собственности, ученые отмечают значительные различия между ними по таким показателям, как сплоченность, активность, интегративность, а также принадлежность к группе. Данные российских исследователей говорят о том, что работники государственных учреждений больше склонны к проявлению сплоченности, взаимопомощи, доброжелательству, чем труженики организаций с частной формой собственности. Стоит отметить, что я не согласен с данным утверждением и оцениваю предприятия частного сектора в современной России с более выгодных позиций. Однако, как говорится, «из песни слова не выкинешь».

Российские ученые отмечают, что для работников частного сектора характерна большая ориентированность на личную инициативу, самостоятельное принятие решений, однако неизбежны в таких коллективах проявления эгоизма и присутствие ощущения отчужденности (Т. Харламова). В целом, основной посыл исследований подобного рода (подчас в завуалированной форме), заключается в идее важности государственной формы собственности для национальной экономики (А. Кладков). По результатам проводимых отечественными учеными исследований, замечено, что для организаций с частной формой собственности свойственно принятие решений в форме совета руководства с незначительным, ограниченным кругом работников. Вместе с тем, отмечается, что работники предприятий с частной формой собственности оценивают свои отношения с руководством как более удовлетворительные, чем работники государственных учреждений. Данный факт объясняется авторами исследований тем, что государственные организации по-прежнему сохраняют достаточно сильную иерархическую структуру. Следовательно, очевидно, что каждая из форм собственности несет за собой и различные формы отчуждения, ко-

торые в процессе транзичии российского общества образуют некий сплав, гибрид, новую форму различных видов отчуждения.

Кроме того, трансформация государственных предприятий в акционерные общества заставляет исследователей задуматься и над проблемами, связанными с управленческими практиками в организациях. В связи с этим актуализируются проблемы менеджмента (управления) с точки зрения социально-этических составляющих. Так, обследуя в частности предприятия горной промышленности, отечественные ученые приходят к выводу, что различные социально-экономические проблемы продолжают существовать, а порою и вовсе их количество возрастает с переходом организаций в разряд акционерных обществ (Р. Имаметдинова). Появляются проблемы отношений собственности вследствие трансформации экономических отношений (В. Доржиева). Так, наиболее яркими примерами являются обостряющиеся конфликты между работниками (новоиспеченными акционерами предприятий) и руководителями, представителями менеджмента. Суть проблемы состоит в том, что в новых рыночных условиях руководство не проявляет гибкость и не отдает должное мнению работников-акционеров, не принимает в расчет их желания, намерения и стремления, по-прежнему оставляет их за бортом сферы принятия решений. Сообщается, что руководство предприятий продолжает действовать старыми административными методами, стремясь, прежде всего, к собственной выгоде. Очевидно, что речь идет о полном игнорировании прав работников, которые в данном положении оказываются отчужденными от власти и управления. Получается, что имея де-юре возможность проявлять свои властные полномочия по отношению к предприятию, работники, тем не менее, де-факто отчуждены от власти и управления. Это, на мой взгляд, также характеризует современное российское общество, находящееся в процессе транзичии, с позиций новой формы отчуждения: если раньше работники не имели возможности и не могли управлять предприятием, то сегодня они имеют эту возможность, но по-прежнему сильно ограничены в её осуществлении. Одной из центральных тем, затрагивающих проблему социально-экономических трансформаций российского общества, является проблема приватизации, изменений, происходящих в сфере собственности. Оценки ученых относительно приватизации, как правило, разнятся, но заметен явный крен в сторону негативной оценки приватизации с точки зрения того, как она сказалась на со-

циально-экономическом благополучии подавляющей части населения России. Так, основная критика основывается на фактах, говорящих о том, что приватизация носила по-прежнему номенклатурный характер, и способствовала созданию в России олигархически-бюрократического типа власти (М. Глебочкин). По сути, на базе рыночных механизмов были созданы каналы обогащения незначительного числа населения, в то время как другая часть, даже принимая участие в приватизационных процессах, оказалась отчуждена на старый, прежний советский манер. Этому способствовали «черные» схемы приватизации, приводящие к резкому расслоению на сверхбогатых и сверхбедных (Г. Осипов). Зарубежные ученые поддерживают мнение российских коллег: приватизация «это злостная, предумышленная, хорошо продуманная акция, имеющая своей целью широкомасштабное перераспределение богатств в интересах узкого круга людей» (Дж. Сакс). Гибридный характер отчуждения в современной приватизированной России проявляется еще и в том, что на смену государственным монополиям пришли те же самые монополии, только частные, а государственное централизованное планирование было заменено частным (М. Фридмен). Однако не секрет, что частная собственность, ставшая таковой в процессе приватизации, находится в руках у лиц, стоящих у власти или имеющих с ней тесную связь. Таким образом, основной тормоз общественного развития и отчуждения, который должна была ликвидировать приватизация – развести государственно и экономику (собственность) – устранен не был, а отчуждение населения от собственности и от развития сохраняется.

Стоит добавить, что такой вид отчуждения, типичный для советского общества, как отчуждение от права, закона, справедливого суда, проявляет себя и в новых рыночных условиях, что выражается в неравной юридической защите различных форм собственности. Так, формально Уголовный кодекс РФ не дифференцирует ответственность, на какую именно собственность направлено преступление, однако детальный анализ показывает, что данное равенство соблюдается в нем не всегда, а граждане поставлены в худшие положения, чем организации, личная собственность граждан в целом охраняется менее строго (П. Панченко).

В итоге, в соответствии с моей гипотезой, логично предположить, что отчуждение, которое разыгрывается в контексте взаимодействия людей с материальными предметами, вещами, объектами также представлено сегодня в форме трансотчуждения.

Советские виды отчуждения по-прежнему имеют место в сфере собственности: ответы респондентов показывают, что значительная часть работников не имеет собственного жилья, вынуждены проживать в съемных квартирах и комнатах, которые зачастую находятся в оставшихся от советских времен общежитиях. Помимо этого, проблемы отчуждения в сфере взаимодействия собственности и труда проявляются как вид симуляции прав работников на управление предприятием: де-юре являясь акционерами, де-факто не имеют возможности проводить в жизнь предприятия свои идеи, трансформировать неэффективные системы управления, определять производственные процессы. Таким образом, труженики пребывают в ситуации бессилия (отчуждения). (В контексте исследования эта проблема не верифицируется математически, однако выше ей уделен достаточно наглядный теоретический анализ).

В привязке к изменившимся формам собственности отечественных организаций стоит выделить и новые проблемы отчуждения, которые имеют место (согласно данным отечественных исследований, приведенных чуть выше): ориентация в коллективе на индивидуализм, меньшая склонность к взаимопомощи. Обращает на себя внимание и факт неравной юридической защиты владельцев различных форм собственности, (русские ученые отмечают, что равноправие имеет место зачастую лишь на бумаге). Кроме того, к новым видам отчуждения (западным), которое имеет место в сфере взаимодействия россиян с вещами, объектами, мы относим их взаимодействие с системой вещей в контексте современных практик потребления, общества потребления. Последние являются результатом процессов трансгрессии в конце 1980-х начале 1990-х гг., направленных на преодоление отчуждения населения от потребления и удовлетворения потребностей (как базовых, так и высших). Взаимодействие людей (в частности, ИТР обследуемых нами предприятий) с системой вещей в обществе потребления, приводит к отчуждению от духовности, чрезмерному перепотреблению, ориентацией на жизненную стратегию «иметь», нежели на стратегию «быть», а также к самоотчуждению – потери человеком своего «я». Таким образом, сосуществование в современной России советских и западных модулей отчуждения в сфере собственности и взаимодействия с вещами, объектами, показывает, на мой взгляд, существование такой формы отчуждения, как трансотчуждение.

2) Процессы

Действия, поведение людей, процессы в которых они принимают участие, зачастую являются чуждыми самим людям, неподвластными им, выходящими из под их контроля (классическое определение отчуждения). Такими совокупностями процессов являются политика, право, наука, образование, труд, самоактуализация, в целом жизнь людей, их развитие. Крайними видами отчуждения являются, например такие, как в принципе исключение из действительности (К. Маркс), отчуждение от жизни (античная и древняя философия), отчуждение от развития (Н. Лапин). Процессы политического принятия решений и управления обществом (государство) являют собой примеры отчуждения социальных институтов от человека и довлеющих над ним (Руссо, Гоббс). Невозможность развиваться, осуществлять процесс личного роста через удовлетворение как низших, так и высших потребностей актуализируется через проблему самоотчуждения (М. Симен). Процессы развития человеческого разума, науки, техники также рассматриваются с критических позиций отчуждения, как процессы, над которыми человек утратил контроль и власть и поставившие цивилизацию на грань гибели (Адорно, Эллюль, Келлнер).

Следующие ответы ИТР иллюстрируют ситуации, в которых респонденты выступают в качестве субъектов отчуждения в следующих процессах. Значительная часть ИТР в той или иной степени не удовлетворены своим местом работы с точки зрения их развития как специалистов и оценивают выполняемую ими работу, как несоответствующую их профессиональным возможностям (см. приложение 1, табл. 5). Кроме того, среди ответов ИТР есть и такие, которые говорят о том, что сам процесс труда, работа являются для них чуждыми: процесс труда вызывает безразличие, тоску, уныние и ощущение бессмысленности (см. приложение 1, табл. 22).

Эти данные соответствуют представлениям марксизма об отчуждении человека от труда, и современной социологии об отчуждении от развития.

Вне сферы производственных отношений, судя по ответам ИТР, я могу актуализировать наличие признаков отчуждения от таких процессов, как отчуждение от политической деятельности, процессов выработки политических решений, от власти. ИТР указывают на отсутствие в стране приемлемых для них политиче-

ских партий (см. приложение 1, табл. 21), а также выказывают крайнее недовольство по отношению к чиновникам и власти в целом (см. приложение 1, табл. 6).

Приведенные выше данные, свидетельствуют о присутствии в жизни ИТР по-прежнему советских видов отчуждения, характеризующихся исключённостью из различных процессов, самым значимым из которых, в контексте данного исследования, является классическое отчуждение от процесса труда. Еще одним «тяжелейшим» видом отчуждения является отчуждение от процесса выработки политических решений, возможности влиять на ход политических процессов в стране. Как трансотчуждение, отчуждение в данном случае проявляется в том, что если раньше люди не могли принимать участие в процессе выработки политических решений из-за того, что политическая система была поражена жестким принципом вертикали и гегемонией номенклатуры, то сегодня в результате трансгрессии политических советских запретов на многопартийность, отчуждение от включенности в политические процессы есть результат сильнейшей цензуры дискурса политических альтернатив со стороны партии власти и правительства, а также симуляция свободы выборов в стране. Общая тенденция демократизации и гуманизации сферы производственных отношений в современной России, на мой взгляд, тоже не возымела должных результатов, оставаясь по сути симуляком, существующим на бумаге, в сознании, но не в реальности. Осознание необходимости в упразднении коррупции, жесткого бюрократизма (на всех уровнях социальной реальности) высшим руководством страны и является, судя по всему тем импульсом, который привел к попыткам осуществить новую модернизацию России, гуманизацию сферы человеческих отношений в частности.

3) Скорость

Интенсивность, быстрота, хаотичность, непродолжительность человеческих отношений рассматриваются современными социологами, как предпосылки отчуждения. Ускоренная социальная динамика формирует такие типы общества, как «жидкое общество» и «общество риска». Такие общества характеризуются тем, что ситуации, в которых действуют люди, меняются быстрее, чем последние успевают к ним приспособиться. Жизнь в обществах с высокоскоростной социальной динамикой порождает такие явления как «жидкая любовь» и «жидкий страх». Социальные

связи в условиях «жидкой жизни» недолговечны, хрупки, поверхностны и по мере развития коммуникационных технологий более виртуальны. Виртуализация социальных отношений и увеличение скорости протекания социальных процессов является результатом массовой медиатизации современных обществ, которая позволяет осуществлять процесс интеракции со световыми скоростями (гаджеты, сотовые телефоны, Skype и т.п.).

Любопытны в это связи ответы ИТР, которые иллюстрируют теоретические положения. Судя по всему, жизнь ИТР протекает весьма быстрыми темпами (табл. 31).

Показательно, что 11% ИТР используют для личного общения различные виртуальные технологии каждый день, 7,5% несколько раз в неделю, 7% несколько раз в месяц, несколько раз в несколько месяцев – 7%. Как уже отмечалось, виртуализация общения катализирует скорость его протекания, подвергает его большим рискам.

В сфере труда ускоренная динамика протекания социальных процессов является условием непрерывной модернизации современных предприятий, инновационных процессов (Аппельбаум). Помимо того, что данный процесс перманентной модернизации вызывает чувство страха, тревоги из-за угрозы оказаться позади, быть исключенным из актуальной действительности, он является еще и источником отрицательного отношения к инновациям, изменениям, так как зачастую именно быстро сменяющие друг друга изменения становятся в современных обществах причинами несчастий и неудач. Почти 9% ИТР отмечают, что воспринимают нововведения в работе крайне неохотно; 3% безразлично; 1,6% с опаской; скорее с интересом, чем безразлично – 35,4%; с интересом – 39%, с интересом и подъемом – 10%. Для более чем трети ИТР наибольшей трудностью является большая нервная нагрузка, что тоже может свидетельствовать о большой интенсивности и скорости социальных взаимодействий на предприятии (см. приложение 1, табл. 23).

Таблица 31

«Как Ваша жизнь протекает сегодня?»

Вариант ответа	%
У меня времени больше чем жизни	13
Жизни больше чем времени	30
И того, и другого – вровень	54.4

В целом, я полагаю, что эти данные иллюстрируют мнение социологов о жидком, быстротекущем характере современных обществ и о возрастающей их медиатизации. В некотором смысле «новым» является и отчуждение от инноваций, которое проявляется в безразличии к ним, опаске, неохотном их восприятии. Данные проявления отчуждения дополняют совокупность тех видов отчуждения, которые мы именуем как западные. В совокупности с советскими видами отчуждения они образуют такую форму отчуждения как трансотчуждение.

4) Культура

В социальном психоанализе, неомарксизме и постмодернизме культура зачастую рассматривается как источник отчуждения человека, так как является сильнейшим ограничителем проявления его либидозных стремлений. Последние, в контексте цивилизации, перенаправляются с уровня одного конкретно взятого индивида на уровень общественный, происходит их отчуждение в пользу общества. В целом цивилизация (культура) для классического психоанализа есть противоборство двух противоположных импульсов: эроса (межчеловеческие связи, стремление к интеграции, любовь) и танатоса (разрыв, растворение связей, агрессия). Согласно психоанализу, различные виды ухода от реальности (употребление алкоголя и т.п.) являются следствием чувства неудовольствия, которое неизбежно испытывает человек в процессе контакта с современной цивилизацией. Различными проявлениями этого глубинного чувства неудовольствия являются ощущения одиночества, тоски, грусти, а также внутренняя и внешняя агрессия. Аномия как культурное отчуждения также эксплицитно входит в число работ Дюркгейма, Мертона, Симэна.

В контексте трудовых отношений интерес представляет мнение ИТР относительно развитости корпоративной культуры. Большинство респондентов оценивает её соответствие современным стандартам как среднее (3 по пятибалльной шкале). Очевидно, что неразвитый уровень корпоративной культуры не может выполнять функцию интеграции и сплочения работников на основе общих корпоративных ценностей. Также, часть ИТР отмечают, что их несогласие с установленными на предприятиях порядками является причиной их участия в акциях протеста.

На макроуровне, то есть за пределами сферы труда, ИТР беспокоят современные моральные ценности («падение морального облика человека»), принцип имущественного расслоения («сильное рас-

слоение общества на богатых и бедных»), чрезмерный индивидуализм также вызывает у респондентов недовольство («эгоизм»).

В контексте идей социологии Фрейда об антагонизме интегрирующих и дезинтегрирующих тенденций в обществе, как принципа, лежащего в основе современной культуры и цивилизации, весьма интересны результаты ответов ИТР относительно преобладания в мире зла (танатос) или добра (эрос) (табл. 32).

Примерно таково же распределение ответов и на вопрос о преобладании в мире добрых (эрос) или агрессивных людей (танатос) – 33,4% и 8,2% соответственно.

Современная культура, цивилизация, накладывает свой отпечаток и на то, как человек воспринимает окружающую его действительность, насколько он отчужден от природы, от различных уровней реальности и от космоса в целом (Порпора, Диккенс). С этих позиций отношение ИТР к природе выглядит обнадеживающее. Так, 72% респондентов на вопрос о том, чем является для них природа, полагают, что природа это живой мир, который нужно беречь и с которым стоит сосуществовать в согласии. Однако 7% ответов содержат в себе интенцию промышленного, потребительского использования природы для развития прогресса и роста благосостояния человека.

Относительно восприятия окружающего пространства и степени самодистанцирования от него ИТР также демонстрируют интересные данные – они полагают, что мир для них это всё мироздание в целом (53% ИТР), остальные считают, что мир для них очерчен границами города (8%), страны (17%) или планеты (15%). Возможно, подобное «ограничение» в восприятии мира, сужение его до рамок города, страны, планеты, имеет под собой то основание, что респонденты сильно ограничены в своей мобильности, возможности путешествовать, передвигаться из одного культурного контекста в другой (ИТР отмечают, что возможность путешествий, как по России, так и за её пределы в их жизни представлена слабо). В целом это говорит об определенном уровне открытости сознания ИТР, как продукта той культурно-социальной среды, в которой они пребывают. Однако та часть ИТР (53%), которые отмечают свою максимальную открытость в восприятии (мир как все мироздание в целом), на мой взгляд, является носителем океанического сознания (Зуркер, Фрейд) и это говорит о том, что эти люди несут в себе глубокий личностный, а, следовательно, и социальный капитал.

«Окружающий мир – это:...»

Вариант ответа	%
Мир, где добро побеждает зло	34
Мир, где зло побеждает добро	13
Затрудняюсь с ответом	50.5

Описание того, как представлено современное трансотчуждение в России в контексте культурных процессов, заняло бы слишком много места, поэтому ограничиваясь предметом моего исследования, я сосредоточился, прежде всего, на одной из точек зрения, согласно которой культура есть основа всей социальной реальности, представленная в ценностях, нормах, табу, запретах, регулирующих поведение людей. Трансгрессивные процессы определенных ценностей, норм, запретов (которые продуцировали советские виды отчуждения) в советском обществе в эпоху его декаданса, привели к проникновению в российскую действительность ценностей и норм, свойственных в основном обществам западным (Западная Европа и США), среди которых выделяемые в негативном ключе нашими респондентами: личная выгода, индивидуализм («эгоизм»), приводящие к «сильному расслоению общества на богатых и бедных»; к «падению морального облика человека» и т.д. То есть, если ранее человек в советском обществе был отчужден от возможности проявлять в должной мере личную инициативу, был вынужден «не высовываться», в крайней форме отчуждать свою суверенность в пользу всего коллектива, общественного организма, то сегодня отчуждение проявляется как результат проявления иных, противоположных ценностей и норм, представленных опять же зачастую в своей крайней форме. Обычно такие крайние формы входят в социологический дискурс под названиями норм и ценностей дикого капитализма. Традиционная социология трактует подобное отчуждение от норм и ценностей культуры как аномия. Сосуществование старых советских и новых западных норм и ценностей в одном социально-культурном и экономическом пространстве характеризует, по моему мнению, современное отчуждение с позиций трансотчуждения.

Процесс становления цивилизованных корпоративных культур на промышленных предприятиях в России в период транзycji, видимо, также далек от своей кристаллизации и являет собой пример наличия рудиментарных отчуждающих практик в

сфере труда советского периода и эмбриональных попыток внедрения западных практик самоуправления производством, изменения форм собственности, созданием сильного интегрирующего этического и морального каркаса корпоративной культуры. Выше уже приводились ответы респондентов, иллюстрирующие преемственность на обследуемых нами предприятиях практик использования в трудовых отношениях нелегитимных способов достижения успеха, которые являются традиционными для советского общества (угодничество, личные связи, «блат» и т.п.).

С позиции тех теоретиков отчуждения, которые пишут о всеобщем отчуждении от культуры, всего космоса в целом, мироздания как основополагающей предпосылке проблем и плачевного положения современного человечества, данные нашего исследования иллюстрируют тем не менее, что половина ИТР современных российских промышленных предприятий заявляют об открытости своего сознания, включения своего существования в глобальный контекст. Основополагающим здесь является то, что подобное отношение к окружающей действительности может являться мощнейшим потенциалом против принуждения и контроля, которые заставляют современного человека видеть смысл своей жизни зачастую в удовлетворении мелочных потребностей, сосредотачивая свою жизнь вокруг накопления, гедонизма и потребления. Весьма обнадеживающим выглядит, на мой взгляд, и отношение респондентов к природе («то, что нужно беречь»), которое укладывается в русло общемировых тенденций инвайронментализма, в частности как общественного и научного течения, ратующего за сокращение отчуждения между человеком и природой. Примером успешного «деотчуждения» человека от природы является практически массовая переориентация населения Западной Европы на экологические стандарты жизни и отказ от потребительского отношения к природе: использование природных видов энергии; экологических материалов и продуктов в пище, архитектуре, одежде, уходе за телом; дезурбанизация; аграрный туризм; эко-транспорт.

5) Приятие/неприятие

В своих представлениях об отчуждении людей друг от друга и от различных уровней реальности мы опираемся на положения сакральной социологии, которая актуализирует наличие в обществе дихотомий, бинарных разнесений объектов, явлений, процессов и людей к противоположным группам, полюсам (чи-

стое/нечистое, высокое/низкое и т.д.) (Батай, Кайуа, Мосс, Лейрис). Неприятие кого-либо или чего-либо есть показатель отношению к ним как чуждым, чужим, другим, а также процесс отделения их от себя или самодистанцирования от них. Доброжелательство, дружественное расположение являются противоположностью отчужденным отношениям между людьми. Восприятие окружающих как чуждых, чужих, неприятных, способствует напряженным отношениям между людьми, нередко приводит к конфликтам, непониманию, насилию. В современном глобализирующемся обществе проблема притяжения приобретает особую остроту, так как актуализирует такую проблему, как взаимодействие в одном социальном контексте людей, представляющих разные культурные, этические, интеллектуальные, религиозные традиции. Отсюда возникает проблема конфликтов на расовой, этнической, сексуальной, ценностной почве. Крушение мультикультурализма в Европе и обострение этнических конфликтов в современной России тому подтверждение.

В связи с этим, мне было интересно узнать мнение респондентов о том, как они воспринимают людей, которые обладают иными идентификационными признаками, нежели они сами. Так, 6,6% ИТР отмечают, что относятся к представителям других национальностей, сексуальных ориентаций, религиозных убеждений с неприязнью и отчуждением; 11% настороженно и с недоверием; 11% доброжелательно; 23% ИТР не подразделяют людей по национальным, религиозным, сексуальным признакам; 4% ИТР относятся с любопытством. Данное распределение ответов, иллюстрирует, на мой взгляд, уровень конфликтогенного потенциала на обследуемых нами промышленных предприятиях с точки зрения антагонизмов на расовой, религиозной и сексуальной почве. Полагаю что, этот конфликтный потенциал ИТР является средним, так как в целом современное российское общество демонстрирует высокий уровень гомофобии и дискриминации по национальному признаку.

В данном случае я интерпретирую отчуждение ИТР как неприятие других людей как обладающих иными ценностями, нормами, как представителей иных национальностей, обладателей альтернативных сексуальностей с позиции гипотезы о старых (советских) или новых (западных) видов отчуждения. Трансгрессия запрета на различные свободные проявления сексуальности в тоталитарном советском обществе с одной стороны, способство-

вала раскрепощению определенных категорий лиц, способствовала сексуальной революции, привела к легитимизации общественного, научного, медицинского, медийного дискурса сексуальности. Однако, с другой стороны (в соответствии с теорией трансгрессии, которая не отменяет запреты, а приостанавливает и видоизменяет их), преодоление запрета не было полным и степень предубеждения, стереотипизации сознания россиян относительно вопросов пола по-прежнему является высокой по сравнению с развитыми странами. Следовательно, сохраняется и социальное отчуждение как неприятие других людей, обладающих другой сексуальностью. Говоря о неприятии респондентами людей, обладающих иной национальностью, я считаю, что этот вид отчуждения сохраняется с советских времен, (даже если принимать в расчет советские лозунги о дружбе народов, братских народах и т.д.), а усиление конфликтов на национальной почве в современной России опять же обусловлено приходом капитализма и, следовательно, конкуренцией, борьбой за ресурсы и рабочие места, которая происходит между мигрантами и коренным населением. Объединение в одном вопросе позиций пола, религии, национальности, сделано целенаправленно, чтобы выявить в принципе, в общем, отношение ИТР к другим, иным, отличным от них людей.

VII. Реальное/Виртуальное

Виртуальное пространство и гиперреальность являются отчужденной формой реальности. Гиперреальность есть оцифрованная, отчужденная, переведенная в код, символ, симулякр реальность. В процессе формирования виртуального пространства реальное отчуждается от самого себя и переносится в область визуальных образов и симуляции действительности. Виртуальными становятся практически все стороны жизни современного человека: экономика, политика, сексуальность, искусство, человеческие отношения. В итоге, человек проживает не настоящую, а созданную посредством технологий искусственную жизнь, он отчужден от реальности (Жижек, Бодрийяр). Виртуальное в обществе потребления становится средством манипуляции сознанием и поведением людей.

В последнее время все активнее современной социологической мыслью артикулируется идея о негативном влиянии виртуальных практик и гиперреальности на экономику и область производственных отношений, в частности. Негативную окраску в

связи с этим получает такое явление, как корпоративная культура, так как последняя всё активнее получает поддержку со стороны компьютерных и медийных технологий, современных средств коммуникации.

1) Реальность/Гиперреальность (Симуляция и симулякры)

В теоретической части монографии я затрагивал проблему эмансипации знаков в современных обществах, образующих особую область реального, которая не менее реальна, чем обычная реальность, однако превосходит её в том, что включает в себя различные компоненты никогда ранее не существовавшие и не существующие в реальности (Бодрийяр, Делёз). Субстратом гиперреальности являются симулякры, объекты, имеющие слабые референции в действительности или вовсе не имеющие их. Медиумами гиперреальности сегодня являются телевидение, интернет, а также некоторые формы современного искусства. Сознание современного человека не может отличить реальное от гиперреального, оригинал от копии, производство от симуляции. Негативный характер гиперреальности проявляется в том, что она действует разрушительно на реальность, общество и человека, в частности, является современной формой насилия знаков.

2) Личное общение/Виртуальное общение

Виртуальное общение есть отчужденное общение, так как представляет собой чистую коммуникацию в которой больше нет места социальному (Бодрийяр). С развитием современных медиатизированных обществ личное общение людей переносится в сферу виртуального и гиперреального, собеседник, партнер, предстает в своей оцифрованной форме в виде пикселей, картинок, звуков, изображений. Телевидение, интернет, спутники, электрические сети выступают в виде отчужденных человеком от самого себя различных его функций и внутренних органов (Маклюэн). Например, электрические сети являются отчужденной нервной системой современного общества, опоясывающая планету и обеспечивающая коммуникацию. Таким образом, современное человечество представляет собой, по мнению современных исследователей своего рода инвалида, опирающегося на протезы современных технологий, которые, в свою очередь, являются отчужденными органами и их функциями.

Растущее преобладание виртуальных форм человеческого взаимодействия над реальными пагубно сказывается на челове-

ских взаимоотношениях. Последние теряют свою глубину, искренность, чувство привязанности и ответственности, становятся кратковременными и поверхностными, атомизируют современные общества (Бауман). Происходит испарение той социальности, которую Чарльз Кули называл человеческим в человеке: любовь, дружба, ответственность, честность, ненависть, справедливость.

3) Значение/Код

Коды – это отчужденные от реальности значения, смыслы. В современных обществах коды являются регуляторами виртуального и гиперреального пространств и характеризуют, таким образом, отчуждение современного человека от реальной, действительной сферы жизни. Если значение (обозначающее) отсылало прежде человека к чему-либо, что существует в действительности (обозначаемое), то коды сегодня выполняют совсем другую функцию – направляют сознание и восприятие человека на собственную систему значений, которая располагается лишь в семантической системе, иными словами, которая не представлена в реальности. Таким образом, современное отчуждение характеризуется тем, что вся деятельность человека протекает в мире кодов и символов, а не в мире реальных значений, смыслов и предметов. Потребление, политика, искусство, наука – лишь короткий перечень институтов, в которых господствует разрушительное влияние кодов.

4) Подлинность/Кажимость

Кажимость – это характеристика отчужденного человека – человека, сознание, тело и личность которого (хотя сама личность современного человека тоже находится под вопросом) состоит полностью из отчужденных от реальности кодов, символов и симулякров. Всеобщая тенденция подмены реальности на гиперреальность, замена действительного симуляцией преобразует и саму природу человека, в частности, такую его социальную характеристику, как тело. Так, подлинное человеческое тело, также превращается в чистый знак, а, следовательно, в кажимость. Главенствующее влияние на подобную мутацию телесности и её восприятие оказывают индустрия моды и практики потребления. Отныне одежда, формы тела, внешний вид изменяются и подбираются в соответствии с потребительскими стандартами, которые в свою очередь формируются кодами и символами. На службе подобного телесного менеджмента стоят пластическая хирургия, шейпинг, фитнес, косметическая индустрия, а также мода, тех-

нологии стиля и красоты. Отчужденный человек, таким образом, предстает в виде деперсонализированного манекена, части тела которого, одежда и стиль жизни детерминированы семантическими значениями, кодами.

В контексте этого исследования имеет большое значение тот факт, что значительная доля ИТР включена в дискурс виртуального общения, а в качестве основного СМИ использует телевидение. Это приводит к мысли о значительных тенденциях в виртуализации жизни работников промышленных предприятий, отчуждении их от реальности в сторону гиперреальности, как продукта телевизионных и коммуникационных технологий, в частности. Более тщательное исследование виртуализации работников современных российских предприятий (в том числе в сфере трудовых отношений, что вызывает особый интерес), возможно, является делом будущего российской науки, ведь такие зарубежные исследования уже имеются.

Выводы

Данный параграф является результатом анализа сферы труда, производственных отношений на современных российских промышленных предприятиях на предмет того, как проявлено в их контексте современное отчуждение. Кроме того, уделяется внимание таким важным аспектам жизни ИТР (вне сферы труда) как потребление, включенность в медиа дискурс, отношение к окружающей действительности, как к её определенным уровням, частям, так и всему мирозданию в целом – космосу. В соответствии с целями и задачами исследования были проиллюстрированы и концептуализированы различные виды отчуждения, которые могут быть охарактеризованы как виды отчуждения, присущие советскому обществу или обществу западному. Стоит отметить, что мой научный анализ не претендует на универсальность, всеохватность выявления и описания всей бесконечно множественной палитры видов проявления отчуждения в современном российском обществе, однако он позволяет выкристаллизовать, тем не менее, наиболее важные и интересные, на мой взгляд, виды и форму отчуждения, предпосылки их возникновения, а также экономико-социальные, культурные и исторические факторы, определяющие его возникновение. В ходе исследования я отметил виды отчуждения, которые счёл нужным не помещать в жесткую морфологическую структуру верификации отчуждения по признакам, относящим его к западным или советским видам. Скорее

всего, я мог бы это сделать, но предпочёл отнести их к общей совокупности видов отчуждения, с целью уделить этим видам отчуждения более подробный, детальный анализ в ходе своих будущих исследований, ведь проблема и гипотеза, заявленная мной имеет большое будущее с точки зрения её верификации, так как предмет исследования динамичен и, следовательно, требует перманентного анализа и концептуализации. Однако эти некоторые, не отнесенные столь жестко к западным или советским видам отчуждения случаи, верифицируют гипотезу о трансотчуждении, так как никоим образом не противоречат той совокупности видов отчуждения, которые я называю западными или советскими, а дополняют их.

Таким образом, вышеописанные и проиллюстрированные различные виды проявления отчуждения ИТР современных российских промышленных предприятий, а также теоретические анализ относительно современного отчуждения (в частности на примере России), подтверждаются, на мой взгляд, гипотезу о том, что современное отчуждение представляет собой особую форму – трансотчуждение, которая характеризуется наличием в современном российском обществе признаков сохраняющихся советских видов отчуждения и привнесенных в процессе реформ последних примерно трех десятилетий признаков западных видов отчуждения.

Так, в процессе исследования была выявлена определенная палитра признаков отчуждения, которая позволяет говорить о нем как об отчуждении, свойственном советскому обществу и по-прежнему проявляющего себя в контексте российской действительности. В сфере труда и производственных отношений на обследуемых промышленных предприятиях наиболее сильно выражены отчуждение от управления, власти, проявления самостоятельности в труде. Особенно обращает на себя внимание такой центральный вид советского отчуждения, как отчуждение от удовлетворения потребностей: в достойной оплате труда, хороших санитарно-гигиенических условиях труда, самореализации, творческом развитии, профессиональном росте, уважении со стороны коллег и руководства, безопасности. Неудовлетворительным выглядит состояние общего социально-психологического климата в коллективах, отношения в которых являются достаточно поверхностными, а уровень корпоративной культуры посредственным. Обращает на себя внимание факт наличия социального отчуждения между работниками и руководителями предприятий, которое

ИТР описывают в категориях дистанции, высоты, недоступности руководства, а также невозможности до него «достучаться». Эта ситуация является проявлением таких измерений (dimensions) отчуждения как бессилие и бессмысленность. Последние порою являются теми катализаторами, которые приводят к открытым столкновениям между работниками и руководством в виде различных акций протеста – на обследуемых нами предприятиях они имеют место. Немаловажными выглядят данные о наличии отчуждения работников от информации о предприятии и его деятельности.

Вне сферы труда и производственных отношений, в общем социальном контексте, ответы ИТР иллюстрируют политическое отчуждение, которое выражается в недовольстве властью, неспособности влиять на политические процессы в стране, в отсутствии политических партий, которые могли бы представлять их интересы и гражданскую позицию (50% ИТР отмечают, что в России нет политических партий адекватных их политическим убеждениям, чаяниям, надеждам). На мой взгляд, такой советский вид отчуждения, как отчуждение от правдивой информации, по-прежнему сохраняется: в массе своей ИТР являются приверженцами телевидения как основного средства получения информации. Имеет место традиционное отчуждение от потребностей: значительная часть ИТР отмечает недостаток в их жизни качественного питания, хорошего здоровья, уверенности в завтрашнем дне, безопасности, хороших жилищных условий.

Западные виды отчуждения, которые являются результатами рыночных, капиталистических процессов в обществе потребления и гиперреальности, также присутствуют в российской действительности. Так, на процессы социального взаимодействия в сфере производственных отношений большой отпечаток накладывают привнесённые в Россию западные принципы индивидуализма, практики рыночных взаимоотношений, альтернативные формы собственности. Последствиями переноса и неэффективной адаптации последних к российской действительности являются разрушение чувства локтя в рабочих коллективах, уменьшение ориентации на взаимопомощь, ориентация на личную выгоду. При этом, декларируемая де-юре возможность принимать работниками участие в управлении, на деле, в реальности, не осуществляется, сохраняется отчуждение от управления и социальное отчуждение от руководства предприятия.

Вне сферы трудовых отношений обращает на себя внимание факт практически массового включения ИТР в телевизионную гиперреальность. Рассматриваемая с критических позиций постмодернизма такая включенность является негативной, отчуждающей человека от мира реального, а также от правдивой и разнообразной информации, делает его конформным массовым потребителем, продуцирует один из основных видов отчуждения – политическое отчуждение. Показательно, что часть ИТР склонны к консюмеризму, при котором происходит самоотчуждение человека, редукция всей полноты его личности к одномерной структуре потребностей, не учитывающих высшие мотивы человеческой деятельности. В результате такой негативной включенности человек становится «счастливым роботом».

Особое место в списке признаков западных видов отчуждения занимает проблема виртуализации и медиатизации современного общества. Значительная доля ИТР отмечает, что активно пользуется виртуальными средствами связи. В этом случае уместно вспомнить об отчуждении от реальности и социальном отчуждении, которое проявляется в том, что социальное взаимодействие перестает происходить в форме личного общения, лицом к лицу, а переходит в разряд симуляции.

Таким образом, проиллюстрированная ответами ИТР совокупность различных проявлений отчуждения, которые могут быть отнесены к западным, советским или универсальным видам отчуждения, образуют определенный сплав, гибридную форму отчуждения, которую я и называю трансотчуждением.

2.5. Типы итр по видам и форме отчуждения

Одним из этапов исследования отчуждения было выявление типов ИТР, испытывающих различные виды отчуждения, а также его особую форму – трансотчуждение. Для осуществления данной задачи я применил методы факторного и кластерного анализа.¹ На первом этапе были выделены 5 факторов, которые характеризуют различные виды отчуждения респондентов в сфере труда, частной жизни, в сфере удовлетворения материальных потребностей и т.д. (см. таблицу 33).

---

¹ Факторный и кластерный анализы строились на данных оценок ИТР о степени наличия в их жизни различных благ (см. приложение 2, табл. 1)

Интерпретация факторов

Факторы (Отчуждение от...)	Факторные нагрузки	Переменные
1. Профессионального развития, самореализации	0,804	Возможность реализовать себя, свои способности и дарования
	0,763	Возможность работать с полной отдачей
	0,678	Служебный рост, продвижение по службе
	0,670	Признание заслуг со стороны руководства
	0,619	Уважение и признание со стороны коллег
2. Стабильности, уверенности в будущем	0,757	Вера в справедливое устройство мира, в то, что добро победит зло
	0,737	Вера в будущее России
	0,695	Возможность быть свободным
	0,517	Уверенность в завтрашнем дне
	0,515	Безопасность существования
3. Общениа, досуга	0,780	Возможность общения с людьми своего круга, друзьями
	0,698	Свободное время для занятий любимым делом (спорт, огородничество, рыбалка, музыка и т.д.)
	0,545	Свобода, независимость существования
4. Финансового, материального благополучия	0,759	Финансовое благополучие
	0,702	Хорошие жилищные условия
	0,635	Возможность путешествовать
	0,632	Полноценное питание
	0,621	Уверенность в завтрашнем дне
5. Счастливого брака, семьи	0,891	Счастливый брак
	0,855	Семейный комфорт, хорошая семья

На втором этапе, на данных факторного анализа был проведён кластерный анализ К-средними, в результате которого были получены 5 кластеров (см. рисунок 5). Первый кластер включает в себя 36 ИТР, второй – 52, третий – 50 респондентов, четвертый и самый многочисленный – 92, пятый – 46 ИТР.

Далее я привожу описание различных типов ИТР, которые являются носителями тех или иных видов отчуждения, а также трансотчуждения.

Первый тип ИТР – отчуждённые в сфере труда. Отличительной особенностью этой группы респондентов является, по сравнению с другими группами ИТР, наличие большого спектра проявления отчуждения в производственной сфере. Так, в их профессиональной деятельности полностью отсутствует возможность

служебного роста; отсутствует возможность самореализации (3,6)¹, нет возможности работать с полной отдачей.

Данная группа респондентов, по их мнению, пользуется слабым уважением со стороны коллег, а признание их заслуг руководством отсутствует. Об отчуждении от профессионального развития говорит отрицательная связь этого кластера тружеников с соответствием профессионального образования выполняемой работе (-2,3). Образование данной группы ИТР позволяет выполнять более сложную работу; а сама выполняемая работа не вполне соответствует их профессиональным интересам и запросам. Показательно с точки зрения отчуждения труда то, что сам процесс труда вызывает у ИТР первого кластера ощущение бессмысленности.

Наиболее сложным условием труда для работников первого кластера являются отношения с руководством, непонимание с его стороны. Логично, что в качестве условий, при которых они бы могли работать лучше, они видят увеличение внимания со стороны руководства, а также смену руководства (3,7).

Для ИТР отчуждённых в сфере труда, бессмысленными являются попытки добиваться улучшения условий труда, организации производства от руководства предприятия, так как «руководство находится слишком высоко на иерархической лестнице, степень осознания проблем работников им невысока» (2,7). Уровень участия работников в управлении производством ИТР первого кластера оценивают как очень низкий.

Отличает ИТР, отчуждённых в трудовой сфере, от других кластеров ИТР наличие хорошей семьи, счастливого брака и друзей. В данном случае стоит вспомнить К. Маркса, Ж. Батая и их идеи о том, что настоящая жизнь работника начинается лишь за пределами производства.

Отличием этого типа ИТР является включенность в процесс перепотребления, консумеризма – они отмечают, что «приблизилась к типу людей, для которых справедливо высказывание «Я живу, чтобы потратить» (2,4). Кроме того, «первокластерники» отмечают, что регулярно употребляют алкоголь; являются атеистами; много времени уделяют интернету как средству массовой информации; их жизненное кредо – «Надежда на лучшее».

---

¹ Здесь и далее в скобках приводится величина стандартного смещения (z-статистики) при 5% -м уровне (превышает по модулю значение 1,96). Некоторые таблицы распределения, использованные при описании кластеров, приведены в Приложении 2.

Данная группа ИТР подвержена старым (советским) и новым (западным) видам отчуждения, что характеризует отчуждение этого типа работников как трансотчуждение.

Второй тип ИТР получил название отчуждённые от материальных потребностей и в сфере труда. Отчуждение от потребностей (в терминологии Н. Лапина) данного типа ИТР выражается в том, что эта группа респондентов не располагает финансовым благополучием, материальным достатком; полноценным питанием; хорошим здоровьем. Ощущение безопасности своего существования у данного типа тружеников отсутствует; связь этого кластера с отсутствием страха за свою жизнь и жизнь детей отрицательная (-2,7).

От первого типа ИТР данная группа респондентов отличает то, что их образование соответствует выполняемой работе, а последняя соответствует их профессиональным запросам и интересам (2,2), что в целом говорит об отсутствии отчуждения от возможности саморазвития и самореализации в труде. Однако они также не испытывают уважения со стороны коллег и признания со стороны руководства.

Отличает эту группу (отчуждённых от базисных потребностей) озабоченность такими проблемами современной России, как расслоение общества на богатых и бедных, плохая работа правовой системы, проблемы в сфере здравоохранения (2,1). Особенностью респондентов этой группы является употребление антидепрессантов. Их жизненное кредо – «Оставаться самим собой».

Отчуждение данного типа ИТР характеризуется с позиций старых (советских) видов отчуждения: от потребностей (от полноценного питания, от финансового благополучия, от хорошего здоровья), от безопасности (плохая работа правовой системы).

Третий тип респондентов объединяет в себе наиболее молодое поколение ИТР, которые отчуждены от материальных потребностей, но испытывают доверие к людям и полны жизненного оптимизма. Этот кластер ИТР мы назвали «наивной молодёжью». Наивный человек (по определению) – это человек, не имеющий большого жизненного опыта, при этом доверчивый.

О финансовом благополучии, материальном достатке в жизни ИТР третьего кластера говорить не приходится, они отсутствуют (3,6); остро стоит проблема с жильём. Однако молодые ИТР могут похвастаться хорошим здоровьем, доверием к людям, верой в Россию (2,3).

Для «наивной молодёжи» работа является возможностью занять более высокую ступень в обществе, а также являет собой возможность совершенствовать профессиональные навыки. Молодежь работала бы лучше, если бы улучшились условия жизни: жильё, мед. обслуживание и т.д.

Отличает работников этого типа ИТР то, что они активно практикуют виртуальное общение (4,2). Также в отличие от других групп респондентов они отмечают, что являются верующими, а вера наполняет их жизнь смыслом и позволяет терпеливо переносить невзгоды. Их жизненное кредо – «Вперёд, ни шагу назад».

Труженики данного типа трансотчуждены: они испытывают старые (советские) и новые (западные) виды отчуждения: отчуждение от различных материальных потребностей дополняется отчуждением от реальности (виртуальное общение).

Четвёртый и самый многочисленный тип ИТР – это группа «тотально неотчуждённых» работников, «баловней судьбы». К подобному определению я пришёл, воспроизводя в своей памяти фильм Клода Лелюша. Отличительной особенностью этого кластера является то, что он объединил в себе более половины респондентов, занимающих руководящую должность. Этот тип в полной мере располагает финансами (7,9), жильём; имеет возможность служебного роста, работает с полной отдачей, самореализуется в труде; обеспечен признанием заслуг со стороны руководства. «Баловни судьбы» имеют хорошее здоровье (3,9), полноценно питаются, ощущают безопасность своего существования. Они доверяют людям и верят в Россию; свободно выражают свои взгляды.

Данный тип ИТР является наиболее пожилым. Отличает кластер «баловней судьбы» наиболее высокая в структуре типов ИТР заработная плата.

Тип ИТР-руководителей никогда не испытывает тоски, грусти, безысходности; к окружающим они испытывают положительные чувства (2,1).

Жизненное кредо «баловней судьбы» – «Не поддаваться унынию, не раскисать».

Пятый тип ИТР – это тотально отчуждённые респонденты, «униженные и оскорблённые». Определяя так эту группу, я апеллирую к творчеству Фёдора Михайловича Достоевского, в котором показана жизнь так называемого городского социаль-

ного дна, с присущими ей бедностью, материально-бытовыми и жилищными проблемами, неустроенностью личной жизни. Зачастую основной удар судьбы в произведениях подобного рода приходится на женщин. Так, отличительными особенностями этого кластера являются преобладание в нём женщин и полное отсутствие ИТР, занимающих руководящие должности на предприятии.

Связь кластера «Униженных и оскорблённых» с финансовым благополучием и материальным достатком отрицательная (–3,5); у них отсутствуют хорошие жилищные условия, нет хорошего здоровья; они не имеют возможности служебного роста.

В жизни данной группы ИТР отсутствует счастливый брак и хорошая семья. Данному типу не свойственна уверенность в завтрашнем дне, нет доверия к людям, нет веры в Россию. Связь кластера «униженных и оскорблённых» с возможностью быть свободным, свободно выражать свои взгляды отрицательная (–2,9). К данному типу принадлежат в основном люди одинокие, женщины, бездетные.

Работа для ИТР пятого кластера – это, прежде всего возможность обеспечить себя материально, а также привычка, обязательство (2,1). «Униженные и оскорблённые» отмечают, что у них возникало желание участвовать в акциях протеста на предприятии.

Отличает данный тип ИТР от других групп тружеников то, что они постоянно ощущают одиночество, часто испытывают состояния тоски, грусти и безысходности; употребляют транквилизаторы (2,6). Окружающие люди для ИТР пятого кластера – это люди, которые им безразличны.

Любимым занятием на досуге для них является общение по интернету. Их жизненный девиз – «Главное – благополучие, денежное, семейное и т.д.».

Данный тип ИТР также являет собой пример трансотчуждения – сферы, институты общества в которых проявляется их отчуждение, многочисленны и охватывают область труда, виртуальной реальности, частной жизни, удовлетворения потребностей и саморазвития.

Вывод: разные группы ИТР испытывают те или иные виды отчуждения: от самореализации в труде, от потребностей, от духовности (консумеризм), от реальности (виртуализация). Это говорит о том, что в целом отчуждение ИТР российских предприя-

тий характеризуется всем спектром видов отчуждения: от новых (западных) до старых (советских). Некоторые группы ИТР (три из пяти) являются свидетельством существования особой формы отчуждения – трансотчуждения, так как испытывают на себе одновременно старое (советское) и новое (западное) отчуждение, что согласуется с выдвигаемой автором монографии гипотезой. Первый кластер ИТР объединяет отчуждённых в сфере труда и характеризуется такими видами отчуждения, как отчуждение от самореализации в труде, от профессионального развития, от уважения коллег, признания заслуг со стороны руководства и т.д. Второй тип ИТР – отчуждённые от потребностей и в сфере труда; им соответственно присущи такие виды отчуждения, как отчуждение от хорошего питания, финансового благополучия, хороших жилищных условий, а также отчуждение от признания заслуг со стороны руководства и от хороших санитарно-гигиенических условий. Третий кластер («наивная молодёжь») – это тип наиболее молодого специалиста отчуждённого от потребностей, материального благополучия, но обладающего верой в Россию и доверием к людям. Четвёртый тип респондентов (ИТР-руководителей) самый благополучный («баловни судьбы») – демонстрирует отсутствие видов отчуждения (развивается в труде, обладает финансовым благополучием, хорошим жильём и т.д.). Пятый кластер объединил в себе тотально отчуждённых респондентов («униженных и оскорблённых»): они отчуждены от потребностей в финансовом благополучии, испытывают жилищные проблемы, одиноки, с отчуждением и недоверием воспринимают окружающих, не реализуются в труде; им присущ такой вид отчуждения как отчуждение от реальности – они практикуют виртуальное общение.

Представители трёх из пяти групп ИТР являются трансотчуждёнными работниками, так как к их палитре отчуждения добавляются такие виды отчуждения, как отчуждение от духовности (консумеризм) и отчуждение от реальности (виртуализация общения, формирование гиперреальности): «наивная молодёжь», отчуждённые в сфере труда, «униженные и оскорблённые».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование феномена современного отчуждения (трансотчуждения), представленное в данной монографии, не претендует на полную завершённость и по-прежнему оставляет много возможностей и путей интерпретации процессов отчуждения, протекающих как в России, так и в мировом контексте в целом. Я надеюсь, что теоретические положения, концепция трансотчуждения, эмпирические данные и другие составляющие этой работы послужат подспорьем для будущих исследований отчуждения, а также смежных с ним социологических, экономических, философских, психологических и культурологических феноменов современности и постсовременности.

Монография выполнена в формате ризомной структуры, а это значит, что части, составляющие её, могут быть интерпретированы отдельно друг от друга: главы и параграфы целостны, самодостаточны, но при этом комплиментарны. Данный методологический приём позволит коллегам из гуманитарных и общественных областей научного знания извлекать из монографии идеи, положения, гипотезы и интерпретировать их в феноменологическом ключе: я сознательно не присваивал своим измышлениям категориальные ярлыки (хорошее/плохое и т.п.), оставляя за читателем право самому интерпретировать и оценивать те или иные характеристики отчуждения. В частности, от моей жёсткой авторской оценки свободна схема индикаторов отчуждения. Впрочем, личная позиция автора относительно современного отчуждения – трансотчуждения – в тексте монографии, безусловно, присутствует.

По традиции в завершение монографии я предлагаю следующие основные результаты исследования трансотчуждения:

Теоретические:

Сформирована и дополнена схема основных этапов в изучении отчуждения как социально-экономического и философского феномена: а) древний и античный период, представленный трудами индийских мыслителей и философов античной Греции, которые заложили основы понимания отчуждения через представления о том, что физический, проявленный, материальный мир является результатом отчужденного от самого себя духа и юдолью отчужденного от истинной, духовной реальности человека;

б) классический период в обществознании, изучение отчуждения в котором связано с именами Ф. Гегеля, К. Маркса, Ж.-Ж. Руссо, М. Гесса, Т. Гоббса, их заслугой является интерпретация отчуждения в системе представлений об овеществлении (в том числе человеческих отношений), отчуждении труда, прав, социальных институтов, в частности, в привязке к капиталистическому устройству общества; в) классический период конкретно социологического знания о феномене отчуждения, явившееся результатом научной деятельности таких грандов научной мысли как М. Вебер, Э. Дюркгейм, З. Фрейд, Г. Зиммель (отчуждение как результат рационализации и бюрократизации общества, конфликта между человеком и культурой, цивилизацией, отчуждение как следствие урбанизации); г) современный период в социологии, основными исследователями отчуждения которого были М. Симен и Р. Мертон (зонтичный концепт пяти измерений отчуждения; аномия), а также представители Франкфуртской школы социологии: М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Э. Фромм, Х. Арндт, Г. Маркузе (отчуждение как итог формирования технократической цивилизации, массового общества потребления); д) постмодернистский период в социологии, представленный именами Ж. Бодрийяра, М. Маклюэна, Д. Кельнера, Ж. Батая, З. Баумана (отчуждение как следствие медиатизации общества, перехода его в фазу симуляции и формирования гиперреальности; отчуждения человеком от самого себя своей суверенности в пользу общего и суверена); е) период так называемого постпостмодернизма, который пытается снять проблему отчуждения, возникающего в процессе взаимодействия между человеком и вещами, объектами материального мира, через возвращение вещам их «досоциальной» сущности (К. Кнорр-Цетина, Б. Латур и др.).

Предложена теоретическая интерпретация отчуждения с позиций символического интеракционизма и феноменологической традиции в социологии, обусловленная потребностью современной социологии обогатить имеющийся структуралистский, институциональный подход в изучении отчуждения новым теоретическим и методологическим инструментарием, который бы позволял изучать отчуждение, условия и факторы его возникновения на микроуровне, в частности, в процессе ежедневного, и что важно, личного общения между индивидами, в ходе рутинной

интерпретации людьми социальной реальности. Включение интерпретативных техник в методологию изучения отчуждения позволило бы сконцентрировать внимание не только на структурные, институциональные факторах, приводящих к отчуждению, но и на том, какая роль в процессе отчуждения принадлежит самим людям, акторам социального взаимодействия, насколько их собственная интерпретация действительности влияет на процессы отчуждения. Актуальность подобного рода нововведений обусловлена пока еще находящимися в зачаточном состоянии исследованиями отчуждения в сфере личностного, речевого взаимодействия (Д. Калекин-Фишман). Представляется, что предложенные нами теоретические варианты изучения отчуждения с позиций интеракционизма и феноменологии могли бы заполнить лакуны теоретико-методологического знания для изучения отчуждения в личностном, речевом взаимодействии.

Обогащено понятийное поле проблемы отчуждения в ходе применения нами понятия «трансотчуждение», которое характеризует одновременное существование в современном российском обществе видов старого (советского) и нового (западного) отчуждения.

В ходе исследования успешно применено понятие «трансгрессия», которое позволяет рассматривать реформационные процессы трёх последних десятилетий в России с позиции преодоления определенных запретов, табу, норм в различных сферах общественной жизни: экономической, политической, сексуальной, культурной (эти запреты и нормы являлись факторами возникновения советских видов отчуждения). В отличие от трансформации трансгрессия несёт в себе дополнительный смысл: трансгрессия не отменяет запреты, а приостанавливает их, видоизменяет, меняет их силу. Данный факт позволяет автору объяснить консервацию старых (советских) видов отчуждения и появление новых (западных) видов отчуждения.

Прикладные:

Отчуждение ИТР российских предприятий проявляет себя в качестве разнообразных видов отчуждения, которые могут быть определены как новые (западные), или старые (советские), виды отчуждения.

Показано, что период транзиции, в котором пребывает современное российское общество, характеризуется наличием таких

традиционных для отечественной действительности видов отчуждения, как отчуждение от управления, удовлетворения потребностей, от самореализации (развития), а также достаточно новых, являющихся результатом резкого включения российского общества в практики массового потребления, в процессы медиатизации и виртуализации общества (отчуждение от реальности; отчуждение от духовности, самоотчуждение). Гибридизация этих видов отчуждения, приводит к появлению трансотчуждения.

При помощи кластерного анализа продемонстрировано, что концентрация различных видов отчуждения в разных группах респондентов неодинакова. Первый кластер ИТР объединяет отчуждённых в сфере труда (отчуждение от самореализации в труде и от профессионального развития, от уважения коллег и заслуг со стороны руководства и т.д.). Второй тип ИТР – отчуждённые от потребностей (от хорошего питания, финансового благополучия, хороших жилищных условий) и в сфере труда (от уважения коллег, от признания заслуг со стороны руководства; от хороших санитарно-гигиенических условий). Третий кластер («наивная молодёжь») – это тип наиболее молодого специалиста отчуждённого от потребностей и материального благополучия, но обладающего верой в Россию и доверием к людям. Четвёртый тип респондентов (ИТР-руководителей) самый благополучный («баловни судьбы») – вовсе демонстрирует отсутствие каких либо видов отчуждения (развивается в труде, обладает финансовым благополучием и т.д.). Пятый кластер объединил в себе тотально отчуждённых респондентов («униженных и оскорблённых»): они отчуждены от потребностей в финансовом благополучии, испытывают жилищные проблемы, одиноки, с отчуждением и недоверием воспринимают окружающих, не реализуются в труде. Представители трёх из пяти групп ИТР являются трансотчуждёнными работниками, так как к их палитре отчуждения добавляются такие виды отчуждения, как отчуждение от духовности (консумеризм) и отчуждение от реальности (виртуализация общения, формирование гиперреальности): «наивная молодёжь», отчуждённые в сфере труда, «униженные и оскорблённые».

Показано, что для упразднения отчуждения на уровне предприятия необходимо трансформировать жесткую вертикаль управления и власти на предприятии, ускорить темпы обновления

технологической и технической базы, повысить уровень вознаграждения труда, улучшить санитарно-гигиенические условия труда, сократить дистанцию между работниками и руководством. Актуализирована необходимость увеличения субъектности человека труда, его инициативы, возможности управления производством. В общем социальном контексте, упразднение отчуждения от власти, от управления, возможно через упразднение вертикальной командно-административной системы управления страной и через упразднение коррупции.

Трансотчуждение работников современных российских промышленных предприятий является одним из основных тормозов развития, иными словами модернизации предприятий (job redesign).

Методические:

В ходе исследования получил апробацию разработанный автором монографии совместно с д.социол.н. Людмилой Васильевой Корель социологический инструментарий: 1) анкета эксперта (руководителя промышленного предприятия) «Промышленное предприятие Сибири в условиях глобального кризиса: социально-экономические трудности и ресурсы обновления»; 2) анкета инженерно-технических работников предприятий «Современный труженик – какой он?». Данный инструментарий позволил адекватно проверить выдвинутую гипотезу и выявить палитру видов и форму отчуждения работников современных российских промышленных предприятий.

В завершение работы, я выражаю свою надежду на то, что различные современные проявления отчуждения ИТР, которые имеют место и с одной стороны являются наследием советской эпохи, а с другой, следствием транзитивных процессов, раздирающих Россию в последние три десятилетия, хотя бы в некоторой степени будут упразднены, ликвидированы тем новым витком модернизации, на который вновь нацелено сегодня российское общество. Общество, учёные, журналисты, деятели культуры и искусства, политики сегодня вновь возлагают свои надежды на процессы гуманизации, демократизации и дебюрократизации институтов экономики, власти, политики, права, СМИ, которые в совокупности и понимаются как модернизация. А гуманизация и свобода, как известно – главное средство в борьбе с отчуждением.

ЛИТЕРАТУРА

Агеева Е. Отчуждение при социализме (обсуждение за “круглым столом”) // Социологические исследования (СОЦИС). – 1989. № 6. С. 38–48.

Адорно Т. Философия новой музыки. – М.: «Логос», 2001. – 352 с.

Афанасьев П.Н. Отчуждение личности в сфере высшего образования: на примере студенческой молодежи: Дис. ... канд. социол. наук. Казань. 2005. – 167 с.

Батай Ж. История эротизма. – М.: «Логос», 2007.

Батай Ж. Влечение и отвращение. II. // Коллеж социологии, 1937–1939 / Сост. Дени Олье. – СПб: Наука, 2004. – 588 с.

Батай Ж. Проклятая часть. Сакральная социология. – М.: Ладомир, 2006.

Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2005.

Бекк-Виклунд М. Феноменология: мир жизни и обыденного знания / Монсон П. Современная западная социология: теории, традиции, перспективы. – СПб: «Нотабене», 1992.

Берг Л.-Э. Человек социальный: символический интеракционизм / Монсон П. Современная западная социология: теории, традиции, перспективы. – СПб: «Нотабене», 1992.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995.

Бодрийяр Ж. Общество потребления. – М.: Культурная революция, 2006. – 272 с.

Боронов А. Отчуждение при социализме (обсуждение за “круглым столом”) // Социологические исследования (СОЦИС). – 1989. № 6. С. 38–48.

Быстров В. Обезглавленный миф // Вступ. статья. Коллеж социологии 1937–1939 / Сост. Дени Олье. – СПб.: Наука, 2004. – 588 с.

Вахштайн В. Социология вещей и «поворот к материальному» в социальной теории / Социология вещей. Сборник статей / Под ред. В. Вахштайна. – М.: 2006. – 392 с.

Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990.

Волчков Н. Отчуждение при социализме (обсуждение за “круглым столом”) // Социологические исследования (СОЦИС). – 1989. № 6. С. 38–48.

Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. – СПб: Питер, 2006.

- Гегель Ф.** Энциклопедия философских наук, Т. 3. – М., 1977.
- Гельвеций К.** Сочинения. Том 1, 2. – М.: Мысль, 1974.
- Герцберг Ф.** Мотивация к работе. – М.: Вершина, 2007. – 240 с.
- Гоббс Т.** Левиафан. Мысль, 2001. – 480 с.
- Гофман И.** Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. – М.: Институт социологии РАН, 2004. – 549 с.
- Гревцов Ю.** Отчуждение при социализме (обсуждение за “круглым столом”) // Социологические исследования (СОЦИС). – 1989. № 6. С. 38–48.
- Грегова Е.** Отчуждение при социализме (обсуждение за “круглым столом”) // Социологические исследования (СОЦИС). – 1989. № 6. С. 38–48.
- Гуссерль Э.** Логические исследования. Картезианские размышления. – М.: АСТ, 2000.
- Дебор Ги-Э.** Общество спектакля. – М.: Логос, 1998.
- Дебор Ги-Э.** Ги-Эрнст Дебор [Электронный ресурс]: Wikipedia. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Дебор,_Ги-Эрнст (дата обращения: 11.10.2008).
- Делёз Ж., Гваттари Ф.** Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург, 2007.
- Денисенко Н.А.** Конфликт как средство преодоления отчуждения в деятельности. Дис. ... канд. философ. наук. Новосибирск. 2004. – 178 с.
- Дмитриев А.** Отчуждение при социализме (обсуждение за “круглым столом”) // Социологические исследования (СОЦИС). – 1989. № 6. С. 38–48.
- Дюркгейм Э.** О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. – 575с.
- Дюркгейм Э.** Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994, с. 82–97.
- Зенкин С.** Роже Кайуа: игра, язык, сакральное / Вступ. статья. Кайуа Р. Игры и люди; Статьи и эссе по социологии культуры. – М.: ОГИ, 2007.
- Зенкин С.** Сакральная социология Жоржа Батая / Вступ. статья. Батай Ж. Проклятая часть. Сакральная социология. – М.: «Ладомир» , 2006.
- Зиммель Г.** Избранные труды. Ника-Центр, 2006. – 440 с.
- Зиммель Г.** Большие города и духовная жизнь [Электронный ресурс]: Логос, 2002. № 3–4. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/34/02.pdf> (дата обращения: 03.04.2007).

Зиммель Г. Человек как враг // Апокалипсис смысла. Сборник работ западных философов XX–XXI вв. – М.: Алгоритм, 2007.

Зиновьева Д. Психология отчуждения. – Волгоград, 2005.

Ильенков Э.В. Философия и культура. – М., 1991.

Кайуа Р. Игры и люди; Статьи и эссе по социологии культуры. М.: ОГИ, 2007.

Кант И. Сочинения в шести томах. – М., 1963–1966.

Клюенков О.И. Феномен отчуждения человека как опыт его существования: Дис. ... канд. философ. наук. Архангельск. 2007. – 140 с.

Кон И. В поисках себя. Личность и её самосознание. – Москва, 1984.

Конт О. Курс позитивной философии. – СПб., 2001.

Корель Л.В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики. – Новосибирск: Наука, 2005. – 424 с.

Корель Л.В., Комбаров В.Ю. Российские промышленные предприятия в зеркале многовекторной концепции модернизации: социологический ракурс // Регион: экономика и социология, 2010, № 4, – С. 167–187

Корель Л.В., Комбаров В.Ю., Ермаханова С.А. Руководители предприятий о российской промышленной политике в условиях глобального экономического кризиса (результаты экспертного социологического опроса) // ЭКО, 2010, №4, – с. 65–80.

Кравченко А. Отчуждение при социализме (обсуждение за “круглым столом”) // Социологические исследования (СОЦИС). – 1989. № 6. С. 38–48.

Кружилина Т.В. Педагогизация сознания субъектов образовательного пространства как основа преодоления отчуждения между поколениями: Дис. ... док. пед. наук. Магнитогорск. 2002. – 446 с.

Лакан Ж. Семинары. Книга 11. Четыре основные понятия психоанализа. – М: Логос, 2004.

Лалин Н. Тотальное отчуждение и общий кризис раннего социализма // Вестник Академии Наук СССР, 1990, №5, – С. 15–23.

Лалин Н. Тревожная стабилизация // Общественные науки и современность, 2007, № 6, – С. 39–53.

Латур Б. Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Социология вещей. Сборник статей / Под ред. В. Вахштайна. – М.: 2006. – 392 с.

Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. – СПб: 2006, – 240 с.

Левада-Центр. Доверие к милиции [Электронный ресурс]: отношение к милиции среди жителей крупных городов России. URL: <http://www.levada.ru/milicia04.html> (дата обращения: 21.01.2010).

Лейрис М. Сакральное в повседневной жизни // Коллеж социологии, 1937–1939 / Сост. Дени Олье. – СПб: Наука, 2004. – 588 с.

Лисовский А. Отчуждение при социализме (обсуждение за “круглым столом”) // Социологические исследования (СОЦИС). – 1989. № 6. С. 38–48.

Ло Дж. Объекты и пространства // Социология вещей. Сборник статей / Под ред. В. Вахштайна. – М.: 2006. – 392 с.

Ляшенко Ю.А. Феномен отчуждения человека в условиях информатизации общества: Дис. ... канд. филос. наук. Горно-Алтайск. 2007. – 150 с.

Малиева З.К. Педагогическая коррекция морального отчуждения студентов: Дис. ... канд. пед. наук. Владикавказ. 2003. – 181 с.

Малинкин А. Отчуждение при социализме (обсуждение за “круглым столом”) // Социологические исследования (СОЦИС). – 1989. № 6. С. 38–48.

Марков В. «Свое», «Чужое» и отчуждение в культуре. Кемерово, 2002. – 176 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1, 3, 42. – М.: 1974.

Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. – М., 1956.

Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. – М: ООО "Издательство АСТ", 2002.

Маслоу А. Мотивация и личность. – СПб: Евразия, 1999. – 478 с.

Мельн Е. Отчуждение при социализме (обсуждение за “круглым столом”) // Социологические исследования (СОЦИС). – 1989. № 6. С. 38–48.

Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). – М.: 1966. С. 299–313.

Нарский И. Об историко-философском развитии понятия «отчуждение» // Философские науки. 1963. № 4. С. 97–106.

Ньюман Л. Анализ качественных данных // Социологические исследования (СОЦИС). – 1998. № 12. С. 101–113.

Огурцов А. Отчуждение и человек // Человек, творчество, наука. – М., 1967. С. 41–82.

Олье Д. Коллеж социологии. М.: Наука, 2004 – 600 с.

Отчуждение. Социологический словарь [Электронный ресурс]: Мир словарей. URL: http://mirslovarei.com/content_soc/otchuzhdenie-8446.html (дата обращения: 05.07.2009).

Отчуждение. Социология: Энциклопедия. – Минск: 2003. – 1312 с.

Отчуждение труда при социализме и пути его преодоления / Сборник работ Совета молодых ученых Института Экономики АН СССР / Под редакцией Стародубской И.В., Мау В.А., Радаева В.В. Москва: 1989, – 176 с.

Отчуждение труда. История и современность / Я.И. Кузьминов, Э.С. Набиулина, В.В. Радаев, Т.П. Субботина / Рук. авт. колл. Я.И. Кузьминов. – М.: «ЭКОНОМИКА», 1989, – 287 с.

Парцвания В.В. Отчуждение. Отчужденный человек / Генеалогия отчуждения: от человека абстрактного к человеку конкретному. – СПб.: 2003.

Погосян В.А. Проблема отчуждения в «Феноменологии духа» Гегеля. – Ереван, 1973.

Подбучкая К.И. Педагогическая компетентность как фактор предупреждения отчуждения младших школьников от образовательного процесса: Дис. ... канд. пед. наук. Тюмень. 2001, – 239 с.

Попова Т.К. Отчуждение труда как система экономических отношений на уровне предприятия: взаимосвязь политэкономического и институционального аспектов: Дис. ... канд. эконом. наук. Иваново. 2009, – 174 с.

Руссо Ж.-Ж. Избранные произведения, т. I. – М.: 1961.

Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. – М.: 1998. – 416 с.

Руденский Е.В. Виктимология образования. – Новосибирск: СибПСИ, 2002.

Руденский Е.В. Клиническая социология образования. – Новосибирск: СибПСИ, 2006.

Сас Т. Миф душевной болезни. – М.: Академический проспект, 2010. – 421 с.

Семенов В. Отчуждение при социализме (обсуждение за “круглым столом”) // Социологические исследования (СОЦИС). – 1989. № 6. С. 38–48.

Сеннет Р. Падение публичного человека. – М.: Логос, 2002.

Сивринов Б.С. Социальные системы и социальная перспектива: строение и динамика. – Новосибирск: Наука, 2000.

Сивринов Б.С. Феноменологическая парадигма в преподавании социологии // Социологические исследования (СОЦИС). – 2000. № 9. С. 117–119.

Синкевич З. Отчуждение при социализме (обсуждение за “круглым столом”) // Социологические исследования (СОЦИС). – 1989. № 6. С. 38–48.

Ситуационизм [Электронный ресурс]: Wikipedia. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Ситуационизм> (дата обращения: 1.02.2009)

Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. – М.: 2002, – 456 с.

Тимофеева О. Введение в эротическую философию Ж. Батая. – М.: Новое литературное обозрение, 2009.

Тихонова Н.Е. К. Маркс и Ф. Энгельс о взаимодействии общества и природы / Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия. – М.: «Наука», 1981.

Трансгрессия. Новейший философский словарь, издание 2-е. – Минск, 2001, – 1048 с.

Трансгрессия. Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. – Мн.: Книжный Дом. 2003. – 1280 с.

Трансгрессия. Новейший философский словарь [Электронный ресурс]: Словопедия. URL: <http://www.slovopedia.com/6/210/771258.html> (дата обращения 16.03.2010).

Трапезников С.И. Трансформация отношений между трудом и капиталом в современной экономике: Дис. ... док. экон. наук. Москва. 2005, – 294 с.

Федоренко Е.Ю. Психологические механизмы отчуждения ребенка от учебного процесса: Дис. ... психол. наук. Красноярск. 2000, – 152 с.

Фейербах Л. Избранные философские произведения, Т. I,II. – М., 1955.

Фихте И. Сочинения. – М.: Наука, 2008.

Фролов С. Социология организаций. – М.: Гардарики, 2001.

Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: АСТ: 2009.

Фромм Э. Иметь или быть? – М., 2007. – 320 с.

Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: 1996.

Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. – М.: Наука, 2008.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – М.: Наука, 2006.

Харламов А.В. Социальное отчуждение в информационном взаимодействии: социально-философский анализ: Дис. ... канд. филос. наук. Кемерово. 2007, – 161 с.

Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. – М.– СПб: Медиум, Ювента, 1997.

Шаймухамбетова Г. Гегель и Восток. Принципы подхода. – М.: «Восточная литература» РАН, 1995. – 299 с.

Шайхитдинова С. Информационное общество и «ситуация человека»: Эволюция феномена отчуждения. – Казань, 2004.

Шкаратан О.И. Рабочий и инженер. Социальные факторы эффективности труда. – М., 1985.

Шюц А. Избранное. Мир, светящийся смыслом. – М., 2004.

Элиаде М. Йога. Свобода и бессмертие. – К.: «София», 2000. – 400 с.

Яковлев Н. Отчуждение при социализме (обсуждение за “круглым столом”) // Социологические исследования (СОЦИС). – 1989. № 6. С. 38–48.

Alienation [Электронный ресурс]: Dictionary.com. URL: <http://dictionary.reference.com/browse/alienation> (дата обращения: 23.09.09).

Appelbaum R., Bonacich E. Behind the Label: Inequality in the Los Angeles Apparel Industry. University of California Press, 2000. – 413 p.

Argyris C. Personality and organization. New York: Harper & Brothers, 1957.

Asplund J. Tid och rum; individ och kollektiv. Stockholm, 1983.

Barthes R. Mythologies. New York, 1962.

Baudrillard J. Simulacra and simulation. University of Michigan press, 1994.

Baudrillard J. La trasparenza del male. Saggio sui fenomeni estremi. SugarCo, 2001.

Baudrillard J. Patafisica e arte del vedere. Milano, 2006.

Baudrillard J. La societ e de consommation. Paris, 1970.

Baudrillard J. Le systeme des objects. Paris, 1968.

Bauman Z. Amore liquido. Sulla fragilit a dei legami affettivi. Bari, 2009.

Bauman Z. Consumo, dunque sono. Bari, 2008.

Bauman Z. Vita liquida. Bari, 2009.

Baxter B. Alienation and authenticity: some consequences for organized work. New-York, 1982.

Becker H. Outsiders. New York, 1963.

Blauner R. Alienation and freedom: The Factory worker and His Industry. Chicago: University of Chicago Press, 1964.

Blumer H. Symbolic interactionism: perspective and method. University of California Press, 1986.

Boje D., Rhodes C. The Virtual Leader Construct: The Mass Mediatization and Simulation of Transformational Leadership // Leadership. 2005. Vol. 1. – P. 407–428.

Caillois R. L'uomo e il sacro. Torino, 2001.

Cicuorel A. Language and Meaning in Social Interaction. New York, 1974.

Cicourel A. Method and Measurement in Sociology. New York, 1964.

Dickens P. Alienation, the cosmos and the self // The Sociological Review. Volume 57, Issue Supplement s2, 2009. – P. 47–65.

Ellul J. Propaganda: The Formation of Men's Attitudes. New York, 1973.

Ellul J. The Political Illusion. New York, 1967.

Gamst A. Meanings of work: consideration for the twenty-first century. Albany, 1995.

Goffman E. Encounters: two studies in the sociology of interaction. Indianapolis, 1961.

Goffman E. Jaget och maskerna. Stockholm, 1974.

Grandy G., Mills A. Strategy as Simulacra? A reflective look at the discipline and practice of strategy / Journal of Management Studies, Vol. 41, P. 1153–1170.

Hackman J., Oldham G. Work redesign. Addison-Wesley, 1980.

Hancock Ph. Baudrillard and the Metaphysics of Motivation: A Reappraisal of Corporate Culturalism in the Light of the Work and Ideas of Jean Baudrillard // Journal of Management Studies. Volume 36, Issue 2, 1999. – P. 155–175.

Heritage J. Garfinkel and Ethnometodology. Cambridge, 1984.

Herzberg F. One more time: how you motivate employees? Harvard Business Press, 2008.

Herzberg F., Mausner B., Snyderman B. «Motivation to work». Transaction Publishers, 1993. – 180 p.

Hess M. L'essenza del denaro // IL pensiero socialista (1791–1848) / Cura di Cristiano Camporesi. Roma, 1971, – P. 1121–1132.

Hewitt J. Jaget och samhället. Stockholm, 1981.

Hodson R., Sullivan T. Social organization of work. Belmont, CA, 2008.

Hughes A., Mansson S.-A. Kvalitativ sociologi. Lund, 1988.

Kellner D. Jean Baudrillard: From Marxism to Postmodernism and Beyond. Stanford University Press, 1989.

Knorr Cetina K. Sociality with the objects. Social relations in postsocial knowledge societies // *Theory, Culture and Society*, № 4, 1994.

Latour B. Non siamo mai stati moderni. Milano, 2009. – 230 p.

Mead G. От жеста к символу [Электронный ресурс]: Библиотека Фиделя Кастро. URL: <http://www.fidel-kastro.ru/sociologia/mead.htm> (дата обращения: 10.10.2008).

Morris J., Steers R. Structural influences on organizational commitments // *Journal of Vocational Behavior*, 1980, Vol. 17, P. 50–57.

Mottaz C. Some determinants of work alienation // *Sociological Quarterly*, 1981, Vol. 22(4), P. 515–529.

Odaka K. Toward industrial democracy: management and workers in modern Japan. Harvard University Press, 1975.

Organ D., Greene C. The effects of formalization on professional involvement: A compensatory process approach // *Administrative Science Quarterly*, 1981, Vol. 26, P. 237–252.

Osterman K. Locus of control and three types of aggression // *Aggressive behavior*, 1999, Volume 25, Issue 1, P. 61–65.

Schacht R. The future of alienation. Illinois press, 1994. – 184 p.

Schwartz H., Jacobs J. Qualitative Sociology: A Method to the Madness. New York, 1979.

Seeman M. On the Meaning of Alienation // *American Sociological Review*, 1959, Vol.24, P.784–788.

Sidorkin A.M. In the Event of Learning: Alienation and Participative Thinking in Education // *Educational Theory*. Volume 54, Issue 3, 2004, P. 251–262

Simmel G. The Philosophy of money. London, 2004. – 616 p.

Smith R., Preston F. Sociology. An introduction. New York. 1977. – 333 p.

Sorensen K., Eby L. Locus of control at work: a meta-analysis // *Journal of Organizational Behavior*, 2006, Volume 27, Issue 8, P. 1057–187.

Touraine A. L'évolution du travail ouvrier aux usines Renault. Paris, 1955.

Vallas S. The transformation of work. JAI Press, 2001, – 324 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Таблица 1

«Какие главные проблемы стоят перед Вами сегодня?»

Проблемы	%
Нехватка денег, безденежье	56.1
Отсутствие жилья, плохие жилищные условия	21
Плохое состояние здоровья	14.4

Таблица 2

«Насколько важны для Вас в жизни следующие блага?»

Благо	Насколько желаемо (среднее значение)	Насколько присутствует (среднее значение)
Хорошее здоровье	4.7	3.4
Возможность реализовать себя, свои способности и дарования	4	3.2
Хорошие жилищные условия	4.5	3.2

Таблица 3

«В какой мере Вы подвержены потребительскому азарту?»

Вариант ответа	%
Такой азарт мне не свойственен	37
У меня мало денег	34
Не люблю заниматься покупками	18.7
Время от времени впадаю в потребительский азарт	9
Другое	1.3

Таблица 4

«Что Вас более всего тревожит, когда Вы думаете о своем будущем?»

Вариант ответа	%
Невозможность оплаты кредита	9.5
Повторяющиеся кризисы, сводящие на нет достигнутое большим путем	21
Потеря работы, безработица	25
Нищета, бедность	15
Одиночество	8
Распад семьи	7

Таблица 5

«В какой степени Вы удовлетворены своим местом работы с точки зрения Вашего развития как профессионала, специалиста?»

Вариант ответа	%
Да, удовлетворен	50.3
Не вполне удовлетворен	43
Не удовлетворен	6.6

Таблица 6

**«Назовите проблемы российского общества,
которые волнуют Вас в наибольшей мере»**

Вариант ответа	%
Коррупция, чиновничий беспредел	25
Претензии к госвласти (макроуровень)	11
Преступность, криминал	13
Плохая работа правовой системы	4
Падение морального облика человека	9
Сильное расслоение общества на богатых и бедных	7
Отношение к детям и пенсионерам	5
Сфера здравоохранения	4
Безработица	5
Социальная напряженность	3
Эгоизм	4

Таблица 7

Оценка важности и наличия блага по пятибалльной шкале

Благо	Насколько важно (среднее значение)	Насколько присутствует (среднее значение)
Уверенность в завтрашнем дне	4.7	2.7

Таблица 8

**«Какие чувства Вы чаще всего испытываете,
когда думаете о своем будущем?»**

Вариант ответа	%
Комфорт, душевное спокойствие	4
Надежда на лучшее	51
Вера в свои силы, в успех	27
Тревога, страх	10.5
Ожидание худшего	6
Уныние, растерянность, безысходность	3
Безразличие, равнодушие	1
О будущем стараюсь не думать, живу одним днем	7

Таблица 9

**«Строите ли Вы обычно планы на будущее (на год или более)
или живете сегодняшним днем?»**

Вариант ответа	%
Строил и строю планы	34
Раньше не строил, сейчас строю	5
Раньше строил, сейчас нет, поскольку в стране нестабильная ситуация	25
Планов никогда не строил и не строю, живу сегодняшним днем	7.5
Планы строю только на короткий срок	27

Таблица 10

«Чувствуете ли Вы себя одиноким человеком?»

Вариант ответа	%
Нет, не чувствую	50.5
Порой чувствую себя одиноким, но это бывает редко	38
Чувство одиночества одолевает меня весьма часто	8.5
Чувство одиночества ощущаю постоянно	2

Таблица 11

«Как часто Вы испытываете состояние тоски, грусти, безысходности?»

Вариант ответа	%
Никогда	11
Редко	75
Часто	12.5
Иногда	1

Таблица 12

«Как бы Вы в целом охарактеризовали отношения между Вами и производственным коллективом, в котором Вы трудитесь?»

Вариант ответа	%
Товарищеские, всегда могу рассчитывать на поддержку и понимание	57
Приятельские (более поверхностные, чем товарищеские)	36
Безразличные	4
Неприязненные	1
Конфликтные	1
Другое	1

Таблица 13

«С каким из нижеследующих суждений о взаимоотношениях людей при решении деловых вопросов вы согласны?»

Вариант ответа	%
Люди должны заботиться прежде всего о своих интересах	2
Люди должны учитывать интересы других людей в той же мере, что и свои	64
Люди должны руководствоваться прежде всего своими интересами, но по возможности нужно учитывать и интересы других	33
Каждый из нас прежде всего должен заботиться об интересах других людей	1

Таблица 14

«Приходилось ли Вам в прошлом или текущем году участвовать в акциях протеста на предприятии (митинги, забастовки, голодовки и т.д.)?»

Вариант ответа	%
Не приходилось, акций протеста не было и желания не было	64
Не приходилось, акций протеста не было, однако желание было	15
Приходилось, участвовал	8
Не приходилось, хотя акции были и желание возникало	3.6
Не приходилось, акций были, и желания участвовать не было	7
Другое	1

Таблица 15

**«Как Вы считаете, работники на Вашем предприятии
трудятся добросовестно, с полной отдачей?»**

Вариант ответа	%
Да, так можно сказать практически обо всех	5
Да, так можно сказать о большинстве	45
Да, так можно сказать о половине работников	28
Так можно сказать лишь о меньшей части рабочих	16
Так к своей работе почти никто не относится	3
Другое	2

Таблица 16

«При каких условиях Вы могли бы работать лучше, чем сейчас?»

Вариант ответа	%
Если бы больше внимания (заботы) со стороны руководителей	8
Если бы было больше возможностей для самостоятельности, инициативы на рабочем месте	8.5
Если бы больше платили	28
Если бы было больше справедливости на работе	11.5
Если бы было современное качественное оборудование	13
Если бы требовательность ко всем без исключения работников, чтобы каждый работал как следует	16
Я и так работаю в полную силу	25

Таблица 17

«Какое количество времени, по Вашим оценкам, Вы уделяете СМИ?»

СМИ	Очень много %	Много %	Не много, мало %
ТВ	14.4	46.5	39
Интернет	12	23	65

Таблица 18

**«Есть ли смысл добиваться от высшего руководства предприятия
(директора, его заместителей и пр.) улучшения условий труда,
организации производства, обоснованного повышения зарплаты труда?»**

Вариант ответа	%
Да, смысл есть, потому что руководители прислушиваются к мнению работников и делают все, что от них зависит	9.6
Есть смысл, но только чтобы привлечь внимание	53
Руководство предприятия расположено так высоко на иерархической лестнице, что степень осознания им остроты проблем рядовых работников невысока	36.5
Не знаю	1

Таблица 19

**«Как бы Вы оценили степень участия рядовых работников
в решении общепроизводственных вопросов, в управлении производством?»**

	Отличная	Хорошая	Средняя	Плохая	Очень плохая
Степень участия	2%	10%	41%	36%	11%

Таблица 20

Какой стиль управления предприятием является наиболее эффективным на Ваш взгляд? (мнение экспертов – директоров предприятий)

Стиль управления	Число ответов
Авторитарный	2
Авторитарный с элементами демократии	11
Демократический с элементами авторитарности	6
Демократический	0

Таблица 21

«Какая политическая партия, на Ваш взгляд, наиболее полно отражает сегодня Ваши интересы, взгляды, настроения, нужды и чаяния?»

Варианты ответа	%
Нет такой партии	50
Единая Россия	29
Нацисты	0.3
Партия любителей пива	0.7
ЛДПР	4.6
КПРФ	7.5
Правое дело	0.7
Справедливая Россия	2.6
Не знаю	2

Таблица 22

«Процесс труда для Вас – это деятельность, которая чаще всего вызывает у Вас:...»

Вариант ответа	%
Чувство удовлетворения	20
Интерес, возможность самореализации	64
Безразличие	6
Тоску, уныние	3
Ощущение бессмысленности	4
Необходимость	3
По-разному	1

Таблица 23

«Какие стороны, условия Вашего труда являются сегодня для Вас наиболее сложными, представляют наибольшую трудность?»

Вариант ответа	%
Новая технология производства	7.5
Новые машины, оборудование	4
Необходимость переучиваться	12
Характер самих работ	17
Взаимоотношения в производственном коллективе	6
Отношения с руководством	12.5
Отношения с подчиненными	2
Большая физическая нагрузка	3
Большая нервная нагрузка	35
Вредность для здоровья	9.5
Плохие санитарно-гигиенические условия	8.5
Таких нет, все устраивает	5
Неправильный производственный процесс	2
Нехватка финансирования на обновление оборудования	2

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Таблица 1

В какой мере в Вашей жизни присутствуют сегодня следующие жизненные блага?

(В каждой строке обведите кружком *одну из цифр*, придерживаясь следующего принципа:

1 – благо отсутствует, 2 – присутствует слабо, 3 – присутствует в той же мере, в какой отсутствует, 4 – присутствует, 5 – максимально присутствует)

Жизненные блага	Оценки				
1. Уверенность в завтрашнем дне	1	2	3	4	5
2. Финансовое благополучие, материальный достаток	1	2	3	4	5
3. Хорошие жилищные условия	1	2	3	4	5
4. Душевный комфорт	1	2	3	4	5
5. Служебный рост, продвижение по службе	1	2	3	4	5
6. Возможность работать с полной отдачей	1	2	3	4	5
7. Возможность реализовать себя, свои способности и дарования	1	2	3	4	5
8. Уважение и признание со стороны друзей и коллег	1	2	3	4	5
9. Признание заслуг со стороны руководства предприятием	1	2	3	4	5
10. Хорошее здоровье	1	2	3	4	5
11. Счастливый брак	1	2	3	4	5
12. Семейный комфорт, хорошая семья	1	2	3	4	5
13. Возможность путешествовать по России (или другим странам)	1	2	3	4	5
14. Безопасность существования, отсутствие страха за свою жизнь, жизнь детей	1	2	3	4	5
15. Свободное время для занятий любимым делом (спорт, огородничество, охота, рыбалка, шитьё, вязанье, музыка и пр.)	1	2	3	4	5
16. Возможность общения с людьми своего круга, с друзьями	1	2	3	4	5
17. Свобода, независимость существования	1	2	3	4	5
18. Полноценное питание	1	2	3	4	5
19. Вера в справедливое устройство мира, в то, что добро победит зло	1	2	3	4	5
20. Вера в себя	1	2	3	4	5
21. Доверие к людям	1	2	3	4	5
22. Вера в будущее России	1	2	3	4	5
23. Возможность быть свободным, то есть открыто выражать свои мысли, чувства, поступать согласно Вашим взглядам	1	2	3	4	5

Таблица 2

Распределение оценок возможности реализовать себя, свои способности и дарования

Типы ИТР Оценка возможности	Отчуждённые в сфере труда	Отчуждённые от потребностей и в сфере труда	«Наивная молодежь»	«Баловни судьбы»	«Униженные и оскорблён- ные»
Отсутствует	29,4% (3,6)	9,6% (1,2)	6% (0,0)	0% (-3,0)	4,3% (0,6)
Присутствует слабо	38,9% (3,7)	19,2% (0,5)	24% (1,4)	3,3% (-4,3)	27,4% (0,1)
Присутствует средне	20,6% (-0,7)	38,5% (0,4)	38% (0,3)	33,7% (-0,5)	39,1% (0,5)
Присутствует	11,1% (-3,3)	32,7% (-0,5)	24% (-1,9)	54,3% (4,6)	22,6% (-0,5)
Максимально присутствует	0% (-1,5)	0% (-2,0)	8% (0,9)	8,7% (1,7)	6,5% (0,4)

Значимость хи-квадрата – 0,0002613

Таблица 3

Распределение оценок наличия хороших жилищных условий

Типы ИТР Оценка наличия	Отчуждённые в сфере труда	Отчуждённые от потребностей и в сфере труда	«Наивная молодежь»	«Баловни судьбы»	«Униженные и оскорблён- ные»
Отсутствует	2,8% (-1,9)	13,5% (0,2)	30% (4,1)	0% (-4,5)	26,1% (3,0)
Присутствует слабо	11,1% (-0,7)	13,5% (-0,3)	28% (2,9)	3,3% (-3,8)	28,3% (2,8)
Присутствует средне	16,7% (-0,6)	35,8% (2,1)	24% (0,6)	17,4% (-0,9)	15,2% (-1,0)
Присутствует	55,6% (1,5)	35,4% (-0,6)	16% (-4,4)	65,2% (5,1)	26,1% (-2,7)
Максимально присутствует	13,9% (1,4)	1,9% (-1,8)	2% (-1,7)	14,1% (2,7)	4,3% (-1,0)

Значимость хи-квадрата – 0,02

Таблица 4

Распределение оценок наличия финансового благополучия

Типы ИТР Оценка наличия	Отчуждённые в сфере труда	Отчуждённые от потребностей и в сфере труда	«Наивная молодежь»	«Баловни судьбы»	«Униженные и оскорблён- ные»
Отсутствует	8,3% (0,0)	9,6% (0,4)	14% (1,6)	0% (-3,5)	17,4% (2,4)
Присутствует слабо	25% (-0,1)	37,6% (2,2)	46% (3,6)	1,1% (-6,6)	43,5% (3,0)
Присутствует средне	47,2% (0,9)	41,2% (0,6)	38% (-0,4)	40,2% (0,0)	34,8% (-0,9)
Присутствует	19,4% (-0,3)	9,6% (-2,3)	2% (-3,7)	48,9% (7,9)	2,2% (-3,5)
Максимально присутствует	0% (-1,3)	1,9% (-0,8)	0% (-1,6)	9,8% (3,5)	2,2% (-0,7)

Значимость хи-квадрата – 0,0003236

Таблица 5

Распределение оценок наличия доверия к людям

Типы ИТР Оценка наличия	Отчуждённые в сфере труда	Отчуждённые от потребно- стей и в сфере труда	«Наивная молодежь»	«Баловни судьбы»	«Униженные и оскорблён- ные»
Отсутствует	0% (-1,2)	11,5% (3,4)	0% (-1,5)	0% (-2,3)	8,7% (2,0)
Присутствует слабо	19,4% (1,9)	15,4% (1,3)	4% (-1,7)	3,3% (-2,8)	19,6% (2,2)
Присутствует средне	47,2% (1,5)	46,2% (1,7)	32% (-0,7)	29,3% (-1,7)	34,8% (-0,2)
Присутствует	27,8% (-2,1)	26,9% (-2,8)	58% (2,2)	56,5% (2,9)	37% (-1,1)
Максимально присутствует	5,6% (0,0)	0% (-1,9)	6% (0,2)	10,9% (2,8)	0% (-1,8)

Значимость хи-квадрата – 0,003

ГЛОССАРИЙ

Трансгрессия – понятие, обозначающее ситуацию достижения субъектом внешней позиции по отношению к чему-либо в процессе пересечения границ и выхода за пределы, по ту сторону явлений, состояний или объектов, которые, в свою очередь, также являются внешними, чуждыми субъекту и не способствуют свободному проявлению его истинной сущности.

В этом смысле трансгрессия в принципе может пониматься как процесс преодоления субъектом отчуждения и чуждых условий существования в сторону свободы. Наиболее полно понятие трансгрессии разработано Жоржем Батаем и понимается как процесс преодоления социальных запретов, традиций, моральных регулятивов в экономике, религии, философии, эротизме и т.д. Отличительной особенностью процесса трансгрессии является не отмена запретов, а их приостановка, изменение их силы и формы.

Трансотчуждение – концепция и понятие, используемое мной для объяснения феномена гибридизации, смешения, взаимопроникновения различных видов, проекций, измерений отчуждения, происходящего в условиях постмодерна. Процесс преодоления барьеров, рамок, границ, подчас в сторону желаемого и запретного, характеризует переход (трансгрессию) советского общества в фазу постсоветского и в итоге консервацию старых советских и появление новых западных видов отчуждения и их гибридной формы – трансотчуждения.

Жидкое общество – центральная, суммарная характеристика современных обществ, применяемая Зигмундом Бауманом для объяснения таких явлений постмодерна как хрупкость и недолговечность социальных связей, серийность человеческих отношений, а также размывание прежних жёстких социальных структур. Жидко-современные общества характеризуются также жидким страхом, жидкой любовью и т.д.

Всеобщая (общая) экономика – понятие с помощью которого Жорж Батай полемизирует с экономистами и другими учёными относительно самого феномена экономики и того как он проявляется в обществе. Если традиционная экономическая теория объявляет накопление, производство, прибыль и рациональную цель как блага, то для Ж. Батая они представляют собой если не пустой звук, то ложную ноту. В границах его представлений об общей экономике цель, смысл человеческой деятельности заключены в непроизводительной трате, растрачивании капитала, энергии, ресурсов и т.д.

Тематический план изданий СО РАН, 2013 г.

Научное издание

ТРАНСОТЧУЖДЕНИЕ
КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОСТИ

Вячеслав Юрьевич Комбаров

ISBN 978-5-89665-254-0

Компьютерная вёрстка

С.А. Дучкова, А.П. Угрюмов

Подписано к печати 11 января 2013 г. Формат бумаги 60×84¹/₁₆. Гарнитура «Таймс».
Объём п.л. 13,25. Уч.-изд.л. 13. Тираж 300 экз. Заказ № 2.

Издательство ИЭОПП СО РАН
Участок оперативной полиграфии ИЭОПП СО РАН,
630090, г. Новосибирск, проспект Академика Лаврентьева, 17.